

ИВАН ОЧЕНКОВ



ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИОАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА
ИОАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО
ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ МЕКЛЕНБУРГА
КОНЕЦ СМУТЫ

Иван Валерьевич Оченков
Приключения Иоганна
Мекленбургского:
Приключения принца
Иоганна Мекленбургского.
Великий герцог
Мекленбурга. Конец Смуты
Серия «БФ-коллекция»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67124289

*Приключения Иоганна Мекленбургского: Приключения принца Иоганна Мекленбургского. Великий герцог Мекленбурга. Конец Смуты : сборник / Иван Оченков: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-138551-4*

Аннотация

Приключения нашего современника, угодившего в тело немецкого принца в самом начале XVII века. Его ждут необычайные приключения, преследования инквизиции, заговоры коварной родни, сражения, погони, дружба с юным королем Швеции и любовь прекрасных женщин. А где-то совсем

рядом изнемогает от Смуты Родина. Сможет ли он помочь своей стране?

Содержание

Приключения принца Иоганна Мекленбургского
Конец ознакомительного фрагмента.

5
397

Иван Оченков
Приключения Иоганна
Мекленбургского:
Приключения принца
Иоганна Мекленбургского.
Великий герцог
Мекленбурга. Конец Смуты
Приключения принца
Иоганна Мекленбургского

Маленький уютный городок Кляйнштадт, старинные здания, церкви, приветливые люди. Да, такой Германии я еще не видел, впрочем, я ее почти никакой не видел. Формально я здесь не в первый раз, но много ли увидишь из окон вагона и автомобиля? Было дело, когда-то я, Иван Никитин, будущий начальник отдела снабжения, гонял вместе с двумя друзьями автомобилями из Германии, правда, недолго. Несколько раз съездили удачно, машины с каждым разом покупали все луч-

ше, соответственно выгоднее продавали. Потом я заболел. Вообще-то я редко болею, так сказать, хронически здоровый человек, а тогда как-то простудился. В общем, поехали ребята без меня и не вернулись. Я потом звонил знакомым, у которых мы останавливались. Да, были. Да, машины взяли. Да, уехали. Нет, не знаем. Концов так и не нашли. Времена тогда такие были, позже их называли «лихими девяностыми».

Заработанных денег как раз хватило на учебу – я, собственно, для того и взялся, чтобы поменять свое средне-техническое образование на высшее. Оно у нас, конечно, бесплатное, но, как говорится, ничто не стоит так дорого, как бесплатное. Потом работал, естественно не по специальности, такая вот у нас традиция в последнее время в стране. Впрочем, жаловаться грех – ребята вон вообще не вернулись. Ну да ладно.

В Германию меня позвала Алена... Алена и есть та самая причина, по которой я в свои тридцать с хвостиком до сих пор не женат. Мы с нею дальние родственники, наши родители когда-то попытались разобраться в хитросплетениях генеалогии и выяснили, что она мне четвероюродная тетя. Она была младше меня на пять лет, и в школе я просто опекал ее как младшую сестренку. Когда после окончания техникума уходил в армию, она была уже почти взрослой, по крайней мере ей именно так казалось, девушкой. А когда вернулся со службы и увидел ее, я понял, что пропал. Увы, мои чувства хоть и были замечены предметом моего обожания, но оста-

лись безответными. Мы учились в одном институте, правда, пока я заработал деньги на учебу, она была уже на третьем курсе, нередко тусовались вместе. Почему мы так и не сошлись? Сложный вопрос. Наверное, мы все-таки слишком разные. Она всегда была в центре внимания, любила шумные развлечения, тусовки, клубы. Нередко напрапалую влюблялась в очередного принца. Потом, разочаровавшись, бросала его и плакала. Иногда в подушку, иногда в жилетку. Что характерно, в мою. Я утешал ее, говорил, какая она умница и красавица, и выводил, как мог, из депрессии. Я клубы не то чтобы не люблю, но предпочитаю активный отдых. На те деньги, что стоит поход в хороший клуб, можно купить не один килограмм вырезки, замариновать его и устроить отличный отдых на природе. Накупаться в речке, натанцеваться не хуже, чем в любом другом месте. По банкам пострелять. Она оживала, расцветала, и все начиналась по новой. В перерывах между влюбленностями она пыталась устроить и мою личную жизнь, к сожалению, не тем способом, который устроил бы меня. Короче, Алена постоянно сводила меня со своими подругами. Я как-то подсчитал, что из всех девушек, с которыми у меня случались отношения в институте, с семьей меня познакомила она. Сколько их было всего? Джентльменам таких вопросов не задают. Семь и было, чего уж там.

На последнем курсе она выскочила замуж, и мы редко виделись. И вот несколько дней назад она меня нашла и

предложила съездить в Германию. Не вдвоем, нет. Предполагалась достаточно немаленькая компания. Алена, ее муж Алексей, младшая сестра Алены Александра, она же Сашка, она же Шурка (та еще оторва!), подруга Алены Светлана (ну как же без этого) и ваш покорный слуга. Зачем она меня позвала, я так до конца и не выяснил. Вообще-то я в нашей тусовке всегда считался знатоком Германии и немецкого языка. Кто-то из акул пера назвал наше поколение «учившим немецкий язык по порнофильмам». Увы, в этой нелестной характеристике много горькой правды. На фоне многих своих сверстников, знавших по-немецки только «das ist fantastisch», я действительно немного «шпрехал». И в «бундесе» действительно побывал. Кроме того, еще в институте, когда у Алены периодически возникали проблемы с чересчур наглыми ухажерами, я неоднократно выручал ее. Так что считался человеком априори надежным. Нет, не подумайте, я вовсе не боксер и не каратист, и не бывший спецназовец. Я служил на флоте, и ВУС¹ у меня – такелажник артиллерийских боеприпасов. При необходимости я, конечно, могу двинуть ближнего своего кулаком в рыло, что, принимая во внимание мой рост в сто восемьдесят пять сантиметров и вес под девяносто килограммов и давнее пристрастие к штанге, гилям и всяческим гантелям, может пагубно сказаться на здоровье пострадавшего. Но на практике «двинуть» так никому и не пришлось. Обычно, увидев подписку

¹ Военно-учетная специальность.

в моем лице, ухажеры теряли большую часть своей наглости, и конфликт решался миром. Поизмельчал, однако, народ.

Я бы и не поехал, но сошлись несколько факторов. Наступило холодное время года, и наш кирпичный завод, на котором я и занимался снабжением, встал. Вообще-то это для кирпичных заводов норма. Разве что нормальное руководство зимнее время использует для планового ремонта. Увы, ни наш собственник, ни поставленное им руководство к таковым не относились. Персонал просто был распущен в неоплачиваемый отпуск до весны. В том, что запуск завода весной состоится, у меня были определенные сомнения, поскольку железо, в отличие от людей, издевательств не выдерживает и ломается. Но это так, к слову. Кроме того, еще летом я расстался с очередной своей пассией. В чем-то я ее понимаю: лето, солнце, жара и никакого моря. Что поделаешь, лето у кирпичников самое занятое время года, и вырваться нет никакой возможности. Да и живем не первый год, а в загс сожитель мало того что не зовет, а еще и вздыхает по лучшей подруге. Ну да, с Галиной нас тоже Алена познакомилась. Судьба, блин, видно, такая. В общем, делать мне было сильно нечего, а тут возможность прокатиться за границу на халяву, да еще Алена рядом. Ну и вообще.

В отличие от прошлых своих поездок, добирались мы не поездом, а самолетом. Ну, как говорится, на дармовщинку и уксус сладок, а тут далеко не уксус. Все мои расходы по нынешней поездке свелись к посещению дьюти-фри. Шур-

ка, заметившая мой маневр, плотоядно ухмыльнулась. Виски она уважала, и мы с ней нередко дегустировали что-нибудь подобное. Вообще Шурка была девушкой достаточно интересной. Глядя на них с Аленой, было трудно заподозрить, что они сестры. Алена – очень изящная брюнетка с большими выразительными глазами на совершенно кукольном личике, всегда со вкусом одетая и накрашенная. Шурка – ее полная противоположность, русоволосая пацанка с короткой стрижкой, полным отсутствием макияжа и резкими порывистыми движениями. Назвать ее стиль одежды унисексом было вряд ли возможным – скорее уж просто мужским. При всем при этом у нее довольно приятное, пожалуй, даже красивое лицо, и если ее приодеть и намакияжить согласно половой принадлежности, получилась бы довольно привлекательная девица. Увы, последний раз я видел ее в платье еще в школе, до того как школьную форму отменили. Так что выглядела Сашка скорее как довольно смазливый паренек, и когда мы иной раз где-нибудь зависали, не знавшие нас люди косились. Ну, нетолерантный у нас народ к секс-меньшинствам. Я, впрочем, к этой братии тоже отношусь без особых симпатий, скорее наоборот.

Алексея, мужа Алены, я знал мало – на свадьбе виделись, пару раз пересекались на праздниках, пожалуй, и все. То есть ничего плохого про него сказать не могу, скорее много хорошего. Из мягко говоря небедной семьи, но не мажор. Парень умный, начитанный, где-то интеллигентный даже. Родитель-

ские деньги не прогуливает, а приумножает. Цену им знает, но не жлоб, иначе зачем бы он на эту поездку тратился. В жене души не чаёт и во всем ей потакает. Похоже, единственный из всей родни, кто не догадывается, что я к его Алёне неровно дышу. В общем, со всех сторон положительный человек, если забыть, что Алёна за него вышла. Кроме того, он из той категории часто теперь встречающихся молодых людей, считающих, что во время Великой Отечественной войны наши предки совершенно напрасно так сильно сопротивлялись: «Пили бы теперь баварское». Ага. Когда я впервые услышал это, бить по жбану не стал, но общение сократил до минимума. Ну да, не люблю я таких. Я не великий патриот, но должно же быть хоть что-то святое.

Пятый член нашей импровизированной команды – Света, подруга Алёны. Единственная, с кем я знаком не был. Довольно симпатичная шатенка лет двадцати семи, отличная спортивная фигура, одета со вкусом, но без вычурности, к которой иной раз склонна Алёна. Блин, да что же я всех с ней-то сравниваю! Надо сказать, впечатления на Светлану я не произвел. Ну да, одеваюсь я не в крутых магазинах, а вовсе даже с рынка. Шевелюра, некогда густая и длинная, стремится к сокращению, посему стригусь коротко. Кожаная куртка и крепкие ботинки. Это ещё что, видели бы вы мой спортивный костюм «адидас», в котором я когда-то машины гонял. В общем, на наших улицах люди моего типажа встречаются часто, и не со всеми хочется общаться. Единствен-

ное, что выбивается из образа, – это очки. Ну да, ношу, минус три. Как на флот с ними попал? Ну, так время-то какое было. Брали всех – хромых, косых, горбатых. Я на фоне многих еще и ценным кадром выглядел.

Ну и ладно, не больно-то хотелось, в смысле еще не вечер. Алена, кстати, часто мне указывала на недостатки моего гардероба. Дескать, по одежке встречают, и вообще... Но без особого успеха.

Самолет – это вам не поезд. Быстро, комфортно, запахи не докучают, попутчики не успевают напиться в хлам. Красота! Пока летели, Александра успела меня посвятить в неизвестные мне подробности. Оказывается, лететь должны были с Аленой, Алексеем и Сашкой родители последнего, точнее – наоборот. Предполагалось подписание каких-то важных документов и культурная программа. Однако отец Алексея, Михаил Иванович, заболел и поехать не смог, а мама Людмила Александровна, естественно, не могла его оставить одного. Таким образом, деловая часть поездки перешла от отца к сыну, а культурная программа оплачена – не пропадать же добру. Светлана, оказывается, помимо всего прочего, довольно большой менеджер в компании и привлечена в качестве эксперта, дабы любимое чадо чего по неопытности не напортачило. Ваш покорный слуга был в конце списка возможных кандидатов, но, во-первых, все были заняты, а во-вторых, всплыло мое гипотетическое владение языком Шиллера и Гёте. Увы, остальные члены команды из иностран-

ных языков знакомы были только с тем, на котором изъяснялись и творили Марк Твен и Чейз, то есть американским вариантом английского. Кроме того, Михаил Иванович однажды имел возможность вкусить шашлыка в моем исполнении и понаблюдать за стрельбой по пивным банкам. Очевидно, благодаря увиденному (и съеденному) проникся и полагал меня человеком бывалым и надежным. Я, естественно, разубеждать никого не стал.

На немецкой земле нас встречали ну не с помпой, но как довольно важных персон. Респектабельный господин, назвавшийся герром Клаусом. Комфортабельный минивэн, доставивший нашу гоп-компанию к снятому загородному дому. Да-да, никаких гостиниц! Единственное происшествие, омрачившее наше триумфальное прибытие, приключилось, когда мы, свернув с автобана, двигались по направлению к снятому нам дому по местному проселку. Ах, видели бы вы тот проселок! Хотел бы я, чтобы некоторые наши федеральные трассы хоть чуть-чуть походили на эту проселочную дорогу! Тьфу, фашисты! Так вот, когда мы уже почти приехали, а герр Клаус рассказывал о местных достопримечательностях (за дорогой бы следил, олух), причем ваш покорный слуга хоть и не без труда, но довольно сносно переводил, на дороге выскочил заяц. Заметивший его в самый последний момент Клаус попытался отвернуть и затормозить, причем одновременно. Кто ж его так водить учил! Никакая АБС с таким издевательством не справится, и нас совер-

шенно естественно занесло. Глухой звук из-под днища автомобиля явственно свидетельствовал, что заяц повстречался с некой выступающей деталью. Присутствующие дамы разразились громким визгом, разве только Шурка произнесла нечто определенно нецензурное.

– Тихо! – подал я команду и покинул транспортное средство.

Ну, в принципе, ничего непоправимого не случилось. Минивэн съехал на обочину (мягко говоря), но должен выехать самостоятельно. Заяц, несомненно, покинул земную юдоль, ну да и царствие ему небесное. Про местные законы о защите животных я в курсе, но нас никто не видел и косою нарушитель ПДД отправляется в пакет и в машину. Откуда пакет? Ну, так лежит у меня обычно в кармане на всякий случай. Вот как раз на такой.

Герр Клаус явно в прострации от содеянного по неосторожности. Поэтому я мягко оттесняю его от руля, усаживаюсь сам и, потихонечку-полегонечку газуя, выезжаю на асфальт. Ну что, показывайте дорогу? И заодно расскажите, «майн герр», чем вас так взволновал данный ушастый представитель фауны, которого вы (да, именно вы) так ловко лишили жизни. А то вот дедушка мой рассказывал, что немцы – люди совершенно невозмутимые. Где он видел немцев? Под Сталинградом встречались. Герр Клаус вздрогнул и поведал совершенно фантастическую историю. Оказывается, оный заяц – местная достопримечательность. Его так и

называют «wütender Hase» – «бешеный заяц». Знаменит он тем, что совершенно безбоязненно скачет по дорогам, прыгает на прохожих и проезжающих и вообще всячески их травмирует. Причем нанести ему какой-либо вред считается плохим предзнаменованием, и местные всячески избегают причинять ему неудобства. Впрочем, заяц довольно хитер и ловок, так что нанести ему вред не так-то просто. И герр Клаус – первый, кому это удалось. Я как мог попытался успокоить немца и пообещал предать его (косого) земле со всеми полагающимися почестями, заодно внедрил в его голову мысль о том, что явка с повинной в полицию – не самая лучшая идея.

Загородный дом, в котором нас разместили, был выше всяких похвал. Достаточно старинный, он, тем не менее, обладал всеми возможными благами цивилизации в виде трех ванных комнат и стольких же уборных. Довольно помпезных, на мой плебейский вкус, спален было тоже три. Еще куча всяких комнат неясного назначения и совершенно очаровательная гостиная с камином и звериными мордами на стенах. Лепота-то какая, красота! Прислуга имелась приходящая, в данный момент отсутствовавшая, кухня полный отпад и просто гигантский холодильник, набитый всяческими продуктами. Пока гламурная часть нашего общества отправилась отмокать в ванны, мы с Шуркой оккупировали кухню. Ушастый нарушитель ПДД, довольно жирный, несмотря на позднюю осень (или раннюю зиму), был жестоко ободран, выпотрошен, порублен на части и совершенно цинично по-

ложен в кастрюлю и залит пивом из холодильника. Кастрюля, в свою очередь, водружена на плиту, плита подожжена. Шулюм обещал быть совершенно великолепным. Конечно, одного зайца на пять рыл совсем недостаточно, поэтому на прочих конфорках также что-нибудь жарилось, варилось и умопомрачительно пахло. Алексей первым закончил водные процедуры, и в ванную отправилась Шурка. Ее банный квест также долго не продлился, и поскольку процесс готовки подходил к концу, я, передав ей бразды правления, отправился принять душ.

Когда дамы наконец почтили нас своим присутствием, ужин был готов. Алена с Алексеем, не говоря об Александре, были знакомы с моими кулинарными талантами, а вот Светлану я определенно удивил. Ну что же, удивить – в нашем деле это первый шаг к тому, чтобы победить, в смысле уложить. Ну, вы поняли. Обычно я человек немногословный, исключений бывает два. Первый – это когда мне надо получить с поставщиков максимальную скидку, второй – когда выпью в хорошей компании. Поскольку пивом мы с Сашкой заливали не только зайца, язык у меня развязался. Я травил байки о службе во флоте, безбожно, естественно, привирая при этом, рассказывал анекдоты, смешные случаи из жизни. Слушатели, также отдавшие должное пивоваренной продукции фатерлянда, дружно смеялись. Потом была музыка, немного танцев. Наконец Алексей и Алена объявили, что идут спать. Между нами, ветеранами флота, говоря, давно пора. Света

раскраснелась, раскрепостилась и ничуть не напоминала ту немного высокомерную девушку из высшего общества, что садилась в самолет. Была, правда, одна проблема, а именно – Шурка. Пивом ее не проймешь, и выражение лица выразительно намекает, что пора повисить градус. Я в принципе не против, Светлана, как оказалось, тоже.

В гостиной полумрак, в камине потрескивают, догорая, дрова. Мы сидим перед камином на полу, обложившись диванными подушками. Отблески медленно затухающего огня на наших лицах придают им совершенно фантастические выражения. Разговоры становятся все откровеннее, а шутки раскованнее. Глаза поблескивают все ярче. Девушки явно затеяли какую-то игру, но я слишком много выпил, чтобы остановиться. Заводила, очевидно, Света, Шурка никогда себя так не вела. С ней хорошо выпить, поговорить о жизни, пострелять наконец. К женскому мозгокрутству она совершенно не склонна, а вот поди ж ты. Ну, девчонки, не я эту игру начал. Вокруг почти темнота, когда губы находят друг друга, руки касаются бархатной поверхности тела. Поцелуи становятся все жарче, руки проникают все глубже, одежды остается все меньше. Какое-то наваждение, морок накатывает на нас, и три тела сплетаются в какой-то совершенно немыслимый клубок страсти.

Когда-то давно служба на флоте нанесла моей психике совершенно невосполнимый урон. Сколько бы я ни выпил, как бы поздно ни лег, что бы ни случилось, я просыпаюсь в шесть

утра. Так произошло и на этот раз. Открываю глаза и оглядываю окружающее пространство. Ну что же... не приснилось! Приподняв одеяло, убеждаюсь, что лежу в чем мать родила меж двух девиц, столь же тепло одетых. Положительный момент только один (если не считать приобретенного опыта). мы все-таки перебазировались в спальню. На громадной кровати вполне можно было разместить еще столько же... хм... а ни фиги себе у вас фантазии, молодой человек! Хватит с вас и этого свального греха. Осторожно выбираюсь из постели и отправляюсь разыскивать одежду. Одежда, причем не только своя, благополучно найдена и отправлена по назначению. То есть моя надета, а девичья разложена на стульях в спальне. Исполнив долг честного человека (самому смешно) и уничтожив наиболее бросающиеся в глаза следы «преступления», я отправляюсь дальше. В холодильнике, точно помню, была минералка – так, уже легче. Уборная, умывание. Приятно чувствовать себя человеком.

Начинаю готовить завтрак: блюд будет три. Первое, мое коронное после мяса – «омлет с тем, что найду в холодильнике». Второе – крепко заваренный чай. Третье – для тех, кто не любит второго. То есть кофе. Сам я без чая не могу. Кофе пью только в самых крайних случаях. О том, что немцы, напротив, предпочитают кофе, я наслышан (плавали, знаем), так что пачка чая у меня есть с собой. За всеми этими движениями дело идет к семи, по дому распространяются соблазнительные запахи. Сначала появляется Алексей –

от омлета он отказывается, а вот кофе пьет с удовольствием. Ну, как говорится, хозяин – барин, нам больше достанется. Алена, я знаю, сова, ее если не разбудить, она до обеда может проваливаться. Так что следующими гостями будут Света или Саша. Сам с собой поспорил, что первой встанет Шурка, и проспорил. Пришли обе. Молчат, друг на друга и на меня стараются не смотреть. И как это у них получается? Надо как-то разрядить обстановку. И Остапа понесло. Придав лицу возможно более скорбное выражение, вопрошаю:

– Ну что, довольны? Я себя для невесты берег, а вы... воспользовались моей неопытностью...

Шурка, знакомая с моим специфическим чувством юмора, начинает первой ржать, как необъезженная кобылица. Через секунду к ней присоединяется Света. Фух, пронесло.

– Нет, вы на них посмотрите! Они еще и смеются! – восклицаю я голосом «тети Сони». – Ладно, садитесь есть!

Завтрак проходит в теплой, дружественной – ну почти – обстановке. В смысле никакого конфликта не произошло. Вскорости приехал герр Клаус, и мы отправились отбывать первую часть нашего вояжа. То есть Алексей и Светлана должны были заняться делами. Поскольку принимающая сторона английским владела, в моих скромных услугах не было нужды. Так что я в компании Алены и Александры занимался осмотром достопримечательностей, в данном случае – офиса. Надо сказать, офис того стоил. Очевидно, в прошлой жизни это здание было замком или чем-то в этом роде.

де. Несомненно, несколько раз перестроенное, оно, тем не менее, сохранило своеобразный дух древних времен. Стены, задрапированные гобеленами, были увешаны старинным оружием, и что-то мне подсказывало, что это не новодел. Роль гида играл герр Клаус, он довольно интересно рассказывал об истории городка, куда занесла нас судьба. Оказывается, в старые времена жизнь тут просто кипела. И как раз сегодня очередная годовщина одного знаменательного события. Именно в этот день почти четыреста лет назад, а именно 14 декабря 1610 года, в нем сожгли последнего еретика.

– И кто же был этот несчастный? – поинтересовались мы. Ответ, надо сказать, меня удивил: «Иоганн Альбрехт фон Стрелиц принц Мекленбургский».

– А что, принцев тоже сжигали?

– В этом случае, несомненно, случилось именно так. Дело в том, что принц был изрядным повесой. Сначала он соблазнил дочерей местного бургомистра. А когда скандал стал достоянием общественности, ничтоже сумняшеся заявил, что не может жениться на девицах столь низкого происхождения. Тем более на обеих сразу. Впрочем, когда сын бургомистра потребовал удовлетворения, низкое происхождение не помешало принцу проткнуть его шпагой.

– Вы сказали – дочерей? – переспросил я.

– Именно так, двух одновременно! – подтвердил Клаус.

Я по инерции перевел эту фразу и опомнился только от хмыканья Шурки.

– И откуда только такие подонки берутся? – саркастически воскликнула она.

– Сам в шоке, – только и смог я ответить.

Тем временем мы прошли в очередной зал, главным украшением которого была огромная, почти во всю стену картина. Она картина, как выяснилось, была посвящена суду над несчастным любвеобильным принцем. Принц, молодой, гордый и красивый, был в центре композиции, вокруг – стража и обвиняющий его бургомистр. На заднем плане – инквизиторы. Короче, картина внушала!

– А ведь принц на тебя похож! – воскликнула Алена.

– Да ну на фиг, – немедленно отреагировала Шурка. Действительно, стоящего в центре композиции сублимного молодого человека нельзя было перепутать со мной даже с великого перепоя.

– Да серьезно! Ты вспомни, каким мы его в армию провожали.

– Ну, не знаю, – протянула Александра, – вообще что-то есть.

Я обрадовался, что разговор пошел в другом русле, спросил Клауса:

– Послушайте, Мекленбурги – весьма знатный и могущественный род, кстати, славянского происхождения. Почему они не заступились за своего родственника?

– О, натюрлих! – согласился наш гид и поведал совершенно душеспитательную историю.

Папаша несчастного принца Сигизмунд Август Мекленбургский был младшим сыном герцога Иоганна Альбрехта I и с детства отличался крайне дурным нравом. Когда поведение молодого человека стало совершенно невыносимым, папаша лишил его наследства, однако назначил нехилую пенсию и пожаловал три города. Право на титул он, впрочем, сохранил. В 1593 году он женился на дочери имперского князя Богуслава Померанского, которая вскоре родила будущую жертву инквизиции и собственного распутства. В 1600 году Сигизмунд Август умер, оставив юного Иоганна Альбрехта сиротой. Мамаша после довольно долгого траура вновь вышла замуж. И как-то само собой получилось, что малолетний принц был предоставлен сам себе. Достойное образование ему дать позаботились, а вот про воспитание забыли, и молодой человек пустился во все тяжкие. К тому времени, когда он вляпался в историю с дочками бургомистра, поведение принца настолько достало венценосную родню, что они палец о палец не ударили, чтобы помочь беспутному родственнику, а ведь ему было всего шестнадцать!

Кроме того, три города тоже на дороге не валяются, так что судьба Иоганна Альбрехта была решена. Сыграла свою роль и приверженность Мекленбургов лютеранству. Местное католическое большинство отнеслось к поджариванию еретика с полным пониманием. Забегая вперед, надо заметить, что впоследствии Мекленбурги попытались отомстить за родню. Во время тридцатилетней войны Мекленбургский

герцог со шведскими войсками разграбил местные окрестности. Однако сам город устоял, да и главный виновник аутодафе бургомистр к тому времени уже умер. Бургомистр, надо сказать, тоже был личностью замечательной. Звали его Курт Рашке. Пятый сын небогатого коммерсанта, он не имел никаких надежд на наследство, поэтому еще в детстве был отдан в ученики местному стряпчему. Однако малый был упорным и в ремесле крючкотворства весьма преуспел. Кроме того, по воле Всевышнего старшие братья его один за другим покинули этот мир от различных болезней, и Курт получил все отцовское состояние, которое сумел не только сохранить, но и преумножить. Со временем Курт Рашке стал бургомистром и мог бы с полным основанием сказать, что «жизнь удалась», но тут на горизонте возник принц и все опошлил. Мало того что он лишил девичьей чести дочек почтенного бюргера – так он еще и уколошил единственного сына. Было отчего взбелениться, и горящий мщением бюргер проявил поистине дьявольскую изобретательность. Он обвинил принца в ереси и колдовстве, да так искусно, что оправдаться у несчастного юноши не получилось. Злые языки говорили, что свидетели были подкуплены, но, видимо, все звезды сошлись против принца. Кстати, одна из дочек родила от принца папаше Курту внука, который и унаследовал от дедушки и фамилию, и семейное дело, а впоследствии и должность бургомистра. Кстати, герр Клаус тоже один из потомков Курта Рашке и, соответственно, принца Иоганна.

Вот такая Санта-Барбара на немецком ландшафте.

После окончания деловой части мы дружно отправились на обед. Воздав должное немецкой кулинарии, вся наша гоп-компания отправилась полюбоваться на местный карнавал. Немцы, надобно заметить, интересные люди – мало того что они не один раз заливали всю Европу кровью, они еще и ухитрились устроить праздник из такого, мягко говоря, нерадостного события, как сожжение человека. Карнавал, впрочем, получился замечательным. Мы гуляли по празднично украшенному старинному городу, любовались его достопримечательностями, слушали музыку в исполнении уличных оркестров. Увы, мне было не до окрестных красот. Несмотря на мой вполне зрелый возраст и небедный жизненный опыт, в такой глупой ситуации оказываться мне еще не доводилось. Две прекрасные девушки, доставившие мне, не побоюсь этого слова, неземное блаженство этой ночью, поразмыслив, очевидно решили, что одного меня на них двоих не хватит, и развернули настоящее сражение за мою тушку. Каждая из них держала меня за руку и улыбалась самой обворожительной улыбкой. Причем я – нет бы выбрать одну – с небывалым усердием старался ухаживать за обеими. Не знаю уж, что на меня нашло, но в душе моей царил полный раздраз. Гляжу на Светлану – и понимаю, что именно ее я и искал всю жизнь, на Шурку – и вижу, что всю жизнь был редкостным дураком и не понимал, что счастье бродит рядом. Посмотрю на обеих – и душу начинает

щемишь так, что жить не хочется. А если в поле зрения попадает Алена...

Кстати, а что это? Какой-то чернявый парнишка невнятной внешности хватается сумку Алены и бросается со всех ног прочь. Окружающая нас мирная и праздничная действительность, очевидно, расслабила нас, и никто сразу не понимает, что случилось. Никто, кроме меня. Уличному воришке, на его горе, бежать надо к ближайшей подворотне мимо меня. Еще не до конца понимая, что случилось, я, аккуратно освободившись от девичьих ладоней, делаю два шага вперед и резко поднимаю руку. Злоумышленник на всем ходу бьется головой о мою конечность и растягивается на мостовой. Подойдя, поднимаю сумку и, развернувшись, следую к потрясенным моим героизмом дамам. Гордитесь, девушки, какая куча доблести и мужественности вам отломилась! Девушки и правда смотрят на меня как на памятник в Трептов-парке. Только Шурка вдруг вскрикивает и пытается мне что-то сказать, как в левом боку возникает острая боль. Разворачиваюсь и вижу злобную физиономию давешнего злоумышленника. Очевидно, он, будучи в расстроенных чувствах, не выдержал тяжелых нравственных страданий и, вместо того чтобы валить со всех ног с места происшествия, подбежал ко мне и воткнул в бок какой-то острый предмет. Ну, не паскуда ли? Зря ты это затеял, парень, и прежде чем додумать эту мысль, я бью ему в физию своим тяжелым пролетарским кулаком. С удовлетворением слышу, как хрустят его лице-

вые кости, и падаю. Странное дело: лицо уличного воришки почему-то неуловимо напоминает заячью морду. Какие, однако, глупые мысли лезут в голову... Ловлю себя на том, что вижу со стороны распростертого на земле здорового мужика и трех плачущих над ним девушек. Какая героическая смерть, подумалось... Смерть?

Недаром в народе говорят, что утро добрым не бывает. Просыпаюсь, как всегда, в шесть утра, когда все мало-мальски адекватные люди спят. Почему-то дьявольски болит голова. Странно, вроде бы вчера пострадал бок, а болит, просто раскалывается, именно голова. Я, наверное, в больнице, хотя окружающая обстановка больницу совсем не напоминает. Какая-то странная одежда, кстати, почему я в одежде? Впрочем, это, вероятно, пижама. Да, точно пижама, просторная рубаша и короткие штаны. А я сильно похудел – наверное, все-таки все эти невероятные происшествия были не вчера. Громко, ужасно громко бьет по ушам чей-то неприятный, просто отвратительный голос.

– Вы уже очнулись, прекрасно! Сейчас я кого-нибудь пришлю.

Голос принадлежит, какому-то странно одетому мужику, смотрящему на меня сквозь решетку (!) на двери. Есть еще какое-то несоответствие, которое не дает мне покоя. Я пытаюсь понять, в чем дело, но не могу сосредоточиться. Внезапно мои многострадальные мозги выдают совершенно дикую

мысль. Дело в том, что немецкий язык, на котором я говорю, называется хохдойч. Это далеко не единственный немецкий диалект, но его понимают все. Я же других не понимаю, от слова «совсем», поскольку различий в них куда больше, чем у русского и, скажем, украинского. Украинский я, кстати, понимаю. Так вот, говорили со мной определенно на немецком, но это был ни разу ни хохдойч! И что самое удивительное, я его понимаю прекрасно. Ох-ох-ох... что же со мной произошло?

Обхватываю голову руками – и новый сюрприз. Я уже упоминал о том, что стригусь максимально коротко? А теперь на моей голове довольно длинные, густые и... грязные волосы! Ноги перестают меня держать, и я плюхаюсь на то, что служило мне ложем. Облизываю пересохшие губы, и в голову приходит еще одно несоответствие. Над моими зубами немало потрудились стоматологи, и язык постоянно натывается на пломбы и пропуски. Давно надо бы протезировать, но нет ни времени, ни силы духа. Так вот, ничего похожего. Все зубы целы, и нет никаких пропусков. Кстати, а где мои очки? И почему я все хорошо вижу? Все! Я сошел с ума! Так не бывает. Спасительное забытие охватывает меня, и я отключаюсь от окружающего меня дурдома.

– Ваша светлость, какое счастье, что вы очнулись, – слышу я сквозь забытие.

Какой-то старик хлопчет вокруг больного меня.

– Где я и что со мной? – говорю я с трудом.

– О, ваша светлость, вы в городской тюрьме. Точнее, в доме ее начальника. Эти негодяи не посмели поместить принца вместе со всяким сбродом. У нас все-таки добропорядочная Германия, а не эта ужасная Франция, чтобы принцы сидели в Бастилии.

– А кто у нас принц? – ошарашенно интересуюсь у старика.

– Вы, ваша светлость! Вы ничего не помните?

– Увы, друг мой, совершенно ничего. А что за принц? И кто вы?

– Час от часу нелегче! Вы – Иоганн Альбрехт фон Стрелиц принц Мекленбургский! А я – ваш верный слуга, служащий вам с момента вашего рождения, Фридрих. Ваша светлость, когда находится в хорошем расположении духа, называет меня «старый Фриц». Вы что, совсем ничего не помните?

– Нет, а как я оказался в тюрьме, и почему у меня так болит голова?

– Ох, ваша светлость, вас арестовали после того, как вы проткнули живот несчастного Рашке-младшего. Жаль, конечно, молодого человека, но он сам виноват.

И тут я понимаю, что не просто сошел с ума: у меня натуральная шизофрения. Только что я узнал о существовании этого принца – и вот я уже в его теле. А вокруг, вне всякого сомнения, палата номер шесть. В безудержном желании избавиться от свалившегося на меня наваждения я

крепко щипнул себя за руку. Блин, больно! По крайней мере, я не сплю. Интересно, а при шизофрении боль чувствуют? Или это все-таки реальность? Странная извращенная реальность? Впрочем, все эти мысли, хаотически мелькающие в моей голове, не мешают мне поддерживать разговор.

— А что случилось, Фридрих? Расскажи мне, пожалуйста, а то я ничего не помню.

И Фридрих рассказал мне новую версию истории принца. В Кляйнштадте принц гостил по приглашению местных бургграфов. Благородного общества в этой глуши не хватало, и поэтому в его число были приняты дети наиболее зажиточных бюргеров, в том числе и отпрыски бургомистра Рашке. Как-то хозяева устроили что-то вроде барбекю на природе. Все было чинно и благородно, но внезапно разразилась гроза, и мероприятие немедленно превратилось в филиал горящего бардака во время наводнения. Юный принц, на свою голову, проявил галантность и помог дочкам бургомистра укрыться от непогоды в одиноко стоящей хижине в лесной чаще. Что между ними случилось, лучше всего выражает русская поговорка «дело молодое». Все бы осталось лишь пикантным приключением, но одна из девушек забеременела. Сын бургомистра, не великого, к слову сказать, ума парень, схватив первую попавшуюся острую железяку, прибежал требовать объяснений. Принц проявил максимум возможной в его обстоятельствах кротости и толерантности, но когда оружие молодого Рашке третий раз просвистело мимо

его уха, потерял терпение, и... у бургомистра не стало сына. После этого Иоганна Альбрехта попытались арестовать, а он, естественно, был против. Однако стражники владели оружием лучше молодого Рашке и потому отделались лишь несколькими ранениями. Эти ранения их так разозлили, что высокородному принцу тоже досталось. Очевидно, один из ударов стал роковым, и принц потерял память.

Хм, а голова-то болит. Какой-то больно реалистичный глюк. Интересно. А когда эту тушку потащат на костер, все ощущения передадутся так четко? Бр-р... Проверять что-то совсем не хочется. Кстати, аутодафе состоится четырнадцатого декабря.

– Мой добрый старый Фриц, – максимально елеиным голосом интересуюсь у верного слуги. – А какой сегодня день? – Двенадцатое августа, ваша светлость.

Ого, то-то мне показалась, что потеплело, – а у меня в запасе три месяца, недурно: должна же эта шизофрения закончиться. Хотя... а когда ввели григорианский календарь? Не помню, блин, вообще почти ничего о данном периоде не помню. Помню, что тридцатилетняя война начнется лет через семь или восемь, да и то из рассказа Клауса. Стоп, пусть исторических событий в большом масштабе я не помню, но конкретно историю принца мне рассказали достаточно подробно и, в принципе, не сильно переврали. Акценты, конечно, по-другому расставили, но расклад более или менее понятен. Что же делать? Думаю, перво-наперво надо встре-

титься с бургомистром.

Встретиться удалось на третий день. Я этого времени зря не терял. Во-первых, с помощью верного слуги пытался узнать как можно больше информации об окружающем меня времени. Во-вторых, занялся физическим состоянием своего нового тела. Не знаю, шизофрения это или нет, но запускать себя не стоит. Тело, кстати, не такое уж плохое. Да, худосочное, но для своих шестнадцати лет неплохо развитое. Мускулатура имеется, гибкость, пожалуй, на порядок лучше, чем у моего прежнего (или будущего?). Похоже, парень серьезно занимался фехтованием. Ну что же, полезный навык для окружающих меня времен, надеюсь, смогу им воспользоваться в полной мере. Когда бургомистр появился, я как раз занимался приседанием с табуреткой на вытянутых руках. Табуретка была тяжелой, и держать ее в одной руке пока не получалось. Очевидно, такое поведение было нетипичным для принцев, и старший (а теперь и единственный) Рашке смотрел на меня со смесью недоумения и злорадства. Эге, а дяденька-то меня всерьез ненавидит, хотя и побаивается. И явно что-то затеял. Ну на самом деле, что он затеял – я знаю, так что поборемся.

– Проходите, герр Рашке, садитесь, – говорю я и подвигаю ему свой импровизированный спортивный снаряд. – Вы, очевидно, знаете, что я ничего не помню из прошедших печальных событий, но мне кажется, вам есть что сказать.

Вот тут я угадал: у герра Рашке накопилось ко мне мно-

го чего. Кстати, мы, русские, совершенно напрасно думаем, что как-то непревзойденно ругаемся. За остальных не скажу, а вот слышал я как-то немецких моряков... герр Рашке, хотя и не был моряком, не подкачал. Высокое происхождение принца, конечно, накладывало определенные ограничения, но почтенный бургомистр справился. Уважаю!

Вы никогда не пробовали уговорить незнакомого поставщика поставить вам некие материальные ценности без предоплаты? А я не только пробовал, но и уговаривал. Есть тут одна тонкость – на самом деле их много, но эта главная: надо во всем соглашаться с оппонентом. Примерно так: «Да, герр Рашке». – «Мне очень жаль, герр Рашке». – «Это очень печально, герр Рашке». – «Вы совершенно правы, герр Рашке». Когда фонтан красноречия почтенного бургомистра иссяк и он, сбитый с толку моим примирительным отношением, замолчал, я самым вкрадчивым голосом спросил его:

- Герр Рашке, а вы уже нашли лжесвидетелей?
- Каких лжесвидетелей? – поперхнулся бюргер.
- Которые обвинят меня в ереси, идолопоклонстве и колдовстве?
- Что вы такое говорите, ваша светлость!
- Моя светлость так сильно пострадала от ваших стражников, что я забыл все свое прошлое, однако Господь в своей неизбывной милости взамен открыл мне грядущее. А оно очень безрадостно, особенно для вас, дорогой мой герр Рашке! Да-да, для вас. Хотите, поделюсь? Ну, так вот. Когда

один молодой и взбалмошный принц предстанет перед святым трибуналом, он не станет ничего отрицать. Да-да, вот возьмет и раскается, а когда его спросят, кто же вовлек его юную христианскую душу в столь страшный грех, он укажет на семью некоего бюргера. Вышеупомянутый бюргер просто знаменит своим непревзойденным колдовством, с помощью которого он в свое время отправил на тот свет всех своих родственников и стал единственным наследником.

– Меня в то время не было в городе, – напряженным голосом ответил бургомистр.

– О, это было бы оправданием, если бы речь шла об отравлении, но для колдовства расстояние ведь не помеха, не так ли? Но, если позволите, я продолжу. Этот бюргер в свое время начинал стряпчим и человеком был довольно ловким. Есть небольшая вероятность, что он сможет оправдаться. Но у принца есть могущественные родственники. Да, герр Рашке, могущественные! Так уж случилось, что они не слишком любят принца в качестве живого родственника, но очень может статься – захотят отомстить за него мертвого. Скажем, наложив контрибуцию на ваш прекрасный город. И потребовать в придачу голову бургомистра. Как вам такая перспектива, любезнейший господин бургомистр? Да не смотрите вы на меня так, мы же с вами почти родственники!

– Чего вы хотите? – голосом Рашке можно было морозить свиные туши на рынке.

– Чего я хочу? Господь вседержитель! Вопрос не в том,

чего я хочу, – вопрос в том, какой выход для нас с вами будет наилучшим в данной ситуации. Давайте смотреть правде в глаза. Вашего сына не вернуть. Я в силу своего происхождения не могу жениться на вашей дочери, это было бы катастрофой для меня и мало помогло бы вам. Ваша дочь беременна? Что же, не самый плохой вариант, поверьте мне. Наши законы позволяют, чтобы вы усыновили младенца и завещали свое дело ему. Я со своей стороны мог бы похлопотать о гербе для своего юного бастарда. Правда, мне для этого необходимо быть живым и здоровым.

Поэтому отвечайте честно: вы уже сообщили куда следует о поимке еретика?

– Да, – тяжело вздохнул Рашке.

– Тогда вы должны устроить мне побег. Я уеду на некоторое время подальше, а потом, когда все забудется, вернусь. В воздухе пахнет порохом, постоянно где-нибудь идет война. Я могу погибнуть на ней, а могу и преуспеть. Вот тогда и вернемся к нашему разговору о будущем.

– А что я скажу святому трибуналу?

– Не разочаровывайте меня, неужели столь опытный человек не найдет, что сказать в данной ситуации? Ну был предполагаемый еретик и колдун, ну сбежал, ну, наверное, дьявольским наущением. Найдете что сказать, не маленький.

– Мне нужно подумать.

– Некогда думать, уважаемый, надо как можно быстрее попытаться исправить ситуацию. Ну да, настолько, насколько

ко это возможно.

Фух, еще не победа, но, кажется, первый раунд за мной.

Через три дня ранним утром, или, точнее сказать, совсем уж поздней ночью, мы покинули оказавшийся столь негостеприимным город. Мы – это ваш покорный слуга, называйте меня хоть Иоганном Альбрехтом, хоть Иваном Никитиным, и мой старый добрый слуга Фридрих. Старик нянчился с принцем с младенчества и очень привязан ко мне. Ко мне? Ну да. Я все больше начинаю воспринимать это тело как свое. Мы едем верхом. Сначала перспектива подобного путешествия вызвала у меня легкую оторопь, но принц, как видно, был недурным наездником и навык достался мне по наследству. Еще пара лошадей похуже у нас в поводу. На них погружены кое-какие припасы и пожитки. Пожитков, кстати, не так мало. Я детально не разбирался, но помимо нескольких комплектов одежды там здоровенная кираса и шлем, а также несколько шпаг, кинжалов и прочих приспособлений для умерщвления себе подобных. Это помимо того, что висит на нас с Фрицем. У меня на поясе шпага, та самая, что лишила в свое время жизни несчастного Рашке-младшего. Мы с Фрицем пару раз фехтовали... Ну что можно сказать? Шпагу я держу как шампур с шашлыком. Фехтую примерно так же, по крайней мере, пока думаю о процессе. Но когда отвлекаюсь, моторная память прежнего владельца тела возвращается, и я довольно ловко орудую своим клинком. Еще

на поясе висит кинжал, Фриц называет его «дага», его тоже можно использовать в бою. В седельных кобурах-ольстрах² у меня два кремневых пистолета. Впрочем, я бы эти орудия пистолетами не назвал. В фильмах о гражданской войне бандиты часто вооружены обрезами – так они (обрезы) покороче моих пистолетов будут. Мой арсенал завершало нечто вроде легкого карабина. Фриц назвал его кавалерийской аркебузой. Довольно легкое и удобное ружьецо с вычурным ложем и прикладом, украшенными сверх всякой меры. Главной особенностью его являлся колесцовый замок, здоровенная хрень, покрытая гравировкой. Для его завода необходим специальный ключ, но осечек, по словам Фрица, у этого монстра не бывает. Ну что же, посмотрим. Фриц экипирован под стать мне. На поясе у него палаш, тоже два пистолета, а вместо аркебузы, мама моя родная, здоровенный арбалет. Одежда тоже заслуживает описания. Никогда в прошлой жизни я не был одет столь вычурно. Дорожный костюм принца составляли бархатная темно-коричневая куртка и такие же короткие штаны. Из-под куртки выглядывала рубашка с огромным, на мой взгляд, кружевным воротником. Такие же, только поменьше, кружева на запястьях. По идее, такие должны быть и на чулках, обтягивающих мои икры, но от них я решительно отказался, тем более что на ногах ботфорты и чулок не видно. На голове моей сидела некая смесь широкополой шляпы с беретом, украшенная пером. Ну чем вам не

² Ольстра – седельная кобура.

д'Артаньян! Фриц одет в том же духе, но поскромнее.

Примерно около полудня мы остановились на привал. Фриц споро расстелил попону и разложил нехитрый припас. Довольно приличный кусок ветчины, сыр и хлеб. В качестве питья прилагался бурдюк с чем-то определенно алкогольным. Старый слуга стоял перед импровизированным дастарханом и всем своим видом пытался показать, что готов мне прислуживать. Этого еще не хватало! Достал свою дагу и отрезал по два справных ломтя от каждого продукта. Получилось два нехилых бутерброда – один передал Фрицу, а во второй вгрызся сам. Какая прелесть! Путешествие продлилось довольно долго, так что аппетит я нагулял. Махнул рукой пытающемуся возражать слуге – дескать, заткнись и ешь! Не до церемоний. Надо чем-то запить, и я потянулся к бурдюку. Фриц подскочил и налил мне вина в украшенную затейливой резьбой серебряную чашку. А недурно! Впрочем, надо помнить о несовершеннолетнем возрасте моей нынешней тушки и на спиртное не налегать. С другой стороны, пить некипяченую воду в этом царстве антисанитарии – дело опасное. Пока мы насыщались, на сцене появился еще один персонаж. Заметив нас, он решительно повернул в сторону нашей стоянки. Я внимательно рассматривал его. Молодой человек, скорее мальчик, на невысоком коне, чуть больше пони. Одет не бедно, но явно как горожанин, а не дворянин. И не спрашивайте меня, как я это понял.

– Принц! – воскликнул он звонким голосом. – Вам угрожает опасность!

– Вот как, отчего же?

– За вами погоня! – И добавил более тихо: – Принц, вы меня не узнаете?

– Погоня? Кто и сколько их? – вопрос я проигнорировал. Как-то привык за последнее время, что меня знают все, а я никого.

– Стражники Кляйнштадта, девять человек. Они хотят убить вас!

– Вот как? Хотят убить?

– Да, именно так. – И, немного помявшись, добавил: – Им заплатил бургомистр, чтобы они не взяли вас живьем.

Вот, значит, как, мой добрый друг и «почти родственник» Курт Рашке все-таки не сдержал своих кровожадных склонностей и решил довести месть до конца. Очень мило.

– Далеко ли преследователи?

– Мне удалось обогнать их разве на час, скоро они будут здесь. М-да, наши лошади немного отдохнули, но удастся ли выиграть скачку? Вот я не уверен.

– Нужно устроить засаду, – подал голос Фриц. – Здесь есть неплохое местечко, я их смогу задержать, мой принц, а вы бегите.

– Ну, уж черта с два! Никуда я не побегу! А знаешь, старый ворчун, у меня есть план. Эй, юноша! Вы определились, на чьей вы стороне? Тогда для вас есть работа.

Преследователи, заметив принца и его жалкую свиту, восторженно заорали. Добыча близка, а стало быть, близко и вознаграждение. Они увидели, как принц, заметный благодаря своему наряду и шляпе, рванул коня вскачь, слуга немного отстал. Ничего, слуга будет на закуску, а там и его высочество пожалует. И кавалькада из стражников, вопя и улюлюкая, изрядно растянувшись, рванула в погоню по петлявшей по лесу дороге. Когда первые всадники показались из-за поворота, я одним ударом перерубил петлю, удерживающую согнутым ствол молодой ивы. Деревце выпрямилось и натянуло веревку между стволами. Несшиеся вскачь стражники заметили неожиданно возникшее препятствие, только когда лошади стали падать, ломая ноги себе и шеи своим седокам. Пятеро преследователей временно вышли из строя, но четверым отставшим удалось поднять своих коней на дыбы и остановиться. Ну что же, могло быть и получше. Тщательно прицелился из аркебузы и плавно нажал на курок. Колесико хитроумного механизма зажужжало, высекая искры из кусочка пирита. Порох на полке вспыхнул, и карамультук произвел «бабах». Ого, а у изделия старых мастеров недурной бой для гладкоствола, это я вам говорю. Минус один, осталось еще трое. Я выскочил из своей засады, шпага на поясе, в руках по пистолету. Побежал к стражникам, пока они не успокоили своих коней. Какой бой у этих страхолюдных обрезов, я не знал, а рисковать не хотелось. Поэтому подскочил как можно ближе и разрядил пистолет в упор. Еще ми-

нус один, итого два. Но противник тоже не пальцем деланный, и оба ландскнехта, наконец справившись с лошадьми, направились ко мне. Это не есть гут, но есть еще один пистолет. Отбросил разряженный и прицелился в ближайшего ко мне стражника. Он, пытаясь закрыться конем, поднял его на дыбы. Прозвучал щелчок, и... тишина. Осечка, ах ты, допотопный огнестрел! Впрочем, мой противник тоже не ожидал такого везения и замешкался, поэтому я успел подбежать к нему и ткнуть шпагой в ногу. Не очень изящно, но какой-никакой, а урон. Тут в наш милый междусобойчик вклинился последний стражник. Был бы я в своей прежней (или будущей) физической форме – я бы схватил дрын потяжелее и без лишних церемоний повышибал своих оппонентов из седел. Против лома, как говорится, нет приема! Однако в теле шестнадцатилетнего пацана такие экзерсисы не проканают. Так что есть то, что есть, и, отчаянно вертясь, я отбивался от палаша противника своей шпагой. Причем старался именно увернуться. Мой оппонент мужик здоровый, и вряд ли я с ним сладил бы лицом к лицу. На мое счастье, бой на коне не самая сильная сторона городского стражника, и пока мне удалось избегать ударов этого гориллы в кирасе. Неожиданно в голову пришла мысль о пистолете, который я продолжал сжимать в левой руке. Он ведь не разряжен, так что я с огромным трудом взвел курок и попытался выстрелить еще раз. Ура, подлая железяка поимела совесть и, почти вывернув мне запястье, плюнула свинцом в моего противника. Уф,

слава тебе господи, а то долго бы я этой свистопляски не выдержал. Опустился в изнеможении на землю и понял, что рано расслабился. Тот стражник, которого я ранил в ногу, не выбыл из строя и не бежал, а навис надо мной, замахнувшись своим страхолюдного вида тесаком. Это конец. Сил сопротивляться больше не было, зажмурившись я ждал удара, и тут мой противник, вместо того чтобы рассечь мою тушку пополам, упал на меня со всего маху. Я не мог понять, в чем дело, поскольку арбалетный болт в его спине мне не был виден.

Мой верный Фридрих подоспел как раз вовремя, чтобы выручить меня из неприятностей. Убедившись, что со мной все в порядке, он возвратился к стражникам и проделал одно очень неприятное и жестокое, но совершенно необходимое в нашей ситуации дело. Он добил раненых и оглушенных противников и пострадавших лошадей. Я, выбравшись из-под тела стражника, старался ему помочь. Нет, не добивать раненых. Я еще не настолько адаптировался к окружающим реалиям. Но собрать уцелевших лошадей и пожитки безвременно почившей городской стражи Кляйнштадта я вполне мог. Им уже не понадобится, а нам все в кассу. Я навалил довольно большую кучу всякого добра и принялся его сортировать, когда к нам присоединился молодой человек, предупредивший нас об опасности и так успешно сыгравший для погони роль меня. Оказывается, юноша не сразу справился с лошадью и потому опоздал.

– О, это вы, наконец-то! Отныне и навеки я ваш должник. Не обижайтесь, что я не узнал вас, – я никого не узнаю после того, как мне славно врезали древком алебарды по загривку. Но ничто не мешает нам познакомиться вновь. Кто я, вы знаете, но можете звать меня Гансом на правах друга. А как мне называть вас?

– Мар... Мартином, ваша светлость!

Ого, а у мальчика глаза на мокром месте. Что это еще за... Хотя побоище вокруг впечатляет – вряд ли парень часто видел такое в родительском доме.

– Мартин, что же, прекрасно, очевидно, у нас с вами были какие-то дела, раз вы пришли мне на помощь. Кстати, как вы узнали об опасности, грозящей моему высочеству?

Паренек, очевидно справившись с волнением, начал бойко тараторить. Дескать, он ученик магистратского писаря и случайно подслушал коварного бургомистра, когда он давал указания старшему стражнику. Кстати, вот его труп. Узнав о кознях моих врагов, он тут же кинулся предупредить принца, то есть меня. И, хвала всем святым, поспел вовремя.

– Весьма похвально, юноша! Но все-таки чего ради вы бросили место и кусок хлеба ради заезжего принца?

– Ваша светлость обещали мне службу, – закусив губу, напряженно ответил мне мальчик.

– Вот как. Ну, раз обещал, значит, вы приняты. Не знаю, правда, в какой должности и с каким жалованьем, но думаю, мы сговоримся.

– Ах, ваше высочество, только не прогоняйте меня, я буду служить верой и правдой! Позвольте мне только быть подле вас, все равно кем!

Н-да, что-то больно много красноречия. Откуда столько обожания во взгляде этого мальчика? А он, часом, не из этих? Ну ладно, как говорила одна американская плантаторша, об этом можно подумать завтра. Сейчас есть дела более насущные.

Ревизия нажитого непосильным трудом выявила, что мы стали обладателями четырех лошадей с городскими клеймами. Девяти комплектов доспехов, состоящих из кирасы и шлемов. Восьюми палашей и фитильных ружей, которые я про себя назвал мушкетами. Увы, я пока не очень разбираюсь в окружающем меня огнестреле. Девятый стражник был, очевидно, старшим и вооружен шпагой и пистолетом. Причем, в отличие от моих карамультуков, этот пистолет имел более-менее вменяемые размеры, и его вполне можно было носить за поясом. Шпага тоже недурна, а вот это что... Бумаги? Что за чертов готический шрифт, ничего не могу разобрать. Так у нас же писарь тут где-то ошивается.

– Мартин, пожалуй, вы сейчас будете держать экзамен на должность секретаря! Ну-ка поведайте мне, что в этих бумагах.

Первая бумага оказалась чем-то вроде ордера на арест и поимку принца Иоганна Альбрехта Мекленбургского именем святой инквизиции. Вторая в сущности тем же самым,

но от имени магистрата города Кляйнштадта. Хуже всего было то, что во второй было указано, что означенный принц может выдавать себя за дворянина фон Кирхера или еще кого. Поэтому прилагалось достаточно точное описание меня и Фридриха. А вот это плохо – я, предполагая, что меня будут искать, выгавкал у папаши Рашке подорожную как раз на имя фон Кирхера, рассчитывая сбить погоню со следа. Да, а положение-то имеет тенденцию к ухудшению.

Огромную кучу трофеев, очевидно, придется бросить в связи с отсутствием времени и возможности реализовать, не привлекая к себе внимания. Правда, у каждого из стражников при себе нашлось по три серебряных монеты – видимо, задаток от герра Рашке. И то хлеб. Итак, нас ищут, причем ищут хорошо. Имеют описание и приказ действовать максимально решительно. Один раз нам повезло, а дальше?

– Фридрих, как ты думаешь, где нас будут искать меньше всего? Мой верный слуга изобразил глубокую задумчивость.

– Сложный вопрос, ваша милость, вы можете отправиться на север в Мекленбург к родне отца – или в Померанию, к родне матери, можете также на восток, в Польшу – там у вас тоже найдется родня. Да и тамошняя шляхта не любит, когда дворян пытаются осудить. Пожалуй, вам совершенно нечего делать на католическом юге, и вас там не будут слишком искать.

– Разумно! А что еще можно сделать?

– Не знаю, ваша милость.

– А вот я, кажется, знаю. Мартин, иди сюда, у тебя ведь есть писчие принадлежности? Садись и пиши.

Через несколько минут на свет появилась подорожная на имя почтенного бюргера, путешествующего с двумя дочками в Мюнхен. Нагрев на огне лезвие ножа я аккуратно снял с ненужной уже подорожной фон Кирхера печать и прилепил ее на новый документ. Потом, внимательно осмотрев труппы стражников, выбрал самого тщедушного и стал раздевать. Разоблачив покойника, я разделся сам и стал облачать его в свою одежду, включая белье. На мое счастье, он еще не очень застыл, так что хоть и с трудом, но моя задумка удалась. Ого, как Мартин покраснел, наблюдая мои телеса! Точно с ним не все в порядке. Старый Фриц, напротив, все понял правильно, только заметил, что лицом переодетый стражник не слишком на меня похож, да и волосы не такие.

– Ну, это дело поправимое, – ответил я и, нахлобучив на голову покойника свой шлем, выстрелил в нее из трофейного пистолета.

Бр-р, какое отвратительное зрелище, оно мне точно будет сниться! Последний штрих: подтащил тело к догорающему костерку и уложил так, будто он свалился в него лицом после ранения. Так что опознать по волосам не получится.

Профессора Герасимова, надеюсь, у них нет, и о дактилоскопии они тоже вряд ли слышали. Так что может сработать.

Мартин, после всех моих манипуляций, смотрел на меня со смесью страха и восхищения. Улучив момент, он подвиг

нулся ко мне и почему-то шепотом спросил:

– Ваша светлость, а вот в подорожной...

– Что в подорожной, *mein lieber*³?

– Там написано, что путешествует бюргер...

– О, бюргером будет Фриц. Он прекрасно справится.

– О да, но кто будет его дочками? – дрожащим голосом поинтересовался мой новоиспеченный секретарь и удостоился самого обворожительного взгляда, на какой способно было мое новое лицо.

– Дитя мое, а что вы знаете о таком жанре, как «гендерная интрига»?

Едва на следующее утро златокудрый Феб позолотил небеса, из одной ничем не примечательной деревни выехал довольно неказистый фургон. На облучке, отчаянно зевая, восседали почтенный бюргер и две его очаровательные дочки. Впрочем, действительно очаровательной можно было назвать только одну. Вторая была, так скажем, на любителя. Довольно рослая для девушки и с крупными чертами лица, хотя формы... Как вы понимаете, очаровательной дочкой был Мартин, превратившийся в Марту, а той, что на любителя, – ваш покорный слуга, откликающийся на имя Гретхен. Платья и повозку мы приобрели в деревне. Лошадей обменяли на попроще – все-таки это вам не наше время, могут опознать и по лошадям. Остался только маленький конек Мар-

³ Мой дорогой (нем.).

тина: уж больно жалко было его бросать. Дальнейшую дорогу он проделал привязанным к фургону сзади. Оружие и мужская одежда отправились на дно сундука, заваленные всяким тряпьем. Под руками остались только кинжалы и трофейный пистолет.

Переодевшись и критически осмотрев себя, я занялся недостатками фигуры. Природную узость в бедрах компенсировали нижние юбки. Недостаточную длину волос замаскировали чепцы, а вот отсутствием груди я занялся особо. Люди, отслужившие в армии, как правило, умеют в минимальной степени владеть иглой и ниткой. Мой армейский навык усугублялся еще и годами холостой или полухолостой жизни, так что шить я мал-мало умел. Не хуже иных особ женского пола, и это не преувеличение. Галка, к примеру, шить не умела вовсе. Эх, не доведет цивилизацию до добра эмансипация и феминизм. Так что, вооружившись иглой, ниткой и ножницами, я скроил два мешочка и две лямки. Мешки наполнил крупой, и получились вполне сносные протезы грудных желез. Читал в каком-то журнале, что в доисконовую эпоху их именно так и делали. Протезы получились на славу – не прошло и дня, как спина стала протестовать против непредусмотренных природой источников тяжести. На третий день появился еще один повод проклинать собственную чрезмерную дотошность и внимание к деталям. Дело в том, что мы присоединились к труппе странствующих комедиантов. Путешествовать сразу стало веселее, особенно

Гретхен. Один из бродячих комедиантов определенно запал на выдающиеся формы старшей дочери старого Фрица и стал оказывать ей всяческие знаки внимания, к немалой досаде последней. Причем ее младшую сестру Марту данное обстоятельство приводило просто в неопиcуемый восторг. Марта, кстати, от коррекции фигуры отказалось наотрез, впрочем, ее это ничуть не портило. Просто юная девочка, фигура которой только стала оформляться. Гретхен, глядя, как Марта легко порхает и непринужденно общается с окружающими, неоднократно пожалела о своем преждевременном созревании. Выручал только старый Фридрих, бдительно следивший за нравственностью своих малолетних дочурок. Иначе бы совсем кранты.

Имени воздыхателя я так и не запомнил, как, впрочем, и прочих артистов. Поскольку носили служители Мельпомены то, что прежде было сценическими костюмами, различал я их по амплуа. Мой поклонник был Скарамушем.

Дорога тем временем шла своим чередом. Поднимались мы рано, наскоро завтракали, запрягали лошадей и трогались в путь. День проводили в движении, лишь к вечеру останавливались на привал. Мы с Мартой, тьфу, прости господи, с Мартином собирали хворост, варили в котле немудреную похлебку, кормили лошадей – хозяйничали, одним словом, стараясь не выпадать из образа. Вроде получалось, во всяком случае, комедианты ничего не заподозрили. Особенно один из них, чтобы ему антрепренер с рогами приснился! Нас па-

ру раз проверяли конные патрули, особенно дотошно докапывались до комедиантов и, как ни странно, весьма усердно трясли моего ухажера. Очевидно, этот сексуально озабоченный Скарамуш чем-то напоминал им принца. К вящему огорчению Гретхен, арестовывать бродячего актера стража не стала. На папашу Фрица и его спутниц стражники особого внимания не обратили, разве что сами знаете на кого. Мамочка родная, роди меня обратно.

В один из вечеров женская половина нашего обоза устроила импровизированные посиделки. Отвертеться не было никакой возможности, и дочери папаши Фридриха приняли посильное участие. Девушки весело болтали, перешучивались и звонко смеялись. Среди комедиантов были неплохие музыканты игравшие нечто задорное. Похоже, дело шло к танцам. Во всяком случае, одна Коломбина уже выплясывала вместе с Арлекином, или как там его. Так, а это что еще? Мартин явно освоился в роли Марты и лихо отплясывал вместе с Пьеро – нет бы чинно сидеть рядом с сестрой, помогая отбивать атаки несносных ухажеров. Кстати, нарисовался и ухажер. Помяни, так сказать, черта – он и заявится. Нет уж, дружок, потанцевать тебе сегодня не обломится, дама не в настроении. И – это, ручонки при себе держи, ладно! Ну вот, молодец, хороший мальчик, может, и доживешь до утра. Господи всеблагой, кто бы мог подумать, что жизнь девушек столь полна трудностей и опасностей!

Наконец вечеринка закончилась, и пора было отправлять-

ся по фургонам. Скарамуш и Пьеро провожали нас, пытаюсь незаметно развести в разные стороны. При чем Марта, дурочка, кажется, совсем ничего не понимала. По идее, нас должен встречать папаша Фриц, но этот старый хрен куда-то запропастился. Неужели спит? Порву, мля! Ну, что и требовалось доказать, Марты с Пьеро уже не видно, а Гретхен прижали к фургону и собираются лишить девственности. Как бы я тебя самого чего не лишил, придурок. Резкий удар коленом в пах и практически одновременно обеими ладонями по ушам резко охладили пыл героя-любовника, и он, скрючившись, упал на грешную землю, оглашая окрестности сдавленными стонами. Так, с этим все ясно, а где моя беспутная сестра? Ну вот, пожалуйста: Пьеро, повалив Марту на кучу какого-то тряпья, одной рукой зажимал ей рот, а другой задирал многочисленные юбки. Жертва отчаянно сопротивлялась, но сила была не на ее стороне. Впрочем, я не собирался спокойно стоять и наблюдать за грехопадением своей «сестренки». Нога, обутая в деревянный башмак, со всей силы врезалась в ребра насильника. Рука тем временем извлекла из складок юбки спрятанный там кинжал. Комедиант такой подлости, естественно, не ожидал, однако парень был крепким, и одного удара ему оказалось мало. Но шансов давать я ему не собирался, и как только он попытался вскочить, в его горло уперлось лезвие моей даги.

– Мой дорогой друг, – вкрадчиво прошептал я на ухо жертве спермотоксикоза. – Вы со своим приятелем соверши-

ли непоправимую ошибку, ибо мы девушки порядочные и с первыми попавшимися кобелями не ляжем. И уж тем более до свадьбы! Ведь правда, Марта?

Марта испуганно кивнула. Похоже, моего секретаря трясет. Ну что же, может, поумнеет.

– А теперь, арлекин недоделанный, слушай сюда! Вон там забереешь кучу дерьма, которая недавно была Скарамушем. Да не делай такие глаза, жив он, отдыхает просто после любовных утех! Так вот забереешь его по-тихому – и валя в свой фургон. И не дай бог вы с ним расскажете кому-то, что действительно тут произошло, – я вам точно все ненужные органы поотрезаю! Это понятно? Все, *geh schnell nach hause*⁴ отсюда!

Как только Арлекин, подхватив своего дружка, кряхтя и охая, ретировался, я рывком развернул к себе свою непутевую сестрицу.

– Марта, скажи мне ради всего святого, в кого ты такая дура? Старшая сестра у тебя девушка благоразумная, папенька тоже человек неглупый, спит вот только, когда не надо...

– Я не сплю, – раздался в темноте голос старого Фрица.

– Вот как, а какого черта ты, старый осел, прятался, пока твоих кровиночек едва не оприходовали какие-то обалдуи?

Тут я наконец разглядел Фридриха – он был полностью одет, а в руках его пристроился старый добрый арбалет – похоже, Фриц действительно не спал и контролировал всю си-

⁴ Ступай быстренько домой (нем.).

туацию. Но почему не вмешивался?

– Видите ли, ваша светлость, во-первых, я был уверен, что вы справитесь сами и Марту не дадите в обиду.

– А во-вторых?

– Во-вторых, мне подумалось, что вам будет полезно узнать, что думает порядочная девушка, когда к ней под юбку лезет какой-нибудь негодник. И в следующий раз, когда один молодой принц останется с девушкой наедине, он хоть немного будет думать о возможных последствиях.

Да он издевается! Да, мой дорогой Иоганн Альбрехт, очевидно, когда вы сменили пол, ваш слуга совершенно разбаловался. Будем пресекать со всей возможной жестокостью! В смысле, я тебе это припомню, старый хрен.

– Ладно, пора спать! – сделал я зверское лицо и многообещающе добавил: – Завтра договорим!

Путешествие тем временем продолжалось. Как только на пути возникал мало-мальски крупный населенный пункт, наши попутчики останавливались и давали представление. Случалось, что местные жители звали их на свадьбы в качестве музыкантов, благо на чем-нибудь играть умели все. Как-то само собой получилось, что мы стали участвовать в представлениях. В конце концов, есть-пить надо, а денежные средства у нас были достаточно ограничены. У Мартина, как выяснилось, имелся недурной голос, песни его пользовались немалым успехом среди местных пейза. Ваш покорный слу-

га жонглировал — не слишком большим количеством предметов, но все же. Фридрих артистическими умениями не обладал, так что занял вакансию рабочего сцены. Жонглировать тремя шарами я научился еще в школе, потом нет-нет да и баловался, больших успехов не достиг, но упражнение довольно полезное в смысле развития ловкости. Наши попутчики помогли мне усовершенствовать навык. До Коломбины с Арлекином мне было далеко, но я старался. Обычно мы жонглировали втроем перед основным представлением, так сказать, для разогрева собирающейся публики. Мартин тем временем что-нибудь пел под аккомпанемент неразлучных Пьеро и Скарамуша, игравших на какой-то жуткой смеси гитар и мандолин. Когда публика наконец была готова, начиналось основное действо. В сущности, действо сие было комедией дель арте, но в немецкой интерпретации. Я никогда не был поклонником этого жанра, так что, посмотрев пару представлений, особенно не интересовался. Старый Фриц, в общем, тоже. Но на юного Мартина это грубое подобие театра произвело неизгладимое впечатление. Любое представление было для него праздником, он неизменно внимательно следил за каждым выступлением наших попутчиков, жадно впитывал в себя каждый жест, каждую шутку, звучащую с подмостков. Грубые ужимки комедиантов казались ему верхом изящества, а нехитрые импровизации приводили в неистовый восторг. Преданность искусству юного поклонника Мельпомены не осталась незамеченной, и бродя-

чие культработники принялись окучивать неофитку. То пение похвалят, то попросят помочь разучить танец, то еще что-нибудь придумают. А когда малышке Марте предложили маленькую роль, этот олух царя небесного был готов прыгать до неба от восторга. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Ночное приключение с Пьеро и Скарамушем несколько отрезвило горячую головку моего секретаря, а может, он наконец вспомнил о своей половой принадлежности.

Наутро мы, хмурые и невыспавшиеся, занимались привычными делами. Пора было уже трогаться, когда появилась делегация наших попутчиков. Впереди важно выступали Панталоне, бывший по совместительству антрепренером, его жена фрау Анна и Коломбина. Коломбина, к слову, была дочкой и наследницей Панталоне. Следом показались будущий зять Панталоне Арлекин и два незадачливых героя-любовника. Последние отчего-то были не в своих обычных костюмах, а парадно одетыми. Мать моя женщина, а папа прокурор! А они, часом, не свататься заявили? Предчувствия, как выяснилось, Гретхен не обманули. Почтенный Панталоне, как водится, завел разговор издалека. Сначала он похвастался, что год как никогда удачный. Потом плавно перевел на то, что бродячие актеры люди вольные, никого над ними нет. Кусок хлеба свой всегда заработают, и если юной Марте вздумается стать актрисой, к чему у нее есть все предпосылки, то голодать ей точно никогда не придется.

Так, папаша Фридрих, или ты сейчас отвадишь этих сватов, или точно кого-нибудь, порешу. Впрочем, старый Фриц не подкачал и, хмуро осмотрев незваных гостей, разразился пространной речью.

– Я не для того растил своих крошек в одиночку после смерти моей обожаемой жены, чтобы отдавать их в комедиантки, или попросту в шлюхи! Они у меня порядочные девушки и выйдут замуж за порядочных бюргеров! Нарожают детей и скрасят мою старость! Одно дело немного спеть или станцевать в дороге, для того чтобы заработать на пропитание, а другое – стать бродячими актерками, которым всякие шалопаи так и норовят залезть под юбку.

Каково излагает, старый мошенник, я аж расчувствовался!

– О, герр Фридрих, вы нас неправильно поняли! – вступила в бой фрау Анна. – У нашего Пьеро самые порядочные намерения, и он готов хоть сейчас жениться на вашей Марте.

– Какая честь, у вашего Пьеро ни кола ни двора, но он окажет мне великую милость и женится на моей красавице Марте! Можно подумать, что моя девочка не заслуживает ничего лучшего!

– Простите, герр Фридрих, но что-то я не видела у вас фольварка⁵. А мой племянник Пьеро добрый и талантливый мальчик и имеет долю в нашем предприятии! И лучшей партии для вашей Марты вам не сыскать, хоть всю Баварию обы-

⁵ Домовое владение, усадьба, хутор (польск.).

щите!

– Так уж и не сыскать! Да чтобы вы знали, я не просто так сорвался с дочками в Мюнхен из своего дома. Нас там ожидает наследство, и я смогу дать своим девочкам достойное приданое и выдать их замуж за порядочных и богатых господ!

– Ах, герр Фридрих, не разбивайте мне сердце! – попытался разжалобить разбушевавшегося Фрица новоиспеченный жених. – Я люблю Марту, и она, я уверен, тоже меня любит!

– Вот как? А может, вы еще и согрешить успели?

– Ну что вы, герр Фридрих, как можно! Марта, ну что же ты молчишь? Скажи своему отцу...

Бедняга Мартин, красный как неизвестный до сих пор в Европе помидор, в ужасе смотрел на жениха, который, кстати сказать, не далее как вчера пытался его изнасиловать. Что же, пора заканчивать этот балаган. Интересный разговор не помешал мне отцепить от борта фургона запасную оглоблю, и, держа наперевес свое орудие, я вышел вперед.

– Ах, вот, значит, как! – крикнул я комитету по сватовству. – Значит, к этой вертихвостке и малолетней дурочке Марте вы сватаетесь, а про меня забыли? Вы только посмотрите на них, люди добрые! Да где такое видано, старшая дочь еще не замужем, а они младшую сватают! Да как у вас ваши бельма бесстыжие не повылазили! Да как вас только земля носит!

– Гретхен, милая, – попытался исправить положение Ска-

рамуш. — Я тоже готов...

— Готов? Раз готов — держи! — вскричал я и попытался отоварить жениха своей импровизированной дубиной. — Мне от тебя, сукин ты сын, одолжений не нужно! Я тебе покажу, как порядочных девушек за всякие места хватать!

Женихи и прочие комедианты, увидев перед собой разъяренную фурию, спешно ретировались. Впрочем, я еще не закончил — мне все-таки очень хотелось кого-нибудь зашибить. Так что ретирада перешла в паническое бегство. Понаблюдав за несущимися во весь опор незадачливыми сватами, мы переглянулись и начали во все горло дружно смеяться.

— А не пора ли нам расстаться с нашими попутчиками? — спросил я, отсмеявшись, своих спутников. — А то Марта, чего доброго, и впрямь замуж выскочит.

— Да еще прежде старшей сестры, — поддакнул Фриц с самым серьезным видом.

— Как бы Гретхен сама замуж не выскочила, — не остался в долгу Мартин. — Вон как на нее все мужики смотрят!

На этом история сватовства не закончилась. Вечером, когда мы уже остановились на ночлег, ко мне как ни в чем не бывало подошла Коломбина. Фридрих возился с лошадьми, Мартин готовил, а я как раз собирал хворост, чтобы хватило до утра, и отошел довольно далеко от стоянки.

— Что, Гретхен, не хочешь замуж за Скарамуша? — улыбаясь, спросила она.

— Очень надо! — буркнул я, стараясь не глядеть на ее ап-

петитные формы.

– И кого же тебе надо – рыцаря на белом коне или богатого купца? А может, принца?

Не знаю, что на меня нашло, но я, отступив на шаг назад, оглядел Коломбину с ног до головы.

– Знаешь, подруга, я не простая девушка, и парни мне не очень нужны. Вот если бы ты на меня глаз положила, так я бы не сомневалась ни минуты.

«Боже, что я несу, вокруг, можно сказать, средневековые, они, поди, и знать не знают о таких изысках», – подумал было я, но девушка в ответ только звонко рассмеялась.

– Я так и знала, что ты парень переодетый!

– Да что ты такое говоришь! – попробовал я отпереться, но было поздно.

– Я это хоть и не сразу, но поняла. Вот уж кому быть комедиантом, а не Марте. Ты не простужена, а шею кутаешь платком – кадык прячешь? Ходишь не так, как девушки, хоть и стараешься. Ну, и с глазами парню ничего не сделать, к тебе Скарамуш ластится, а ты на меня пялишься украдкой. Такие уж вы, мужчины, ничего тут не поделаешь. Вот только грудью ты меня с толку сбивал: уж больно натурально выглядит. Если бы просто тряпок насовал, сразу было бы заметно. Покажешь, что там у тебя? – лукаво усмехнулась комедиантка.

– Покажу, отчего же не показать, сейчас я тебе все обстоятельно покажу, – проговорил я неожиданно охрипшим голосом и обнял ее. – Иди-ка сюда, милая.

Коломбина напряглась в моих руках, не пытаясь однако вырваться, потом чуть ослабла и неожиданно впилась мне в губы долгим поцелуем.

Когда я вернулся с вязанкой хвороста, Фриц уже устроился спать, а Мартин, дождавшись меня, сунул мне в руки миску с похлебкой и, не глядя на меня, ушел. Что-то он странный сегодня, подумал я, — неужели подглядывал? Уже засыпал, и мелькнула мысль: «А Мартина-то Коломбина не раскусила».

На следующий день мы расстались с нашими попутчиками, благо в небольшом городке их позвали на очередную свадьбу. Мы к тому времени уже были достаточно близко к цели нашего путешествия Мюнхену. Здесь, в богатых и многолюдных владениях Вительсбахов, мы надеялись окончательно затеряться и обдумать дальнейшие действия. То, что патрули уже давно нас не беспокоили, тоже внушало определенный оптимизм. Как только мы сочли, что достаточно отделились от комедиантов и неожиданная встреча нам не грозит, мы с Мартином вернулись к своему исходному состоянию. То есть переоделись. Мартин в свой, а я — в костюм того молодого стражника, того самого, которого оставил изображать свой труп. Теперь мы выглядели как средней руки горожане и ничем не напоминали тех милых девушек, разбивших сердца молодых актеров. Изготовили мы и новые документы — дело это оказалось совсем несложным. Фридрих предложил назваться горожанами города Стрелица. Когда Мар-

тин робко спросил, как быть с печатью, мой старый слуга усмехнулся и вытащил на свет шкатулку с драгоценностями. Так уж случилось, что я совершенно равнодушен к различного рода побрякушкам, будь то кольца, перстни, броши или серьги. То есть с моей точки зрения это все женские дела. Так что, зная о шкатулке в принципе, я совершенно не интересовался содержимым. Ну, есть немного ювелирки на черный день, и слава богу. Как оказалось, зря. В моем «приданом» было: большая парадная золотая цепь, которую следовало надевать на всякие важные мероприятия. Две цепи поменьше – одна золотая, другая серебряная, – предназначенные соответственно для мероприятий попроще. Три браслета. Серьги с довольно крупными брильянтами. Серьги эти почему-то считались мужскими, но, слава создателю, принц проколоть уши не удосужился. Ну и наконец пять ужасно крупных перстней, три из них с камнями, вроде бы рубинами. Два же оказались печатками. Одна из таковых – с фамильным гербом Мекленбургов, другая – с гербом Стрелица. Блин, Стрелиц же мой город, можно сказать, вотчина!

Остановились мы в непритязательном трактире на окраине, заняв одну комнату на троих. Лошади получили место в конюшне, а фургон во дворе. Фридрих пообещал разведать обстановку и целыми днями где-то пропадал. Мы же с Мартином остались предоставлены сами себе и целыми днями слонялись по городу. Мюнхен еще не стал тем Мюнхеном, каким мы знаем его в нашем времени. В девятнадцатом ве-

ке Вительсбахи едва не довели своих подданных до революции, отстраивая и украшая столицу, вкладывая в это астрономические средства, к вящему недовольству своих налогоплательщиков. Позже эти вложения сторицей вернулись потомкам недовольных, став приманкой для туристов. Увы, я не побывал в будущем Мюнхене, поэтому просто бродил по городу, глаза на его дворцы и храмы. На Мартина город и вовсе произвел ошеломительное впечатление. Никто не обращал внимания на двух бедно одетых подростков, гуляющих по улицам большого города. Однажды мы загулялись и, изрядно проголодавшись, решили зайти перекусить в харчевню. Цены там кусались, но голод был совершенно невыносим. Пристроившись в углу и жадно поглощая что-то вроде мясного рагу, я неожиданно услышал речь, показавшуюся мне знакомой. Прислушавшись, я понял, что за соседним столом говорят на латыни. Сам я в древних языках, что называется, ни в зуб ногой, а вот принц Иоганн Альбрехт, похоже, латынь учил всерьез. Так что, прислушавшись, я стал понимать смысл и едва не подпрыгнул от неожиданности. Неопределенного возраста монах и явный военный говорили обо мне. Очевидно, военный был осведомителем священнослужителя или, подвыпив, выбалтывал ему военную тайну.

— ...Уж очень хитрой бестией оказался этот еретик, пад-ре, даром что принц! Представьте, он передел убитого им стражника в свою одежду, вплоть до белья, и, изуродовав до неузнаваемости, оставил на дороге. И клянусь всеми святы-

ми, его дьявольская хитрость удалась бы, если бы тело случайно не опознала по родинке его мать, которую поставили обмывать тело перед погребением. Ибо этот несносный вероотступник все же принц. Да и вина его не была изобличена в священном трибунале.

– Так вы полагаете, сын мой, что принцу удалось ускользнуть?

– Вне всякого сомнения, падре! Причем это отродье сатаны, пока мы со всем тщанием искали его на севере и западе, отправился на юг.

– Откуда вам это известно?

– Мы нашли лошадей стражников, которых принц и его слуга продали местным крестьянам. На вырученные деньги они купили фургон и кучу всякого вздора, чтобы запутать следы. Увы, мы с упорством ослов искали этот фургон где угодно, но не на южной дороге. Когда я сказал о своих подозрениях капитану, тот поднял меня на смех, а когда и его пустой башке стало ясно, что я был прав, время было упущено! Будь проклят этот капитан, из-за него мы потеряли надежду на вознаграждение.

– А из-за чего вся эта суета, сын мой? Уж в чем нет недостатка в Священной Римской империи – так это в принцах, причем обвинения в ереси можно предъявить любому из них. В такие уж ужасные времена мы живем, что истинная вера ослабела и в нобилях, и в простолюдинах.

– Не знаю, падре. Похоже, у принца, несмотря на юный

возраст, есть враги, которые отрастили на него большой-пре-большой зуб!

– Интересно, а где же сейчас принц?

– Да где угодно! – захохотал военный. – Может, за соседним столом, и уж поверьте мне, эту хитрую бестию так просто не поймать!

Дослушав собеседников, я решительно встал и, не обращая внимания на жалобные стоны Мартина, потащил его в наше пристанище. Нужно было срочно что-то решать.

Когда мы добрались до нашего трактира, Фридрих был уже на месте. Я, не теряя ни минуты, рассказал ему и Мартину о случайно подслушанном мною разговоре. Тот внимательно выслушал и, подумав, сказал:

– Что ж, хотя нам не удалось обмануть преследователей, мы все же выиграли время. Я тут кое-что разузнал в городе. Ваш дядя Георг Второй Померанский князь Дарлова собирается жениться. Свадьба состоится зимой, там будут очень многие владетельные особы, но главное – там обязательно будет ваша мать герцогиня Брауншвейг-Вольфенбютельской. Кто бы ни были ваши враги, как бы они ни были влиятельны, она ваша мать. Вы всегда сможете найти у нее защиту и покровительство.

– Моя мать... но я ее совершенно не помню.

– Главное – что она вас не забыла, поверьте, ваша милость, то, что вас разлучили, большая трагедия для нее, и она делает для вас все возможное.

– Что ж, это все прекрасно, но до Дарлова еще нужно до-
браться.

– Есть одна возможность, ваша светлость. Помните, я вам рассказывал, что до того как поступить на службу к вашему отцу, я был ландскнехтом? Ваш отец совершил немало экстравагантных поступков, так что приставить к воспитанию единственного сына бывшего наемника – еще не самый странный. Но я тогда был в сложном положении, и ваш отец меня просто спас. Поэтому я верно служил ему и буду до гроба предан вам, ваша светлость! Так вот, здесь я встретил одного своего старого товарища, с которым мы когда-то начинали. Он преуспел на службе и сейчас командует эскадрон-ом рейтар, с которым нанялся в Польшу к одному магнату. Он мне должен, и у него некомплект, так что он примет нас в свой отряд, и мы доберемся до Польши.

– А как мы покинем свой эскадрон? Насколько я знаю, дезертиры не в чести у наемников...

– Ваша светлость, рейтарский контракт заключит горожанин города Стрелица, а принцу Мекленбургскому до его обязательств нет никакого дела.

– Что же, допустим, мы с тобой побудем рейтарами, а что делать с Мартином? Уж вряд ли из него получится рейтар. Не переодевать же его снова девчонкой, чтобы выдать за маркитантку?

– Ну что вы, ваша милость! – засмеялся Фридрих. – Конечно, из Мартина получилась бы прелестная маркитантка,

но боюсь, рейтары будут покрепче бродячих комедиантов, и от них мы не отобьемся.

– Ваша милость! – вспыхнул как мак Мартин. – Не смейтесь надо мной!

– Ну, полно тебе, дружок. Не обижайся.

– Не беспокойтесь, ваша милость, я обо всем позабочусь, мой друг возьмет Мартина горнистом.

Следующие несколько дней были плотно заняты закупкой необходимого снаряжения. Где ты, моя родная российская армия эпохи победившей демократии! И обмундируют тебя, и автомат дадут. Увы, до этих благословленных времен еще столетия, а нынче солдаты покупают снаряжение за свои кровные. Для того чтобы попасть служить в рейтары, новобранец должен явиться, что называется, «людно, конно, оружно». То есть на коне, в доспехах и вооруженным. Причем доспехи должны быть непременно воронеными, а прочая одежда черной. Ибо мы «черные рейтары». Напрасно я думал, что имеющегося у нас арсенала будет достаточно на все случаи жизни. Рейтару полагалось иметь не менее трех кавалерийских пистолетов, двуручный меч, прозываемый «бастардом»⁶, шпага на поясе или палаш, само собой. Доспехи должны были состоять из кирасы и шлема, можно было, конечно, и более полный комплект с наручами, на-

⁶ Двуручный меч, носившийся у луки седла, а не в ножнах. Отсюда и название. Вообще рейтары в качестве холодного оружия использовали reitschwert – гибрид меча и шпаги, но главный герой не слишком хорошо ориентируется в холодном оружии.

плечниками и латной юбкой, но перечисленное обязательно, остальное – по средствам. Достаточный запас пороха и свинца для пуль подразумевался сам собой.

– Смотрите, ваша светлость, – с этими словами старый Фриц вытащил откуда-то кирасу и шлем-морион. Опаньки, припоминаю, такие были на неудачливых стражниках славного города Кляйнштадта.

– Где ты их спрятал, старый мошенник?

– Да под фургоном, ваша светлость, вы-то свои доспехи оставили на том бедняге, ну я и подумал, что пригодятся.

– А что ты там еще припрятал? Признавайся, плут, все равно не поверю. Кстати, а на себя доспехи есть?

– Что еще? – переспросил слуга. – Да так, по мелочи, два мушкета, весь порох со свинцом, так чтобы нам не тратить-ся. А вот на себя... Простите уж, ваша милость, но староват я для рейтарства. Так что служить буду в рейтарском обозе. Так и договорился, уж не взыщите. Да и за вещами вашими присмотрю: не бросать же добро. Так что прикупить нам, помимо коня, надобно бастард и пару колесцовых пистолетов. Не жалуют в этой братии кремневые: уж больно дорого может осечка обойтись. Да и вашу аркебузу лучше припрятать – уж больно вид у нее парадный, а ненужные вопросы нам ни к чему.

На следующий день для моей светлости были приобретены строевой конь весьма внушительных статей, двуручный меч и два страхолюдных Doppelfauster, двуствольных писто-

лета с колесцовыми замками. Жутко дорогие, но очень надежные девайсы. Таким образом, вместе с пистолетом покойного начальника стражи у меня стало пять стволов.

Экипировка Мартина обошлась дешевле. Доспехов горнисту не полагалось, да и найти такие, чтобы подошли на его тщедушную фигурку, дело непростое. В конце концов я подарил ему легкую кольчугу из своего арсенала. Все же береженого бог бережет. Лошадка его для рейтар хотя и не годилась, но для горниста сойдет. На луку седла приладили кобуры-ольстры с моими прежними пистолетами. На пояс – самую легкую шпагу, какая нашлась. Потратились только на горн. Надеюсь, у Мартина получится играть на нем. Я вот в своей пионерской юности так и не научился.

Итак, одним прекрасным днем в жизни вашего покорного слуги наступил новый этап: я стал наемным рейтаром. Эскадрону надо было уходить, и я подумал было, что солдатской муштры временно избежал. Наивный чукотский мальчик. У моего капрала Шмультке было на этот счет свое мнение. Он собрал в один импровизированный взвод всех новичков и усиленно муштровал нас. В первый же день он выяснил степень моей боеготовности. Проверку стрельбой я прошел на ура: все-таки настрелялся я в своем времени из гладкоствола. Фехтовал, как оказалось, тоже весьма недурно. Моторные навыки моего тела вернулись в полном объеме, а дворян тут учат с детства и на совесть. Тест на больших мечях я бездарно провалил, он для меня пока тяжело-

ват, так что теперь капралу есть куда приложить педагогические способности. Разумеется, то, что я самый молодой солдат в части, если не считать Мартина, добавляло своего драйва. Впрочем, Мартин вечно отирался возле командира, и я его почти не видел. И надо сказать, крепко скучал по этому нескладному пареньку. Прямо не ожидал от себя.

Главное, впрочем, не владение холодняком. Главная сила рейтар заключается в строгой дисциплине и залповой стрельбе по супостату. Происходит это так: конный строй рейтар в полном порядке дефилирует к противнику. Приблизившись, рейтары в первой шеренге немного поворачивают и разряжают в плотный строй пехоты свои пистолеты, потом поворачивает в другую сторону и разряжают вторые. Потом весь ряд синхронно поворачивает и уступает место следующей шеренге, которая проделывает то же самое, затем третья. Обычно когда стреляет третья шеренга, враг уже деморализован и бежит. Тогда мы весело преследуем и рубим бегущего врага. Правда, может случиться, что враг не дрогнет, тогда применяется построение в двенадцать шеренг. Все это требует безукоризненной слаженности, и дрессируют нас всерьез. Кроме того, поскольку я «молодой», все внеочередные караулы, патрули и прочие радости адресованы в первую очередь мне. Впрочем, «дедовщины» в нашем понимании и близко нет. Большинство рейтар – это здоровые, усаые дядьки от тридцати до пятидесяти. Блин, что значит молодое тело, сам же недавно в таком возрасте был! Коней и оружие

каждый чистит сам, поскольку от этого жизнь зависит. Если рейтару придет в голову блажь постираться, то для этого существуют маркитантки. Есть, правда, трое молодых парней, такие же новобранцы, как и я, но постарше, лет примерно двадцати – двадцати двух. Эти ребята решили: раз они старше, значит, могут мной помыкать. Не на того напали, видал я карликов и покрупнее. Пара стычек расставила все по своим местам. Они здоровые, но неповоротливые. Я худой, но шустрый и всегда наготове. Кроме того, учиться военному делу надо, как говорил классик, настоящим образом. А поскольку в деле совершенствования боевых навыков я дам этим деревенским увальням сто очков форы, Шмультке любил их гораздо чаще и обстоятельнее, чем вашего покорного слугу. Это не добавляло мне популярности, но мне с ними детей не крестить.

Еще одной напастью стали наши маркитантки. Дамы эти большей частью битые и опытные, как на грех, все как одна положили глаз на самых молодых и красивых, то есть на меня с Мартином. Уж не знаю, как мой секретарь выкручивался, а мне было тяжело.

Маркитантки вообще статья особая, они для рейтар совершеннейшая необходимость. Надо привести одежду в порядок? Иди к маркитанткам. Надо приобрести какой-нибудь товар? Иди к маркитанткам. Появилась добыча, которую не увезти в переметных сумках? Тоже к ним. Сбросить сексуальное напряжение? А вот тут сложнее. То есть, конечно, да,

к ним! Но эти боевые подружки, как правило, не сами по себе, а чьи-нибудь ППЖ⁷. И их суровые покровители, рубль за сто, не поймут, когда какой-нибудь сопляк раззявит пасть на чужое. При чем своих подруг бить не станут, поскольку те могут и к другому уйти. Плати им потом за стирку-штопку. А вот молодому по рылу настучать – это пожалуйста, а оно мне нужно? Да-да, именно мне. А чего вы хотели, мне вновь шестнадцать, гормоны играют, знаете ли. Капрал, конечно, старается полностью заполнить мой день, так чтобы на глупости не было ни сил, ни времени, но тут у папаши Шмульке в носу не кругло. Российский матрос в огне не горит, в воде не тонет – и в рейтарах найдет возможность откосить от работы и пустить свою энергию во вредное русло. Так вот, стоит нам появиться у старого Фрица в обозе – эти вертихвостки начинают крутиться рядом. То постирать предложат, то вкусеньким угостить, то еще чего загнут. Мы, конечно, себя блюдем, ибо до резинотехнических изделий еще как до неба, а дамы, скажем так, сильно подержанные. И вообще принц я или не принц? Мне бы графиню какую, ну или дочку бургомистра на худой конец. Или маркитантку Анну. Анна самая молодая и красивая из наших обозных дам. Но она, увы и ах, единственная, кто на нас с Мартином и не смотрит. Кроме того, она подруга командира, и тут мне и вовсе ничего не светит. Ну что за жизнь!

⁷ Походно-полевая жена (жарг.).

Вот уже какую неделю наш бравый эскадрон попирает копытами коней польские земли. Мы идем на службу к нашему нанимателю – познанскому воеводе Яну Остророгу. Этот богатый и знатный польский магнат частенько воюет со своими соседями, так что иметь большой regiment⁸ для него не роскошь, а необходимость. Кстати, то, что он в Познани, почти случайность – в недавние времена он серьезно расширил свои владения за счет земель в Галиции и почти все время отирался там. Но, слава тебе господи, у него возникли какие-то терки с соседями в Познани, и мы идем туда. Мне, конечно, чихать на его проблемы, но из Познани до Померании ближе, чем из Львова. А мне надо в Померанию.

Под копытами коней пробегают миля за милей. Мы наблюдаем польские пейзажи. Не могу сказать, что зрелище захватывающее, но живут в общем и целом тут люди неплохо. Есть, конечно, и совершенно нищие деревеньки, но в основном все пристойно. Удивило огромное количество шляхты. У нас в Германии (во даю, немец нашелся!) дворян вроде как серьезно поменьше. Тут же в кого ни плюнь – попадешь в шляхтича. Причем гордого, хоть и нищего. Нет, есть, конечно, и весьма богатые вроде нашего нанимателя, но в основном все достояние вельможных панов – это то, что на нем, и сабля с конем. По крайней мере, у тех, что встречались на нашем пути. Впрочем, оно и понятно, справные хозяева сидят дома и занимаются делами, а не шляются по дорогам где по-

⁸ В Речи Посполитой – полк, войско.

пало в поисках приключений. Нас, кстати, шляхтичи активно не любят, но задираться опасаются. Во-первых, рейтары люди, как правило, неблагородные. А во-вторых, знают, что получают в ответку. Правда, каждый пан сам по себе боец перwokлассный и один на один противник весьма опасный. Но с дисциплиной у них напряг, так что сотня рейтар в плотном строю разгонит тысячу шляхтичей запросто. Впрочем, есть и среди шляхты люди более-менее вменяемые. Они обыкновенно служат либо в королевских крылатых гусарах, либо в панцирных хоругвах крупных магнатов. Это самый опасный наш противник – если они прорвутся через наш огонь, придется туго. Кстати, наши двуручные мечи как раз на такой случай: чтобы рубить отступающую пехоту, довольно и палашей. А вот для гусар и всяких кирасир и нужен бастард. Шмутьке нещадно гонял нас, заставляя отрабатывать отражение таранного удара пики и тут же удар острием в сочленение тяжелого доспеха. Тут он виртуоз, мне до него как до неба. Но это крайний случай, а так наша защита – плотный строй, маневр и огонь. Самое лучшее, если наш эскадрон разделится на две части и, дав кирасирам пройти между нами, расстреляет их перекрестным огнем.

На одной из днейок произошел не очень приятный сюрприз. Этим сюрпризом стал сержант Карл Гротте. В нем я, присмотревшись, узнал того самого военного, который рассказывал обо мне в харчевне монаху. Он, к счастью, служил не в моей роте, так что до этих пор мы не виделись. Позже

старый Фриц разузнал об этом сержанте от своего друга командира. Оказывается, он служил в архиепископском регименте и метил в офицеры. Но неудача с поимкой одного еретика и по совместительству принца подкосила карьеру доблестного военного. Кроме того, Карл имел неосторожность болтать на всех углах, что в неудаче поимки виноваты все, кто угодно, только не он, так что его турнули. На мое несчастье, некомплект в эскадроне был не только в рядовых, и его взяли. Вояка он, по всему видать, знатный, только языка за зубами держать не умеет.

Одним прекрасным вечером самые заслуженные ветераны, в том числе Гротте и Шмультке, собрались промочить горло стаканчиком вина. Ага, знаю я их стаканчики! Увы, в тот вечер молодой рейтар Ганс не смог улизнуть под благовидным предлогом и был припряжен старшими и опытными камрадами на предмет «поди, подай, принеси и слушай, что тебе говорят старшие, молокосос!». Подвыпив, они стали рассказывать о былых делах, боях-пожарищах, друзьях-товарищах и тому подобный пьяный треп. Разговором постепенно завладел Гротте, и как вы думаете, что он стал рассказывать?

Разумеется, о некоем принце-еретике и колдуне, угробившем столь многообещающую карьеру бравого военного. По мере опустошения бутылок онный принц превращался в сущее исчадие ада. Он сжигал церкви и святыне книги, глумился над священниками, развращал невинных дев, а бурго-

мистра Рашке и вовсе убил, а может быть, даже и съел. Как ни старался я сохранять бесстрастное выражение лица, но всему есть пределы. На одном особенно пикантном пассаже я не выдержал и ухмыльнулся. На мою беду, это тут же заметил Гротте.

– Чего это ты смеешься, молокосос! – зарычал он. – Уж не хочешь ли ты сказать, что я лгу?

– Ну что вы, сержант, как можно! – воскликнул я с видом как можно более невинным. – Просто я вспомнил, как давеча один подвыпивший шляхтич, выходя из корчмы, упал в грязь. Я и подумать не мог, что вы можете принять это на свой счет.

– Чего ты пристал к парню, Карл! – пришел мне на помощь Шмультке. – Эти шляхтичи и впрямь изрядные свиньи, и нет никакой беды, если молодой рейтар над ними немного посмеется. Кстати, Ганс, у тебя ведь мекленбургский говор, да и родом ты вроде из Стрелица. Ну-ка расскажи нам про вашего принца, а то Гротте тут такого наворотил...

Блин, но вот как же вы, капрал, не вовремя вспомнили-то о моем происхождении. Так меня, чего доброго, кондрашка хватит от вашей любознательности.

– Да что же я вам могу рассказать о принце, капрал? Меня, знаете ли, не так уж часто звали в герцогский дворец. Да и принц, по правде сказать, еще очень молод и не успел ничем особо прославиться. Вот его папаша – тот, доложу вам, действительно был знаменит своими кутежами да охотами.

Причем охотился он все больше не на лесных зверей, а на городских девок. Правда, он умер лет десять назад, оставив принца сиротой.

– Так, может, он еще и еретик был или колдун.

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, да только он, когда у нас в городе церковь сгорела, пожертвовал на ее восстановление немало гульденов. Вряд ли колдун, прости меня господа, был бы столь щедрым к храму божьему.

– Но ты же видел его, каков он?

– Видел, как не видеть, молодой, красивый, весь в шелках да в бархате. Волосы завиты, а на груди цепь золотая.

– Ну, а лицом он каков, глаза у него какие, на кого похож? – стал допрашивать меня трезвеющий на глазах Гротте.

– Скажете тоже, сержант, да кто же мне позволит в глаза принцу смотреть? А что до сходства, так если, не в обиду будь сказано, вас нарядить в бархат да повесить на грудь цепь – так и вы будете вылитый имперский князь. Особенно если не станете сквернословить, как давеча перед строем.

Услышав это, господа ветераны дружно захохотали.

– Да уж, чем наш Карл не князь!

Фух, кажется, на этот раз отбоярился, но надо с этим сержантом ухо держать остро.

На следующий же день наш капрал, как только ему представилась такая возможность, устроил для молодых рейтар учения. Сначала я фехтовал с остальными новобранцами по очереди, потом со всеми разом. Для меня это не проблема,

но что-то раньше Шмультке не особенно налегал на эту дисциплину. Для рейтар важен конный бой, а не пеший. А вот и разгадка: за всеми этими экзерцициями с интересом наблюдал Гротте. Да, походу, я влип, эти деревенские лоси вооружены палашами и размахивают ими как пьяный бутылкой. А тут я, такой весь из себя со шпагой, демонстрирую навыки, которых у горожанина, по идее, быть не должно. Ну-ну.

Вечером я рассказал о своих опасениях Фридриху и Мартину. Старый Фриц, поразмыслив как следует, ответил мне:

– Что бы там сержант себе ни думал, доказательств у него никаких нет. В эскадроне у нас только один командир, и ему, будьте уверены, ваша светлость, совершенно не понравится, если Гротте начнет мешать сюда святой трибунал. Карлу и так очень повезло, что его взяли сержантом. Я не знаю, где они познакомились с нашим командиром, а только не знай он его раньше – быть бы Гротте простым рейтаром, так что против него он и не пикнет. Остерегаться Карла, конечно, стоит да следить за языком, а серьезной опасности покуда нет.

Я уже собрался уходить, но тут возле нашего фургона, как черт из табакерки, выскочил сам сержант.

– Вот ты где, и старый Фриц здесь, вся компания в сборе! Вот что, парень, я человек прямой и не буду ходить вокруг да около. Я тут про тебя узнал кое-что: ты фехтуешь так, будто с тобой с детства занимались хорошие учителя. И стреляешь на ходу, словно с малых лет участвовал в конных охотах.

Чистоплотен и аккуратен, не то что другие новобранцы, из которых еще не выбили деревенскую дурь. Кто ты, парень, уж не беглый ли принц?

Только я собрался вдохнуть воздух перед ответом, как совсем рядом раздался заливистый смех. Это смеялась маркизантка Анна, непонятно как оказавшаяся неподалеку и слышавшая монолог Гротте.

– Ой, не могу! Я сейчас лопну от смеха, наш красавчик Ганс – принц! А Мартин, верно, принцесса! Сержант, ей-богу, спросили бы вы прежде у нас, женщин, что ли! Так мы бы вам рассказали, что Ганс сам всегда стирает себе белье, как заправская прачка, и штопает его не хуже иной швеи. Уж вряд ли в каком дворце принцев учат этим премудростям! Нет, я не могу, Ганс – принц! Надо остальным рассказать, а то они на него свои бесстыжие зенки пялят и не знают, что прежде должны сделать книксен, а уж потом звать в фургон.

– Да уж, сержант! – обрадовался я поддержке. – Придумали вы штуку. Не знаю уж про другое что, а про шпагу я вам так скажу: отец мой был фехтмейстером и, покуда не умер, успел меня кое-чему научить.

Гротте, в сердцах сплюнув, ушел, преследуемый смехом Анны. Я посмотрел на свою невольную спасительницу и сказал:

– Послушай, красавица. Будь я принцем, непременно позвал бы тебя к себе на службу экономкой или камеристкой.

Анна пристально глянула на меня и, слегка наклонив-

шись, шепнула:

– Стань принцем, мальчик, и я буду для тебя кем угодно! – И добавила: – Ваша светлость.

А ведь она, чертовка, не только что подошла!

Осень, бывшая поначалу весьма теплой, становилась все более дождливой и промозглой, когда наш эскадрон подошел к Познани. Ясновельможный пан не поленился выехать за город и полюбоваться на прибытие своих наемников. Разодетый в пух и прах посреди столь же сияющей свиты, он внимательно рассматривал наш строй. В черных одеждах и вороненых доспехах рейтары представляли разительный контраст с одетыми в яркие жупаны шляхтичами. Под командованием воеводы собрался довольно внушительный regiment. Помимо нас в него входили две панцирные хоругви и две хоругви попроще из так называемой загоновой шляхты. Пехота была представлена двумя полками гайдуков и полком немецких наемников. Впрочем, полки эти правильнее было называть, ввиду их малочисленности, батальонами. Полевой артиллерии не было, по крайней мере, я ее не видел.

На третий день после нашего прибытия погода улучшилась, и воевода устроил нам смотр. На большом лугу подле города был выстроен большой помост, украшенный флагами. Там разместился воевода со своими приближенными и членами семьи. Мы продефилировали мимо них на рысях, потом, разделившись на два отряда, демонстративно атаковали друг друга. Потом показали пану воеводе кара-

коль. Наш наниматель выглядел довольным. Шляхтичи из его окружения тоже не остались в стороне. Они скакали и бились на саблях. Показывали искусство владения копьем, на скаку попадая в кольцо, привязанное к столбу. Дамы, в большом количестве присутствовавшие при всем этом действе, с большим вниманием следили за гарцующими шляхтичами и усиленно стреляли глазками в особенно бравых кавалеров.

– А как ваши рейтары владеют мечами? – спросил у нашего командира воевода.

Тот в ответ махнул рукой, и вперед из строя выехал мой «любимый» капрал Шмультке. Что же, хороший выбор, капрал управляется с бастардом просто великолепно. Когда тот на скаку продемонстрировал рубку чучел, шляхтичи, знающие толк в этой забаве, восторженно завопили.

– Любезный пан воевода, для рейтар главное – не холодное оружие, а искусная стрельба. И в этом моим людям нет равных.

– Вот как? И вы нам, конечно, продемонстрируете это искусство, пан капитан? Только я понял, что ваши ветераны вполне исправные воины, а что молодые, так же хороши?

– Даже самый молодой мой рейтар не уступит в этом лучшим вашим людям, пан воевода, – сказал капитан и дал команду.

Теперь мой выход.

Шляхтичи, услышавшие слова командира, возмущенно зароптали, а уж когда они поняли, что из строя выехал без-

усый юнец, ропот перешел в шум. Ничего, шановные паны, сейчас я вас удивлю! Немного наклонив голову в шлеме, обозначив поклон трибунам, я направил своего коня рысью к чучелам, приготовленным для такого случая. По правилам я должен остановить коня перед чучелами, изображающими противника, за тридцать шагов и по очереди разрядить свои пистолеты в них. Но зря я, что ли, столько тренировался, изведя прорву пороха и свинца? Сейчас почтеннейшая публика увидит цирк в моем исполнении. Номер в моем времени назывался «стрельба по-македонски». Бросив поводья, я обеими руками вытащил своих «допельфастеров»⁹ и сделал один за другим четыре выстрела. Старые шлемы, изображающие головы, слетели с чучел на землю. Ну а то, что пистолеты заряжены дробью, – оно вам нужно?

Публика была в восторге от номера, и меня удостоили похвалы самого воеводы в присутствии дам.

– Вот видишь, Марысенька, – сказал он довольно красивой барышне, со скучающим лицом стоящей рядом. – Видишь, какой brave рейтар – даром что молод!

– Ах, дядя, в вашей свите и регименте достаточно brave и высокородных панов, – ответила она с ударением на «высокородных».

Беседовали они на польском, но мне, как ни странно, этот язык был понятен. Видимо, принц изрядный полиглот. За-

⁹ Двустольный колесцовый пистолет. Любимое оружие рейтаров. Были довольно дороги, отчего и не получили большого распространения.

нятно, я вот в прошлой жизни поляков не больно хорошо понимал.

– Какие бы замечательные воины ни были в войсках вашего дяди, прекрасная панна, в них до сих пор не было меня! – произнес я на языке еще не родившегося Мицкевича, слегка подбоченившись.

– Вот как? – с явным удивлением воскликнул воевода. – А ты, рейтар, как я погляжу, непрост!

– А зачем такому знатному господину на службе простачки?

Воевода, услышав мой ответ, разразился громким смехом, его примеру немедленно последовала окружающая его свита. Лишь пани Марыся недовольно хмурилась. Внезапно оборвав смех, воевода негромко спросил меня:

– Парень, ты, я вижу, не только с пистолетами боек, но и на язык остер! Да вот по чину ли оно тебе, ты шляхтич?

Кажется, я досвистелся, но тут уж пан или пропал. В голове внезапно всплыла одна из ролей Миронова, и я, коротко поклонившись, произнес:

– Будь на то воля божья, ваша милость, я мог бы быть и принцем!

Мое заявление вызвало новый взрыв заливистого хохота, воевода тоже смеялся, вытирая слезы. Лишь прекрасная Марыся смотрела на меня с легким недоумением и досадой.

– Ей-богу, не был бы так ловок с пистолетами, я бы тебя в шуты взял! – продолжал смеяться пан Остророг и махнул

рукой – ступай, мол.

Капитан, пристально на меня глядя, недвусмысленно подтвердил приказание рейтару «валить с глаз». Но, в принципе, он доволен. Смотр явно удался, клиент рад, жизнь прекрасна.

Жизнь в Познани вошла в свою колею. Рейтар разместили на постой по домам обывателей, строго-настрого приказав не обижать хозяев. Службой нас не сильно утруждали, только конные патрули по городу и окрестностям. Пешие патрули и караулы в основном тоже несли немцы из пикинеров, только вооруженные для такой надобности алебардами. Как оказалось, шляхтичам такое не по чину, а на гайдуков, по мнению воеводы, надежда слабая. Напьются, чего доброго, или еще что похуже устроят. Впервые за все время моей службы мне на руку то, что я самый молодой. Мне нужно разведать обстановку вокруг города, чтобы в нужный момент без помех сбежать. Поэтому когда меня назначали в патруль, я не только не пытался отвертеться, но и напрашивался.

Мы со старым Фрицем и Мартином и еще два рейтара жили в одном доме. Хозяин наш поначалу смотрел на нас без особого удовольствия, но потом привык. В сущности его можно понять: у него три незамужние дочери, и наше соседство его определенно нервировало. Но я являлся туда только на ночлег, остальные во всем слушались Фридриха и вели себя пристойно, Мартина же никто всерьез пока не воспри-

нимал, и слава богу.

Тем днем мы были в очередном патруле. Мы – это капрал Шмутьке, я и трое молодых рейтар, с которыми у меня были особенно «теплые» отношения. Была уже, можно сказать, ранняя зима, под копытами коней хрустел тонкий ледок. От дыхания вырывался пар, а руки сквозь перчатки колот мороз. Мы почти объехали город вокруг и слегка продрогли, когда повстречали любопытную компанию, состоявшую из молодого богато одетого шляхтича и племянницы нашего воеводы. Чуть поодаль скакали пятеро гайдуков, и вся эта картина не слишком хорошо выглядела. Панна Марыся, увидев нас, попыталась поскакать нам навстречу, но шляхтич перехватил ее ладного конька за повод, а гайдуки загородили нам путь.

– Эй, Ганс! – обратился ко мне Шмутьке. – От этой картины за милю несет дерьмом. Ты ведь понимаешь их тарабарскую речь? Ну-ка спроси – какого черта они здесь делают, и что вообще происходит?

Я выехал вперед, внимательно глядя на гайдуков. Здоровые, откормленные рожи самого бандитского вида, поверх одинаковых жупанов добротные кольчуги. На поясах у каждого сабля и пистолет. Богато одетый шляхтич с красивым лицом, на котором застыла спесь пополам с настороженностью, тоже вооружен до зубов.

– Доброго здоровья, прекрасная панна Марыся! – обратился я к девушке, игнорируя ее спесивого спутника и его

прихвостней. – Какой прекрасный день для прогулок, не находите?

– Молчите, если не хотите все погубить! – негромко сказал шляхтич своей пленнице на латыни.

– Скажите, донна Мария, – перешел я на язык Вергилия. – А достопочтенный господин Остророг знает, где и с кем гуляет его племянница?

– Вам нет никакого дела ни до панны Марыси, ни до меня, господин рейтар! – вернулся шляхтич на польский. – Послушайте доброго совета – возьмите этот кошелек и ступайте, как будто ничего не видели, подобру-поздорову.

– В другое время, ясновельможный пан, я бы непременно последовал вашему совету. Но, к большому сожалению, мы служим пану Остророгу, и наш контракт еще не кончился. И вы совершенно напрасно надеетесь на своих гайдуков. Нас меньше, но у нас больше стволов. Вы ведь были на смотре и видели, как я стреляю? Мои друзья стреляют не хуже, до сабель дело просто не дойдет. Так что давайте теперь вы послушаете моего совета, и мы все вместе, то есть вы впереди, а мы следом, двинемся в город к пану воеводе. Где он, вне всякого сомнения, поблагодарит вас за заботу о своей племяннице.

– Мне недосуг нынче! – ответил мне шляхтич с нескрываемой злобой. – Я должен ехать, а пани Марысю есть кому проводить к дяде, как я вижу.

– Не смею задерживать ясновельможного пана. Мы с удо-

вольствием окажем ему такую услугу и проводим прекрасную панну в воеводский дворец.

– Не будь я Печарковский, – пылко вскричал, отъезжая, шляхтич, – если когда-нибудь не отплачу тебе, рейтар, за твою любезность!

– Займите прежде очередь, пан, – усмехнулся я ему вслед. – Уж больно много охотников до этой шкурки.

Когда мы скакали к Познани, панна Марыся не сказала нам и пары слов и вообще старалась не смотреть в нашу сторону. Только когда мы передали ее охающей на все лады прислуге, она обернулась, как будто хотела что-то сказать, но, бросив на меня какой-то совершенно отчаянный взгляд, убежала.

Через несколько минут к нам вышел наш капитан и объявил, что пан воевода жалует нам за верную службу по три рейсхталера. Мои товарищи радостно зашумели, а Шмультке, толкнув меня кулаком в бок, шепнул:

– А ты не прогадал, когда не взял тот кошель, парень!

– Ганс, идем со мной, тебя хочет видеть господин воевода, – сказал мне капитан.

Я пошел за ним и, пройдя несколько коридоров и больших комнат, оказался в богато украшенном зале, посреди которого стояло что-то вроде письменного стола, только совершенно гомерических размеров. За этим столом сидел воевода Ян Остророг и читал какие-то бумаги. Он, казалось, был полностью поглощен своим занятием и вовсе не заметил мо-

его прихода. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, когда воевода поднял голову и негромко спросил:

– Кто ты, парень? Ты здорово меня удивил на смотре, а теперь оказал мне услугу, смысла которой даже не понимаешь. Дело даже не в том, что ты вернул мою племянницу и не дал ее опозорить Печарковскому. Как ты догадался отпустить его?

– Я подумал, что вашей милости не нужен скандал, а приведи мы его к вам – шума не избежать.

– Верно, у этого мерзавца много влиятельной родни и друзей здесь, и мне не надо ссоры с ними. А он не станет поднимать шум, ибо, будучи не один и вооружен, уступил моим рейтарам. Но ты не ответил мне – кто ты?

– И о Боге сказано «это человек», а я – просто ваш рейтар.

– Просто рейтар, говоришь. Когда-то, когда я был еще молод, мне случилось побывать при дворе князя Богуслава. Ты знаешь, что очень похож на него?

– Нет, ваша милость, не знаю, но меня так часто принимают за кого-то другого, что я перестал это опровергать.

– Грифич! Ты ведь Грифич, правда?

– Это вы так сказали, ваша милость.

– Гордец! Все вы, Грифичи, гордецы. Ладно, в человеческой жизни всякое случается, и я не буду спрашивать тебя, почему ты скрываешь свое имя. Чем мне тебя наградить за твою услугу?

– Я честно служу вашей милости, и вы платите мне за

то положенное жалованье. Рейтару этого довольно. А тому человеку, за коего вы меня принимаете, было бы совестно просить награду за спасение женщины из рук негодяя, ибо это долг всякого благородного человека. Впрочем, есть одна вещь, о которой я мог бы вас попросить.

– Говори, и если это в человеческих силах, я сделаю это.

– Если бы у вашей милости возникла нужда послать какое-нибудь послание в Щецин или Дарлов, так поручите это мне.

– Вот как. Тебе, верно, нужно попасть на свадьбу князя Георга? Скажи мне, юный Грифич, а ты вернешься?

– На все воля божья, ваша милость!

– Аминь! Пусть будет так, но скажи мне еще одно: ты лютеранин?

– Я верую в сына божия, умершего за нас и воскресшего. Верю в его отца и святой дух. Что вам еще? Никто не спрашивал у меня в детстве, хочу ли я быть сторонником папы или Лютера. А сейчас, когда я вырос и начал что-то понимать, у меня нет времени разбираться в теологических спорах. Знаю только – если Господь сохранил мне до сих пор жизнь, то я ему для чего-то нужен.

Через неделю мой капитан вновь велел мне явиться во дворец. На этот раз мы встретились с воеводой в канцелярии. Сам Остророг молчал, его секретарь, монах-бенедиктинец, дал мне в руки небольшую сумку, прошитую и запечатанную, и подробно проинструктировал, кому я должен ее

отдать в Дарлове. Еще я получил в руки кошелек на дорогу и благословение. Воевода коротко кивнул мне на прощанье и сказал лишь:

– Ты знаешь, что делать!

Когда я уже выходил, мое внимание привлекла молоденькая служанка, призывно махавшая мне рукой. Я подошел к ней, и она, сделав книксен, тихонько сказала, что меня хочет видеть молодая госпожа. Я пошел за ней и скоро оказался в небольшой комнате, перегороженной ширмой. За нею смутно виднелся женский силуэт. Я очень удивился этой таинственности, но молчал. Молчала и панна Марыся, пока наконец не решилась произнести:

– Вы, верно, удивлены тем, что я вас пригласила. Это хорошо, что вы ничего не говорите, иначе я не смогу вам ничего сказать.

– Вы ничего не должны мне говорить, прекрасная панна.

– Но я хочу вам объяснить...

– Кто я такой, чтобы слушать ваши объяснения? Я простой рейтар и недостойн вашего внимания.

– Ах, не говорите так. Вы, по всему видно, человек благородный, и мне ужасно неловко, что я оказалась в такой двусмысленной ситуации на ваших глазах.

– Вам неловко оттого, что вы могли быть скомпрометированы, или оттого что это увидел я?

– Боже мой, выслушайте меня, прежде чем судить.

– Ну, что же, мне непривычна роль исповедника, но коли

такова ваша воля, я готов. Обещаю вам, что все, что вы скажете мне сейчас, умрет вместе со мной.

– Мои родители рано умерли, и я воспитывалась в доме своего дяди и тети. Мои родные души во мне не чаяли, и я не знала ни в чем отказа. Потому, наверное, я и выросла такой избалованной и своенравной. Я привыкла, что все, чего я ни захочу, попадает ко мне по первому требованию. Что все выполняют мои капризы, как не исполняют в Речи Посполитой волю короля. Недавно мой дядя объявил мне, что нашел мне мужа. Он мой воспитатель и имеет право распоряжаться моей рукой, к тому же он любит меня и наверняка нашел мне прекрасную партию, но я глубоко оскорбилась. Я молода и красива, так ведь? Но я до сих пор не знала любви, многие достойные шляхтичи добивались моей благосклонности, но сердце мое было холодно. И вот меня собрались выдать замуж, не спросив моего мнения. Скажите, я кажусь вам смешной и глупой?

– Нет, сударыня, что вы, продолжайте.

– И тут появился Печарковский, он был галантен и обходителен, осыпал меня комплиментами и всячески демонстрировал свое обожание. Я была так обижена на дядю, что не отвергала этих знаков внимания, но напротив, давала ему повод для надежды. Наконец, когда он предложил мне бежать, я согласилась. Не знаю, что на меня нашло, но я думала, что, поступив так, я буду хозяйкой своей судьбы. Неподалеку от того места, где вы нас нашли, нас должны были

ждать сани, и еще немного – и все было бы кончено. Увы, едва я пробыла с этим господином полчаса, пелена спала с моих глаз. Как мне могло вскружить голову, хоть на минуту, такое ничтожество? Как я могла принимать ухаживания столь пустого человека? Едва поняв это, я стала молить пресвятую деву о спасении, и она послала мне на помощь вас. Стоило вам сказать пару слов этому спесивому индюку – и он сдулся, точно проколотый пузырь. Как мне благодарить вас за спасение?

– Вы сказали, что просили о заступничестве святую деву? Вот ее и благодарите, а мне довольно лишь видеть, что вы счастливы, ибо я не сделал ничего сверх того, что сделал бы каждый порядочный человек, – ответил я как можно более учтиво. Сказать по правде, я был в изрядном шоке от ее велеречивой исповеди, и если поначалу у меня были какие-то романтические мысли, то их как ветром сдуло.

– Простите меня, мой храбрый рыцарь, за доставленные хлопоты и примите на память обо мне это, – с этими словами она протянула мне из-за ширмы руку, в которой был шелковый платок, украшенный затейливой вышивкой.

Я был слегка разочарован, ибо, грешным делом, ожидал если не брильянтовых подвесок, то чего-то вроде перстня в подарок. Однако положение обязывает, и я, рьяно облобызав прелестную ручку, схватил презент и, прижав его к груди, проговорил нечто куртуазное и соответствующее моменту.

Покинув дворец воеводы, я отправился к капитану про-

сдать отпустить со мной Фридриха и Мартина. Я крепко надеялся, что возвращаться мне не придется, и не хотел бросать своих единственных в этом мире друзей. Да, друзей – возможно, для прежнего принца Иоганна Альбрехта Фридрих был бы только слугой, а Мартин секретарем, но для нынешнего они – друзья и самые близкие люди. Идя к дому, который занимал капитан, я встретил его подругу маркитантку Анну. Она шла с огромной корзиной продуктов, очевидно возвращаясь с рынка. Я недолго думая подбежал к ней и перехватил корзину.

– Здравствуй, Анна, давай помогу, а то не годится такой милой женщине надрываться под весом тяжелых корзин!

– О, красавчик Ганс! Ну, помоги, помоги, если не боишься капитана.

– Господь с тобой, Анна, разве я предложил тебе что-то предосудительное? Вот ей-богу, у меня сердце кровью обливается, когда я вижу, как ты, сгибая свое хрупкое тело, несешь эдакую тяжесть.

Услышав это, Анна ухмыльнулась: ее ладное и, пожалуй, даже стройное тело было довольно трудно назвать хрупким.

– Ты, похоже, Ганс, перепутал меня со своим приятелем Мартином. Я больше никого не знаю в эскадроне, кого можно было бы назвать хрупким.

– Ну что ты, Анна, да Мартин по сравнению с тобой просто боров. Хотя, конечно, если ты будешь таскать такие корзины, ты можешь потерять свою легкость. Ей-богу, замолви-

ла бы словечко капитану, и я, вместо того чтобы таскаться по никому не нужным патрулям, носил бы для тебя провизию с рынка и вообще все что захочешь. Да хоть тебя, а то ты быешь о такую мерзлую землю такие ладные ножки...

– Хватит тебе балагурить, Ганс, выкладывай, чего тебе нужно. Ты ведь ничего просто так не делаешь, хоть и прикидываешься простачком. Да и по патрулям ты ходишь не без дохода – сказывают, воевода отсыпал вам немало талеров за последнее ваше дельце. Я этого старого пройдоху Шмультке давно не видела таким довольным.

– Ах, милая Анна, если бы мне и впрямь отсыпали талеров, я непременно купил бы какое-нибудь колечко, чтобы украсить твои красивые пальчики, но – увы, я беден как церковная мышь и могу лишь издали любоваться твоей красотой!.. Ладно, ладно, – перешел я, к делу, увидев, что Анна нахмурилась. – Меня посылают в Померанию с одним делом от воеводы. А у нас там с Мартином родня, я ведь говорил тебе, что мы братья, не так ли?

– Ой ли! В прошлый раз вы были кузенами.

– Анхен, голубка моя! Да какая разница, родные мы братья с Мартином или двоюродные. Главное, что у нас есть родня, которую мы хотели бы провести. И если бы ты замолвила за нас словечко, чтобы капитан отпустил нас, – я бы отблагодарил тебя.

– Боюсь даже спросить, как ты собираешься меня благодарить, мошенник! А старый Фриц вам тоже, наверное, род-

ственник, или ты собираешься его оставить тут?

– А разве я тебе не сказал? Конечно же, и Фридриху не худо бы поехать навестить родню. А уж я бы, когда вернулся, привез бы тебе хороший подарок.

– Скажи мне, Ганс, неужели я похожа на дуру? Я с большим трудом могу поверить, что ты родственник Мартину. Еще меньше у меня веры, что у старого Фрица есть родня в Померании. Но уж в то, что ты вернешься, я не поверю никогда. Ты славный парень, и будь я помоложе и поглупее, я бы не устояла перед тобой. Из тебя со временем выйдет славный военный, но ты не рейтар. И не скоро им станешь, эта судьба не для таких, как ты. По крайней мере, не сейчас. И когда ты не вернешься, я не хочу остаться крайней.

– Анна, мне и вправду это очень нужно, ты мне поможешь?

– Послушай, Ганс, я не собираюсь всю жизнь быть маркитанткой. Я хочу иметь маленький домик, выйти замуж и родить своему мужу детей...

– И на все это нужны деньги, так?

– Умненький мальчик.

– Знаешь, Анна, меня и вправду воевода наградил парой монет. Да только я парень молодой и неопытный и боюсь потратить их на какую-нибудь ерунду по глупости. Вот если бы ты у меня взяла их на сохранение, а? Ты женщина разумная и не спустишь их, а случись у меня нужда в каком припасе – так я у тебя и куплю, – сказал я и протянул Анне кошель.

— А ты парень не промах. Слушай, а ты ведь и так поедешь, правда? Ну, а я устрою Мартину и Фрицу увольнительную, а то, что вы встретились и поехали все вместе, так мне о том откуда знать?

— Ах, Анна, какая ты умница! Ей-богу, окажись я принцем, ты стала бы не экономкой, а моей принцессой!

— Ну, полно тебе! Ступай, а я обо всем позабочусь, — сказала мне Анна, когда мы подошли к дому, где они жили с капитаном, и добавила, когда я уходил: — Уж не знаю, что вы за братья, а только если бы ты не клеился ко мне постоянно, я бы подумала, что ты с ним по-содомски грешишь. Ну, да это не мое дело.

На следующий день я пустился в путь. Отдалившись от Познани на достаточно большое расстояние, я остановился в стороне от дороги на мельнице. Мы уговорились с Фридрихом, что я дождусь их с Мартином там, а дальше отправимся вместе. Конь мой хрупал овес в сарае, в камине потрескивал огонь и кипел котелок. Я, сложив оружие и доспехи в укромном месте, отправился нарубить хворост. Скоро я встречу своих друзей, нас ждет дорога, и нам надо передохнуть. Лучше всего в тепле. Как мало человеку надо для счастья.

Увы, моим мечтам о покое не суждено было осуществиться. Возвращаясь, я заметил, что к мельнице подъехали какие-то вооруженные верховые. Приглядевшись, я узнал в них своего давешнего приятеля Печарковского и троих его

людей. Они, талер против ста, получив информацию о поручении, данном одному наглому не по летам рейтару, решили его подкараулить. После чего, не дождавшись, поехали навстречу.

И что делать? Мои допельфастеры и шпага в доме, при себе лишь кинжал и пистолет. С другой стороны, я, чтобы не испачкать рейтарский костюм, надел найденное на мельнице рваньё, так что выглядел мельником, а не тем, кого искал Печарковский с гайдуками.

– Эй, оборванец! – закричал один из гайдуков, заметив меня. – Ну-ка иди сюда, пся крев, пан желает задать тебе вопрос.

Я стремглав бросился к пану, на ходу снимая шапку и низко кланяясь. Надо сказать, что глубина поклона диктовалась не только почтительностью.

– Что угодно ясновельможному пану? – спросил я, поставшись изменить голос.

– Скажи мне, не видал ли ты здесь рейтара?

– Видал, ваша милость, как не видать. Он заезжал сюда не далее как пару часов назад.

– И куда же он подевался?

– Если ясновельможному пану будет угодно, я покажу, куда он отправился, тут недалеко. Вот позвольте только положить хворост у очага, чтобы он просох к моему возвращению.

– К черту твой хворост! А впрочем, клади, только пото-

рапливайся. Если покажешь нам этого рейтара, получишь талер, а если обманул, шкуру спущу!

– Покажу, как не показать, – бормотал я, пробираясь к двери.

Занеся вязанку внутрь, я швырнул ее у двери – какая ни есть, а преграда, – и бросился к оружию. Теперь поборемся, шептал про себя, торопливо подсыпая на полки порох. Пять выстрелов – это пять выстрелов, хотя противников шестеро, теперь у меня есть шансы отбиться.

Шляхтич, видимо, потерял терпение, и гайдуки, громко бранясь, полезли внутрь. А вот это вы, ребята, зря. Два выстрела, сливаясь в один, наполнили комнату дымом, а я опрометью выскочил с другой стороны мельницы и кубарем покатился за сарай. По моим подсчетам, противников еще четверо, и теперь их врасплох не застать. На мое счастье гайдуки, вместо того чтобы окружить меня с разных сторон, продолжали буром ломиться в мельницу. Пока внутри нее раздавались крики и гремели выстрелы, я торопливо перезарядил допельфастер и завел ключом механизмы замков. Пан Печарковский, восседая на своем скакуне, руководил штурмом. Похоже, прекрасная панна Марыся не ошиблась в оценке его умственных способностей. Расстояние великовато, но можно попробовать. Я тщательно прицелился и дважды спустил курок. Жеребец шляхтича взвился на дыбы, и его седок полетел наземь. Не знаю, убил я его или только ранил, но мне некогда было выяснять это. Порох дымный и будет

таковым еще долго, так что надо срочно сменить позицию, если не хочу, чтобы меня засекли гайдуки.

Гайдуки тем временем успели обыскать мельницу и поняли, что меня там нет. А выбежав наружу, обнаружили своего господина лежащим на снегу. Я наблюдал из своего укрытия, как они поднимают его и пытаются привести в чувство. Похоже, ясновельможный пан только ранен. С одной стороны, это плохо, у меня была надежда, что, потеряв предводителя, они разбегутся. Вряд ли они так уж сильно любят его. Но с другой стороны, может, они свалят отсюда, попытаюсь его спасти. Но нет, пан, кажется, оклемался и требует продолжения банкета. Ну что же, врач сказал в морг – значит, в морг, никакого самолечения. Гайдуки бросились к сараю, в котором стоял мой конь. Я понадеялся, что эти лишенцы ничего ему не сделают, потому как я к нему привык и менять не собирался. Нет, ну что за уроды, толпой бросаются в сарай, не оставив никого снаружи прикрывать. Потом так же вываливаются наружу и наконец, на свою голову, находят меня, стоящего напротив них с пистолетами в руках. В отчаянной попытке достать меня саблями они бросаются в свою последнюю атаку, но так с рейтарами не воюют. Три противника против четырех стволов на таком расстоянии – это несерьезно. Расстрелял их, как в тире, и вновь ушел в сторону. Пан Печарковский еще жив, и мне сюрпризы без надобности. Опять зарядил пистолеты и взвел замки. Ну что же, ясновельможный пан, не пора ли нам познакомиться по-

ближе?

— Пан Печарковский, вы меня слышите? — прокричал я ему. — Как вы себя чувствуете?

В ответ получил порцию отборных ругательств и приглашение подойти поближе и убедиться самому.

— Ну что же вы так ругаетесь, разлюбезный вы мой! Это вредно для кармы! Я вот по какому поводу вас беспокою — вы, помнится, обещали мне талер, если я устрою вам встречу с собой. Так вот я сильно интересуюсь — где же мой талер? Поймите меня правильно, вы ранены и не дай бог помрете, а как же мой талер? Может, отдадите обещанное бедному человеку, раз уж пообещали?

Неся подобный бред, я потихоньку подбирался к раненому, но не сдающемуся шляхтичу, держа на прицеле его укрытие. Он, не будь дураком, заполз за крыльцо и не показывался. У него, по крайней мере, один пистолет, и я не хотел проверять его меткость. В конце концов, он ранен, и я могу подождать, пока он ослабеет. Но что это, к мельнице подъезжают сани, запряженные парой лошадей. В них старый Фриц и Мартин — они, очевидно, услышали выстрелы и ошетинились пистолетами. В горле комок: друзья пришли мне на помощь. Наконец-то я не один на этой проклятой мельнице, теперь-то... что это такое, самка собаки! Проклятый шляхтич подскочил как ужаленный и выстрелил в Мартина, Фридрих попытался того оттолкнуть, и они оба повалились с саней в снег. Печарковский же немедленно развер-

нулся в мою сторону, и мы разрядили свои пистолеты одновременно. Черт, кажется, этот мерзавец попал в меня. Впрочем, я тоже не промазал, и он упал как подкошенный, настигнутый свинцом.

Я как в замедленной съемке вижу лицо склонившегося надо мной Мартина – слава богу, этот мальчишка жив, а где же Фриц? Мартин что-то говорил, плача, но я его не слышал. Мне было почему-то хорошо и спокойно, но немного напрягало отсутствие Фридриха. Где этот старый мошенник, неужели проклятый шляхтич его подстрелил? Внезапно слух прорезался, и я услышал, как Мартин говорит мне:

– Ваша светлость, очнитесь! Фридрих тяжело ранен и хочет с вами поговорить!

– Фридрих, где он? – силы вернулись ко мне, и я встал.

Где это мы? Огляделся и понял, что на мельнице. От очага тянуло теплом и вкусно пахло едой. Как я сюда попал? Мартин притащил? А Фридриха? Тяжко ему пришлось, бедолаге!

– Мартин, пойди посмотри лошадей, – прошептал старый Фриц. – А я пока поговорю с нашим принцем. Ступай, мальчик! Ваша светлость, слава богу, вы живы! Вам нельзя здесь оставаться, поэтому вы с Мартином должны немедленно уехать отсюда. Оставьте меня здесь и бегите.

– Что ты такое говоришь, старый ворчун! Я не брошу тебя, мы поедем все вместе или все останемся здесь.

– Вы очень изменились, принц! И я нисколько не жалею,

что пролил кровь за вас. Только знайте, раньше я сделал бы это из преданности вашему отцу, а теперь, после нашего путешествия, я сделал бы это для вас. Но если моя жизнь принадлежит вашей светлости, то вы не принадлежите мне. Вам по наследству от отца досталось слишком много врагов, а вы, не теряя времени, обзаводились собственными, и теперь вы не можете рисковать. Оставьте меня здесь и бегите, это необходимо!

– Хорошо, я уеду, но прежде я позабочусь о тебе!

– Позаботьтесь лучше о Марте, ваше высочество! Если мне суждено погибнуть здесь, то считайте это моей предсмертной просьбой.

– О чем ты говоришь старина, конечно, я позабочусь о Мартине!

– Ваша светлость, когда вы потеряли память, я был уверен, что вы всех искусно водите за нос. Уж больно вы толково провернули все дело с бургомистром. То, что вы не врете, я понял лишь тогда, когда вы не узнали Марту. Да, наш Мартин – это Марта Рашке, младшая дочь бургомистра Кляйнштадта. Бедная девочка полюбила вас с первого взгляда и, не раздумывая, последовала за вами, бросив семью. Берегите ее, ваша светлость, однажды вы поймете, что лучше нее вам никого не найти. Сколько бы вы ни блудили с бродячими комедиантками, маркитантками и знатными дамами, никто не будет вас любить так, как эта бедная девочка. Надеюсь только, что вы не разобьете ее доброго сердца, прежде чем

поймете это.

– Боже, так это ее я обесчестил там, в этой хижине...

– Принц, я не держал вам свечу, но бьюсь об заклад – что бы вы там ни сделали, никакая грязь не коснулась ее чистой души. Но хватит об этом, молю вас, уезжайте немедленно!

– Ваша светлость, я собрал все оружие и лошадей, мы можем ехать, – сказала зашедшая к нам Марта.

– Хорошо, но прежде мы завезем Фридриха в ближайшую деревню. Здесь он не выживет один. К тому же у пана Печарковского, чтобы его черти в аду хорошо приняли, могут быть сообщники. Негоже, если они найдут здесь раненого старину Фрица.

Завезя Фридриха, как я и собирался, в деревню и заплатив за уход местным крестьянам, мы уехали прочь. Я не сказал Марте ни слова о своем последнем разговоре с Фридрихом и по-прежнему обращался с ней как с мальчиком. Мне нужно было много обдумать, прежде чем я приму решение. Мне только казалось, что я один, – оказывается, вокруг меня люди, нуждающиеся в моей заботе и участии.

Мы ехали на санях по волшебной зимней стране, называемой Померанией, еще не до конца онемеченной, богатой и хорошо управляемой своими правителями. Ночевали в придорожных корчмах, разговаривали с людьми, любовались зимними пейзажами. Когда долгими зимними ночами мы одетые лежали, прижавшись друг к другу, укрывшись од-

ной дерюгой, хотелось только одного – чтобы это прекрасное путешествие никогда не кончалось. Я рассказывал Марте волшебные сказки о далеких странах и прекрасных принцессах, похищенных драконами. О храбрых рыцарях, спешащих им на помощь. Такими историями ее было не удивить, но я круто менял сюжет, и рыцари в них превращались в опасных злодеев, думающих только о приданом принцесс. А драконы, напротив, были добры и благородны, потому что они на самом деле были заколдованными принцами, спасти которых могла лишь истинная любовь. Марте нравились мои сказки, и она, не зная, что ее инкогнито раскрыто, доверчиво прижималась ко мне и засыпала. А я долго не мог сомкнуть глаз, вспоминая людей, которых встречал накануне. Они были сыты, зажиточны, если не богаты и счастливы. Увы, я знал, что топор занесен над деревом. Всего через несколько лет начнется ужасная Тридцатилетняя война, которая пройдет ураганом по этой несчастной земле. Прекрасные добротные дома будут разрушены и сожжены, церкви осквернены, а население подвергнется всяческому насилиям. Земля эта, окончательно онемеченная и забывшая о своих славянских корнях, будет переходить из рук в руки, пока не станет частью разбойничьей Пруссии, и Фридрих Великий будет набирать среди местных потомков славян своих померанских гренадер. Потом будут другие войны, еще более ужасные и кровопролитные, чем прежде, и у Германии отнимут эту территорию, чтобы отдать Польше. И потомки этих людей будут

покидать эту землю, считая себя чистокровными немцами и не желая жить в славянском государстве. Но все это будет потом, а сейчас мы с каждой милей приближались к цели нашего путешествия – городу Дарлову, где княжил мой дядя Георг Второй.

Дядя мой, надо сказать, был человеком довольно необычным. Он чуждался общества вообще и женского в частности, а жизнь свою проводил в бесконечных охотах и упражнениях в стрельбе. Однажды это увлечение привело к тому, что пистолет взорвался в его руках, и князь Георг окривел. Происшествие никак не сказалось на его привычках, и дядя продолжал вести антиобщественный образ жизни. Трудно сказать, что заставило его жениться, ибо он определенно не питал склонности к семейной жизни. Очевидно, брак его, как это часто бывает во владетельных семьях, был оговорен еще в детстве, и когда в семействе, желающем породниться с родом Грифичей, появилась, а затем выросла и вошла в возраст подходящая девица, все было решено. Как бы то ни было, такого события, как женитьба младшего брата, не могла пропустить его любящая сестра герцогиня Брауншвейг-Вольфенбютельская. А мне просто необходимо с ней увидеться, ибо она и есть мать принца Иоганна Альбрехта Мекленбургского, то есть меня.

Прибыв в Дарлов, мы решили, что прежде чем являться к князю, необходимо привести себя в порядок. Увы, все гостиницы и постоялые дворы были заняты приехавшими на

свадьбу дядюшки Георга гостями. Все же владетельные князья не каждый день женятся, и пропустить такой повод повеселиться местный бомонд никак не мог. Мы с большим трудом и за совершенно неприличные деньги сняли с Мартой крохотную конурку на окраине Дарлова. Первым делом я потребовал нагреть воды и устроил помывку. Обычно «Мартин» всегда мылся после меня, пользуясь, как видно, тем, что после водных процедур у меня благодущное настроение и я не подшучиваю над его стыдливостью. Бедная девочка, тяжело же ей было в мужской компании в этом чертовски долгом путешествии. На этот раз я категорически настоял, чтобы «он» шел первым, а я тем временем буду чистить оружие и непременно застрелю всякого, кто посмеет побеспокоить моего секретаря. Когда я помылся, Марта, не дождавшись меня, спала, свернувшись калачиком на единственной постели. Она была невообразимо трогательна, спящая в своем мужском наряде, и я не посмел ее тревожить. Накрыв ее одеялом, я устроился на полу, завернувшись в старый тулуп, и немедленно заснул. Ночью мне впервые в этом времени приснился сон. Я был в нем маленьким мальчиком в бархатном костюмчике и бежал к красивой пышно одетой даме. Какие-то женщины, очевидно служанки, удерживали меня, а я вырывался и плакал. Наконец красивая дама села в карету и уехала, а я остался. Проснувшись, я долго не мог вновь заснуть и лежа думал, что за сон мне приснился. Воспоминания ли это моего нового тела? Или причудливая игра ра-

зума, оказавшегося в незнакомой и чуждой ему обстановке? Бог весть!

Утром, подкрепившись, мы оделись в самые лучшие одежды из тех, что у нас были. На шею я повесил цепь, на руки надел перстни с печатями. Место на поясе заняла парадная шпага и самый лучший кинжал. «Мартин» тоже принарядился, хотя и отказался от украшений. Вообще-то странно для девушки. Добравшись до дворца князя, я объявил, что являюсь посланником Познанского воеводы и хочу видеть его светлость, дабы передать ему лично в руки послание. Против ожидания, меня довольно быстро проводили в заснеженный сад, где Георг Грифич предавался своему излюбленному занятию, а именно – стрельбе. Благосклонно кивнув на мой поклон, он бросил послание человеку, игравшему, как видно, роль секретаря, и спросил – хорошо ли я стреляю. Я ответил, что недурно, на что тот, показав на мишени, спросил, с которого расстояния я попаду в них.

– Из знакомых пистолетов, ваша светлость, я не промахнусь с тридцати шагов.

– Вот как? Однако не согласитесь ли вы продемонстрировать свое умение?

Я, не чинясь, отправился за своим арсеналом в конюшню. Мои допельфастеры привели князя в буйный восторг, а то, что я действительно не дал промаха, расположило его ко мне. К тому же секретарь, как видно, за время моего отсут-

ствия ознакомил князя с посланием воеводы, так что князь удостоил меня разговором.

– Скажите, мой юный друг, известно ли вам содержание послания?

– Нет, ваша светлость.

– Познанскому воеводе ни с того ни с сего вздумалось поздравить меня с бракосочетанием, будто есть с чем. Кроме того, он рекомендует мне вас как человека исключительных качеств и просит оказать вам содействие. Что бы это значило?

– Я имел честь оказать пану воеводе некоторые услуги, в награду он решил помочь мне в одном щекотливом деле.

– Все интереснее и интереснее, и что же это за дело, позвольте спросить?

– Мне необходимо увидеться с герцогиней Кларой Марией Брауншвейг-Вольфенбютельской.

– Вот как, вы заинтриговали меня, молодой человек. Пожалуй, я помогу вам, тем более что это легко устроить. Пойдемте за мной.

Пройдя по анфиладе комнат, мы скоро были в покоях, отведенных герцогине. Камергер доложил о нашем приходе, и мы оказались в небольшом зале перед роскошно одетой дамой и ее приближенными.

– Дорогая сестра! – обратился к ней Георг. – Позволь рекомендовать тебе этого молодого человека, он столь хорошо стреляет, что просто не может быть дурным человеком.

Кстати, как вас зовут, друг мой?

Я же, не в силах произнести ни слова, во все глаза смотрел на прекрасную даму из моего сна. Да, она стала старше, и печали оставили свой след на ее прекрасном лице, но все же это была она. Мать принца. Наконец, сбросив с себя оцепенение, я сделал шаг вперед и низко поклонился.

– Ваша светлость! – сказал я ей. – Я бедный сирота, на голову которого, несмотря на молодость, свалилось множество несчастий. Одно из них лишило меня памяти обо всей моей прошлой жизни. Все, что я помню, – это прекрасное женское лицо, которое вижу сейчас перед собой. Все, чего я хочу, – это обрести семью, которая у меня когда-то была и которой меня лишили. Ответьте мне, суждено ли моему несбыточному желанию сбыться? Обрету я покой и счастье – или стану бесприютным скитальцем на всю оставшуюся жизнь?

В воздухе после моих слов повисла звенящая тишина. Я медленно поднял голову и взглянул в лицо герцогини. От одного ее слова сейчас зависела моя судьба. Да, она мать принца, но что-то же заставило ее расстаться со своим ребенком... Наконец я услышал ответ:

– Вы не сирота, сын мой! У вас есть мать, которую злая судьба вынудила расстаться со своим мальчиком. Но она никогда не забывала о нем и каждый день молилась за него пречистой деве. Иоганн, мой мальчик, обними меня...

Раннее утро, часов нет, но подозреваю, что шесть утра.

Вчера моему герцогскому высочеству отвели личные покои в замке. Все более-менее приличные комнаты, очевидно, заняты. Оно и понятно – прочие гости явились раньше, и кто первый встал, того и тапки. Блудного принца никто не ожидал и апартаментов ему не готовил. Кстати, невеста еще не прибыла, а с ней, как водится, должна прибыть куча прихлебателей, и их тоже где-то надо разместить. Так что эта комната в угловой башне, больше напоминающей мансарду, и то дар божий. Ну а что, места много, кровать просторная, мягкая, камин есть, значит, не замерзну. Кстати, о «не замерзну». Где Марта? Точно помню, вчера была, представил ее маме, дяде и всем, всем, всем как своего секретаря и «лучшего кореша» Мартина. Ну да, дядя Георг в честь нежданно-негаданно обретенного племянника закатил ма-а-аленькую такую пирушку. Здоров пить Грифич – если кто мне начнет втирать о русском пьянстве, плюну в рожу! Впрочем, померане вообще и Грифичи в частности – славяне. А мне, несчастному, шестнадцать! В моем прежнем времени спаивать малолетних – подсудное дело. Ладно, это все лирика. Вспоминаю, точно, Мартина увела маменька со словами, что позаботится о моем человеке. Ну что же, мама сыну плохого не пожелает, вставайте, принц, вас ждут великие дела!

В замке все спят, в смысле все господа. На кухне слышна суета, на дворе стук – видно, колют дрова. То есть прислуга суетится, обеспечивая комфорт. Черт, а головка-то бобо. Минералки нет и не предвидится, предложившему мне опо-

хмелиться лично прострелю голову. Так что физкультура и здоровый образ жизни – это наше всё. Кстати, а где здесь удобства?

Пока раннее утро и принц никому не нужен, надо обследовать замок более детально. Вчера как-то мельком все, галопом. Итак, сие архитектурное сооружение было когда-то действительно укреплением. Но с тех пор в стенах прорубили большие стрельчатые окна. Дворик накрыли крышей, получив таким образом помещение для пышных церемоний, танцев и прочего. Но это с фасада, с тыла все более традиционно. Моя башня наиболее удалена от других жилых помещений и имеет отдельный вход. С одной стороны, это плюс – можно незаметно уйти, с другой – наоборот, кто-то может незаметно наведаться ко мне, и моя параноя мне об этом просто кричит. От башни ведут две галереи – одна к тому месту, где, очевидно, раньше был донжон. Это наиболее старая часть замка. Там апартаменты моей матери и ее свиты: все-таки герцогиня! Сам дядя Георг тоже живет в башне, но слегка, раза так в три, побольше моей. Кроме того, эта башня с фасада. К ней можно пройти второй галереей, а можно просто спуститься и через задний двор пройти в людскую, а оттуда куда нужно. Ну что же, пути возможного отхода разведаны, а не пора ли подкрепиться? В поварне умопомрачительно пахнет свежей выпечкой, но едва я собираюсь пройти продегустировать, передо мной возникает ливрейный лакей.

– Ее светлость желает, чтобы вы присутствовали на утрен-

нем кофе! – важно провозглашает он в мою сторону.

Базара нет, дружище, води! Кофе, которого я не пил с момента попадания в прошлое, будет весьма кстати. Крепко заваренный чай, правда, был бы еще лучше, но увы и ах.

– Но... ваша светлость разве не переоденется?

Тьфу ты, пропасть! Я же аристократ, и мне полагается десять раз на дню менять одежду. Кстати, а вещи-то на квартире остались, да и вряд ли форма черного рейтара хороша для торжественного завтрака, а другие шмотки как-то не выжили в странствиях. Черт, да где же Марта-Мартин?

– Увы, любезный, моему высочеству не на что сменить сии бархатные лохмотья! Так что води так, и поживее!

Моя *liebe mutter*¹⁰ если и не одобрила мой туалет, то виду не показала. Нам подали восхитительно пахнущий кофе и совершенно прелестную выпечку, в которую я тут же вцепился зубами. Прелесть, а кофе... Нет, я в полном восторге!

– Вам нравится этот напиток, сын мой?

– Кофе? Он восхитителен, давненько я не пил ничего подобного.

– Интересно, где вы вообще могли его пить? У моего мужа повар итальянец, именно он познакомил меня с этим чудесным напитком.

– Простите, матушка, я не имею ни малейшего представления о том, где я мог узнать о кофе, но его вкус мне определенно знаком, и... Можно мне еще чашечку?

¹⁰ Любимая мать (нем.).

Какая мать не радуется прекрасному аппетиту своей кро-
виночки! Клара Мария не была исключением. Только до-
ждавшись, когда я утолю свой первый голод, она перешла к
делу.

– Я вижу, вам очень понравилась компания дяди, сын
мой?

– Матушка, я бедный изгой, и у меня нет ни друзей,
ни сторонников. Ваш светлейший брат любит стрелять, и я
стреляю. Если бы он любил псовую охоту, я обсуждал бы с
ним стати борзых кобелей. Будь он астрологом – я бы раз-
глядывал с ним звезды.

– Я очень рада слышать, что вы повзрослели, мой маль-
чик. Это очень хорошо, вам известно, что вы очень вовремя
появились, сын мой?

– Вот как? Что-нибудь случилось за то время, пока я скры-
вался?

– Увы, да. Ваши мекленбургские родственники решили,
что вы сгинули, и вознамерились наложить лапу на ваше
имущество.

– Вы имеете в виду Стрелиц и еще два города?

– Именно так. Плюс вам полагается рента в шесть тысяч
золотых гульденов.

– Которой я тоже давно не видел, – немедленно подхватил
я, поскольку знал о жлобстве родни от Фрица.

– Узнав о вашем прибытии, я немедленно известила всех
в Мекленбурге, что вы живы и находитесь здесь, у своей род-

ни.

О как! Пока мы с дядей Георгом занимались черт знает чем, моя маменька обо всем побеспокоилась и уже начала действовать! Уважаю!

— Кроме того, вам, сын мой, необходимо послать письма в магистраты своих городов с требованием отчета и положенных выплат.

— Замечательная идея, матушка, а как велики эти выплаты?

— Они, увы, не столь велики, как хотелось бы, однако в вашем положении любая сумма будет уместна.

— Преклоняюсь перед вашей мудростью, матушка!

— Кроме того, ваш отец был герцогом. Вы – его единственный и законный наследник, а до сих пор считаетесь принцем. Это неприемлемо, вы должны истребовать для себя герцогскую корону и титул. Вы молоды и здоровы и вполне можете стать родоначальником новой ветви в Мекленбургской династии. Мекленбург-Стрелицкий звучит ничуть не хуже, чем Мекленбург-Гюстровский.

— Я так понимаю, что для ношения короны необходима коронация?

— Разумеется, сын мой, и лучше всего это сделать у себя в Стрелице, однако там вы не будете в безопасности. Но в Дарлове можно короноваться ничуть не хуже. Потом вашу коронацию подтвердит император – и дело сделано. Кроме того, вам необходимо привести в порядок свой гардероб и

завести свиту.

– Свиту?

– Разумеется, «короля играет свита». У здешних дворян найдутся младшие сыновья, для которых поступить к вам на службу будет верхом мечтаний.

– Кстати, о службе, матушка, не подскажите, где мой секретарь? Что-то я его не вижу.

Герцогиня посмотрела на меня долгим испытующим взглядом и усмехнулась.

– Юная Марта будет находиться в моей свите, молодой человек, она умная, почтительная и хорошо образованная девушка. Пожалуй, она будет моим «секретарем», а не вашим. Вам же надо подумать о женитьбе, и я в ближайшее время займусь поиском подходящей партии.

– Марта? Девушка? – попытался я удивиться как можно натуральнее.

– Сын мой, к счастью, в отличие от своего отца, вы совершенно не умеете лгать. Поэтому не трудитесь, особенно при матери. Я пока еще не выжила из ума и не ослепла. Едва я задала ей пару вопросов наедине, она мне во всем призналась. Меня растрогала ее история, и я займусь ее судьбой. И уж во всяком случае, не позволю вам ее испортить.

– Но, матушка! Клянусь вам, я сам недавно узнал!

– Никаких «но». У вас много дел, молодой человек, ступайте.

– Но могу я хотя бы увидеть ее?

– У вас будет такая возможность.

Нет, вы видели? На ходу девку из стойла увели... во я дурак!

Едва выйдя из покоев герцогини, я наткнулся на посланника дяди. Его светлости возжелалось пострелять. Да со всем нашим удовольствием!

Будучи в несколько взвинченном состоянии, я, едва поздоровавшись с князем Георгом, прошел к столу, на котором рядом лежали различные заряженные карамульки. Кстати, и мои допельфастеры – их что, приватизировали? Подхватив их, подошел к импровизированному огневому рубежу и с двух рук расстрелял мишени. Фух, кажется, немного отпустило. Дядя и его свита восторженно рукоплескали моему стрелковому мастерству. Я улыбнулся и несколько карикатурно раскланялся.

– Мой дорогой племянник, у вас было дурное настроение? Забавно, меня стрельба тоже успокаивает. Что-нибудь случилось?

– Ничего серьезного, любезнейший дядюшка! Маменька увела моего секретаря, и теперь я совсем один.

– У вас есть какие-нибудь нужды? Нет ничего проще! Эй, Франц, возьми еще пару человек, и поступаешь в распоряжение его светлости.

– О, благодарю вас, князь, вы меня просто спасаете, чем я могу вас отблагодарить?

– Какие пустяки, впрочем, есть одно дело, в котором вы

могли бы меня выручить.

— Приказывайте, князь!

— Через три дня прибывает моя невеста, а у меня разыгралась подагра. Вы не могли бы отправиться ей навстречу?

— Для вас, дядя, хоть на край света!

— Полно, не надо так далеко, достаточно будет за десять лиг. Встретите, проводите. В конце концов, вы почти герцог и мой племянник.

— Есть одно обстоятельство: у меня нет парадного костюма. А встречать невесту в таком виде...

— Пустое, мои портные в вашем распоряжении, вам будет в чем встретить невесту, а также в чем сидеть на пиру и в чем танцевать на балу.

Опаньки, танцевать... а я умею? То есть я, Иван Никитин, находясь в легком подпитии, вполне могу изобразить «камаринского», но есть определенные сомнения, что этот танец подойдет. А вот я, Иоганн Альбрехт, умею танцевать? И что вообще сейчас танцуют?

Следующие два дня проходили в дикой суете. Бесконечные примерки сменялись уроками танцев и этикета. Да, кому и сколько раз кланяться, а перед кем задирать нос — принц тоже забыл, а я и вовсе не знал. Торжественные приемы пищи с матушкой, дядей и кучей приближенных тоже отнимали кучу времени. Стрельба, конные выезды, составление писем в Стрелиц, Мирон, Ивенак и Мекленбург.

Танцам и этикету меня учила придворная дама матушки,

женщина довольно бойкая, но в возрасте. Я попытался выторговать участие Марты, но не выгорело. Та же история с письмами – матушка осталась непреклонной и прислала какого-то старичка-нотариуса. Эх, не видать мне Марты, как своих ушей. Хотя это мы еще посмотрим!

Все свое более-менее свободное время я тратил на знакомство с прислугой. Их не так мало, и всех сразу запомнить нереально, но я старался. По крайней мере, я знал, что молодой конюх Якоб сохнет по служанке Кларе, а у кухарки Ирмы болеют дети. Привратник Янек не дурак выпить, а его племянник Иржик знает крыши замка как свои пять пальцев. Этого мне, собственно, и надо, доброе слово и кошке приятно, так что расположение комнат в покоях матушки и кто их занимает – мне известно.

Вечером я пробрался на крышу и, захлестнув принесенную веревку за зубец, спустился к окну, где поселили Марту. Сквозь мутноватое стекло увидел маленькую комнатку. Из обстановки две кровати и стол, за столом кто-то сидел, вроде женщина, но не разобрать. Была не была, тихонько постучал по окну костяшками пальцев, пытаюсь привлечь внимание. Господи, сделай так, чтобы это была не соседка, а то доведу до родимчика! Женщина подошла со свечой к окну, и я сквозь муть увидел испуганное лицо Марты. Спасибо тебе, всевышний! Прижался к стеклу, насколько позволяла решетка, чтобы она меня разглядела, и смотрел на ее бесконечно милое лицо. Чертово окно не открывалось, Марта что-то го-

ворила, но я не слышал. Я что-то говорил ей, но она не слышала меня. О свиданьице! Но главное, что я ее нашел. Вдруг Марта резко обернулась и кинулась назад к столу – похоже, мы все-таки привлекли нежелательное внимание. Ну что же, мне пора. Эх, маменька, а Марту я вам не отдам, так и знайте.

Прекрасным солнечным днем поезд невесты, княжны Агнессы Магдалены Ангальт-Десауской, повстречался в чистом поле с добрым молодцем мной в сопровождении немаленькой свиты. Горнисты протрубили нечто бравурное, я и мои приближенные спешили. Приближенные раскланялись, принц, то есть я, важно наклонил голову. Ибо не фиг! Ну что же, здравствуйте, гости дорогие, ваш товар приехал к нашему купцу. Наш купец назначил меня уполномоченным по встрече, доверенность показать? Из здоровенного возка с дымящей трубой в крыше показались дамы. Дамы – другое дело, и им поклон куда более почтительный и куртуазный. В центре композиции под названием «Мы устали в дороге и замерзли» молодая девушка, являющаяся, очевидно, невестой. К ней я и подошел.

– Позвольте представиться, ваша светлость, я – племянник вашего жениха принц Мекленбург-Стрелицкий. Для меня честь знакомство с вами, позвольте быть вашим покорным слугой.

Дамы с благосклонностью поглядывали на меня. Ну а что? Дядины портные потрудились на славу, сам я тоже не за печ-

кой родился. Молод, правда, по здешним понятиям, ну да это ненадолго. Красавчик, одним словом! В герцогской короне на шляпе. Меня попросили присоединиться к принцессе в возке и рассказать, откуда я такой красивый взялся, каков будущий муж княжны, каков двор князя в Дарлове и тому подобную информацию. Ну, понятно, дамы в дороге заскучали, все сплетни обмусолили, информационный голод – это вам не тетка. Да со всем нашим удовольствием, поездить дамам по ушам – это мы можем. Кстати, язык мой в этом времени иногда обретает удивительную легкость, бывает, задвигаю с самым невинным видом такую чушь, что самому неудобно. А вот поди же ты, слушают! Возок и вправду довольно вместительный, там помимо невесты служанка, камеристка, какая-то тетка, очевидно воспитательница, и еще одна молодая дама, как видно, родственница.

Впрочем, для меня место есть, и я, расположившись в этом цветнике, с удовольствием проехался по ушам моих слушательниц.

– Мой дядя, прекрасные дамы, человек редких качеств. Он добр, богат, знатен, его обожают его подданные, и он, несомненно, составит счастье своей жены.

– А он красив? – робко спросила невеста.

Голубушка, а вам портрет не показывали перед помолвкой? Впрочем, придворные живописцы могут и приврать.

– Ваша светлость, ваш будущий муж красив той мужественной красотой, которая отличает мужчин из рода Гри-

фичей. Вообще хочу вам сказать, что красота – необходимое качество для женщин, и я счастлив наблюдать, что избранница моего дяди обладает им в полной мере. Как, кстати, и ее приближенные. Мужчине же обладать этим качеством совершенно излишне, достаточно быть чуть привлекательней обезьяны, чтобы прослыть красавчиком.

Дамы дружно засмеялись, а воспитательница кокетливо стукнула меня веером.

– Ах, ваша светлость, вы такой шутник! Но вы-то обладаете этим качеством в полной мере, иной бы и девушке позавидовать!

– Ну что вы такое говорите, милые дамы. Вы, верно, хотите меня смутить! На вашем фоне я как невзрачный полевой цветок на фоне прекрасных роз из оранжереи.

– А что это за легкий шрам у вас на лице, ваше высочество? – подала голос молодая женщина, представленная мне как Катарина фон Нойбек, действительно оказавшаяся дальней родней княжне, показав на отметину, оставшуюся мне на память о Печарковском.

– О, это один горячий шляхтич хотел меня застрелить!

– Какой ужас, а что же случилось?

– Я застрелил его!

– Но отчего же произошла ваша ссора?

– Ну, разумеется, из-за дамы! Из-за чего же еще могут повздорить два благородных человека!

– Ах, как романтично! Расскажите, принц, эту историю!

– Да не было никакой истории, жила-была одна прекрасная панна, ну не такая прекрасная, как окружающие меня дамы, но все же довольно милая. Так вот, некий шляхтич воспылал к ней страстью и вознамерился украсть ее из родного дома подобно дикому татарину. Но на счастье этой пани рядом случился я и помешал свершиться этому ужасному злодеянию.

– Вы с ним дрались на дуэли? – прощепетала нежным голосом невеста, и я отметил, как загорелись у нее глаза.

– Увы, для куртуазного вызова не было времени, я гнал-ся за похитителем на коне, а он убегал, перекинув безжизненное тело юной девы через седло. Его злобные сообщники пытались остановить меня, но я заколол их одного за другим. Потом мы сошлись в бою с самим похитителем, и я одолел его и привез девушку домой, к безутешно рыдающим родителям.

– О, как вы храбры и благородны! А что же девушка, она, верно, влюбилась в вас за свое спасение?

– Увы, я не знаю, обстоятельства вынудили меня покинуть пределы Польши, и я больше никогда ее не видел.

– Бедная девушка, что же с ней случилось?

– Полагаю, родители выдали ее замуж.

– А как ее имя?

– Увы, данное мной слово не позволяет открыть мне ее имя.

– Ах, принц, вы такой галантный кавалер!

Так, коротая время за беседой, мы приблизились к Дарловскому замку, где нас встречал местный бомонд.

Кстати, на церемонию бракосочетания заявился еще один мой дядя – нынешний глава клана Грифичей Филип II герцог Штетинский. Он жутко обрадовался, что невесту есть кому встречать, и с ходу командировал мне все свои полномочия и половину своей свиты. Горнисты с серебряными трубами – его, кстати, шляпа с герцогской короной – тоже его подарок.

Так вот, мои дражайшие родственники, не иначе утомленные долгим ожиданием невесты, хорошенько заправились мальвазией из погребов счастливого жениха. Нельзя сказать, что лыка не вязали, но впечатление производили то еще. Положение спасла моя маменька, коршуном кинувшаяся на невесту и прочих гостей и уведшая их отдохнуть с дороги. Доблестные владельцы померанской земли сделали попытку вовлечь в пьянство юного герцога Мекленбургского, но он, не будь дурак, воспользовался суматохой и скрылся. Торжественный прием гостей оказался, таким образом, несколько скомкан, но главное действо должно было произойти завтра, когда состоится церемония венчания, после чего торжественный обед и бал. Пока матушка руководила размещением дорогих гостей, я заявился прямиком в ее апартаменты и, сделав самое наивное лицо, поинтересовался, где герцогиня. Матушка, как было мне отвечено, вместе со своими приближенными находится у княжны Агнессы Магдалены.

– Ох, как досадно, я должен был ознакомиться с одним до-

кументом. Скажите, а Марта сейчас с матушкой? Она должна знать об этих бумагах.

– Марта находится у себя, прикажете позвать, ваша светлость?

– Пожалуй, да. Позовите.

– Сию секунду будет исполнено.

Господи, что со мной? Да, я в теле шестнадцатилетнего пацана, но сознание-то у меня взрослого тридцатилетнего мужика! Почему я так волнуюсь? Наконец я слышу быстрые летящие шаги, дверь распаивается, и появляется Марта. Я ловлю себя на мысли, что впервые вижу ее в женском наряде. Нет. Конечно, я видел ее в крестьянском платье, когда мы вместе скрывались от святого трибунала. Но я был уверен, что она мальчик, да и крестьянская одежда – это совсем другое. Теперь передо мной обворожительная девушка, одетая в прекрасно сшитое платье из зеленого бархата. Над прической явно как следует поработал куафер герцогини. На шее тоненькая серебряная цепочка с медальоном. Подол наряда, как принято для девиц, несколько не достает до пола, и из-под него выглядывают прелестные башмачки с пряжками. Добавьте к этому портрету огромные лучистые глаза и счастливую улыбку – и вы получите полное представление о том, что я увидел.

– Марта, боже, какой же я был болван! Как я вообще мог принять тебя за мальчика! – проговорил я срывающимся голосом и, бросившись к ней, схватив за руки.

– Мой принц! – шептала она, плача счастливыми слезами. – Мой принц, как давно я вас не видела!

– Полно, Марта, не плачь! Я рядом, я с тобой. Мы никогда теперь не расстанемся.

– Правда? – спросила она срывающимся голосом.

– Что здесь происходит?! – раздался за спиной властный голос герцогини Брауншвейг-Вольфенбютельской. – Кто-нибудь мне объяснит это?

Маменька, блин, как вы все же не вовремя! Чего бы вам княжной Агнессой Магдаленой не заниматься? Впрочем, а кому легко?

– Матушка, а вот и вы! А мы тут с Мартой как раз о вас говорили!

– Вот как? И говоря обо мне, вы собирались не расставаться с этой бедной девушкой?

– Разумеется, ведь вы взяли ее на службу, а я ваш сын, не так ли? Я наконец обрел свою матушку после долгой разлуки и не собираюсь расставаться теперь с ней, – проговорил я с видом как можно более невинным.

Ее герцогская светлость подарила мне взгляд, в котором скепсис перемежался с удивлением.

– Марта, дитя мое, мне надо поговорить со своим сыном, оставь нас, пожалуйста.

Марта, сделав книксен, убежала. Как только стих стук ее каблучков, герцогиня спросила меня:

– Сын мой, как вам удалось проникнуть ко мне и встре-

титься с Мартой? Я ведь отдавала на этот счет самые четкие указания.

– Матушка, вам не следовало забирать с собой всех, кому вы давали такие указания. Я просто зашел и отдал приказание, как человек, имеющий на это право. Никто не посмел мне отказать.

– Да уж. Отдаю должное вашему изворотливому уму.

– И мой ум, ваша светлость, совершенно не понимает смысла ваших усилий. Если бы вы взяли на себя труд разъяснить мне, в чем этот смысл состоит, возможно, я пустил бы свою изобретательность в более продуктивное русло.

– Сын мой, вы очень молоды, и я боюсь, что можете надевать глупостей.

– Матушка, признаю, я сделал немало глупостей за свою не слишком продолжительную жизнь, но мне любопытно, от каких именно вы хотите меня оградить? Ведь может же случиться так, что ваши усилия окажутся напрасны.

– Сын мой, вы должны начать новую ветвь рода Никлотичей, и вам следует жениться на девушке вашего круга. Ваш брак должен принести вам прежде всего политические выгоды.

– Совершенно согласен с вами, матушка, но хочу заметить, что я довольно молод для брака. И ради всего святого, а при чем здесь Марта?

– Но я полагала...

– Что я бежал с ней из Кляйнштадта, чтобы тайком об-

венчаться?

– Но...

– Господь вседержитель! Бургомистр этого городка додумался обвинить меня в колдовстве, идолопоклонстве и ереси. Но даже ему не пришло в голову обвинить меня в слабости.

– Но мне показалось, что вы к ней равнодушны...

– Святая пятница! Да знаете ли вы, через что мы прошли вместе с Мартой! Мы вместе скрывались, сражались, мерзли в снегах. Конечно, я к ней равнодушен! Да я любому горло за нее перегрызу! Но с чего вы взяли, что я женюсь на ней?

– На какое-то время мне показалось, Иоганн, что вы не похожи на своего отца. Но, увы, вы точно так же готовы волочиться за любой юбкой.

– Каков бы ни был мой отец, он женился на вас, матушка. Так что я совершенно не понимаю сути ваших претензий.

– Вот именно этим вы и напоминаете своего отца, он точно так же не думал о людях, его окружающих. Как я вижу, вы хорошо осознаете свое положение и думаете о том, как его улучшить. Это весьма похвально, но подумали ли вы хоть раз о будущем этой бедной девочки? Что вы можете ей предложить, разве что место официальной любовницы? А если у вас родятся дети? Вы не французский король, чтобы жаловать своим бастардам титулы!

– Матушка, но...

– Нет уж, никаких «но», Иоганн! Дослушайте меня, по-

жалуйста. Я прекрасно знаю, чем эта девочка пожертвовала ради вас и какие услуги она вам оказала. И уж поверьте мне, ценю это.

– И что вы намерены делать?

– Я намерена устроить ее жизнь! Я намерена дать ей приданое. Я намерена найти ей хорошего мужа. То есть дать все то, что необходимо порядочной женщине и что вряд ли сможете дать ей вы.

– Что же, матушка, считайте, что вы меня пристыдили. Если Марта захочет того будущего, которое вы ей уготовили, видит бог, я не стану ее удерживать. Но я готов поставить золотой гульден против медного гроша, что у вас ничего не получится. Нет такой решетки, которая удержала бы в клетке эту храбрую девочку. Она все сделает, чтобы быть рядом со мной, и даже если весь мир ополчится против меня, она будет стоять рядом и заряжать мои пистолеты. Не знаю, чем я заслужил такую любовь, но у меня не хватит сил оттолкнуть ее.

Выйдя из покоев матери, я бесцельно шел по бесчисленным коридорам замка, пока не наткнулся, к своему удивлению, на дядю Георга. Тот изрядно назюсюкался и, возможно, поэтому очень обрадовался, увидев меня.

– Где ты пропадаешь, милый племянник! Я тебя обыскался.

– Ну что вы, любезный дядюшка, я был у герцогини. У нас был с ней разговор.

– Полагаю, разговор был не слишком приятным? У тебя не очень уж довольный вид.

Внезапно мне в голову пришла поговорка: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». А не проверить ли мне ее истинность?

– Вовсе нет, дядюшка. Просто у меня такое чувство, что мне что-то недоговаривают.

– Вот как?

– Ну, посудите сами. Я не помню своего прошлого, но вряд ли за шестнадцать лет успел оттоптать сильным мира сего так много мозолей. Как произошло, что меня обвинили черт знает в чем, а моя влиятельная родня, вместо того чтобы вступиться, кинулась делить мое имущество. В Священной Римской империи уж почти сто лет никто не слышал об инквизиции, но ради заштатного принца мгновенно собрали священный трибунал. Я, черт меня побери, лютеранин, но католики едва не зажарили меня, а моим братьям по вере нет до этого никакого дела! Что происходит, дядюшка?

– Клара ничего тебе не рассказала? Что ж, придется это сделать мне.

– Я вас внимательно слушаю.

– Да уж послушай, я сейчас пьян, но я не выжил из ума. Иоганн, ты хороший парень, и тебе надо знать, чего опасаться. Видишь ли, племянник, так уж случилось, что твой отец натворил немало нехороших дел за свою довольно беспутную жизнь. И тебе по наследству достались все его враги, а

их немало, поверь мне, а ведь я не обо всех знаю. Но есть еще одно обстоятельство, о котором тебе следует знать. Дело в том, что ты немного поторопился появиться на свет. Твой отец никогда не видел моей сестры до свадьбы, но ты родился ровно через семь месяцев после венчания. Такое случается, и твой отец сделал все, чтобы никто не сомневался в твоём законном происхождении, но его враги это запомнили. Родственники твоего отца могли одним словом прекратить твои злоключения, однако, как видно, не захотели. И я так думаю, что причина именно в этом. Они не считают тебя своим.

– Так я бастард? – несколько ошарашенно спросил я.

– Вовсе нет, твое рождение абсолютно законно, о чем есть все соответствующие документы. Но послушай меня, мальчик, держись подальше от Мекленбурга и своих тамошних родственников, по крайней мере, пока. Шесть тысяч гульденов и три города – достаточно веская причина, чтобы забыть о родстве. Тем более что один раз они тебя уже почти похоронили. А где один, там и второй.

– Что же мне делать?

– Не знаю, парень. Если пожелаешь, можешь жить у меня сколько захочешь. Здесь тебя никто не тронет. Но если хочешь вернуть себе Стрелиц и герцогскую корону, тебе нужны сильные покровители. Я бы на твоём месте отправился в Швецию или Данию. Там, при известной ловкости, ты смог бы найти поддержку при дворе. А ты парень, чего уж там

говорить, довольно ловкий. Слушай, что-то у меня в горле пересохло, не хочешь ли выпить?

– Не вижу причин, милый дядюшка, почему бы два имперских князя не могли выпить!

– Чертовски хорошо сказано, мой мальчик! – захохотал в ответ князь Дарлова.

Поскольку князя не каждый день женятся, к этому мероприятию все долго готовятся. Надо ведь и людей посмотреть, и себя показать, и с сильными мира сего отношения завести. Что ни говори, а князь Дарлова – фигура для местных дворян. Его братья и сестры, тоже князья и герцоги, имеют свои блистательные дворы и не слишком часто бывают в таком захолустье. Так что надо не зевать, шить новые костюмы, надевать все драгоценности, какие есть, да привозить своих многочисленных чад на такой пышный праздник. Глядишь, дочка кому приглянется или сына возьмут в герцогскую гвардию, жизнь-то и наладится. Так что померанские дворяне не зевали. Определенную интригу создавал еще и невесть откуда взявшийся племянник князя. Юный принц Мекленбург-Стрелицкий, конечно, темная лошадка, но если дело выгорит, далеко может вывезти. Судите сами, он молод, красив, хорошо образован и потенциально богат. Шутка ли – шесть тысяч гульденов годовой ренты, да в наших местах таких деньжищ отродясь не видали. Да еще наследственный лен из трех городов – это вам не фунт изюма. Прав-

да, у принца какие-то нелады с родней и прибыл он гол, как сокол, но материна родня его не бросила. Так что молодой человек роскошно одет, занимает первые места согласно своей знатности и смотрит милостиво. А еще, мамочка, как он прекрасно танцует! Ну, посмотрите, мама, вот он ведет невесту в менуэте – ах, какая великолепная пара!

Такие шепотки преследовали меня с самого начала церемонии. Если в церкви еще как-то держали себя в рамках, то на балу просто распоясались. Впрочем, очевидно, какая-то часть бурной биографии принца стала всеобщим достоянием, так что дочек почтенные родители слегка придерживали: «Не по вашим зубам орех, дурочки», – а вот сыновей, особенно младших, вперед пихали: «Смотри браво, дуралей, вон у принца свиты нет, глядишь, и ты на что сгодишься».

Я всем милостиво кивал и улыбался, танцевал с дамами, раскланивался с местными шишками на ровном месте. Одобрительно смотрел на недорослей и иногда, улучив момент, подмигивал их сестрам. Танцевал, кстати, в основном с невестой. Бедняжке было скучно, и дядя в который раз командировал мне все полномочия. Вот интересно, а ночью он меня на помощь не позовет? Так, тихо, держи себя в руках и не забывай, чей хлеб ешь! Если уж совсем невтерпеж, вон Катарина фон Нойбек смотрит голодными глазами давно не доенной коровы. А пуркуа бы, собственно, и па? Тем более что матушка Марту на бал не пустила. Ну, просто как злая мачеха Золушку.

Следующий танец танцую с фрау Катариной. Говорю ей витиеватые комплименты, сжимаю руку чуть сильнее, чем позволяют приличия, смотрю с обожанием во взоре.

– Как вас разместили, прекрасная фройляйн Катарина?

– О, спасибо, все прекрасно!

– Ваши комнаты ведь в восточном крыле?

– Да, ваша светлость, они очень светлые и просторные.

– И рядом с апартаментами моей матушки, не так ли?

– Совершенно верно, а вы, принц, живете в ее половине?

– О, нет. Я живу в западном крыле, в одинокой башне.

Там довольно мрачно и уединенно, но знаете, там прекрасные фрески на стенах.

– Что вы говорите, ваша светлость, а что они изображают?

– Сцены грехопадения Марии Магдалины, хотите, я вам их покажу?

Тем временем танец подошел к концу, и я повел свою партнершу к ее месту. Отвечая реверансом на мой поклон, она подняла голову и, воспользовавшись отсутствием внимания, негромко шепнула мне с обворожительной улыбкой:

– Ваша светлость, я надеюсь, что мне удастся насладиться сценами грехопадения, когда я выйду замуж, в компании своего супруга.

Так, я не понял, меня что – только что отшили? Терпение, Иоганн, терпение, господь увидит, как ты мучаешься, и пошлет тебе что-нибудь лучшее.

Когда бал наконец подошел к концу, я устало побрел в

свою башню. Ну что за жизнь в деревне без пулемета? Открыл дверь и задумался, не зажечь ли свечу, а может, ну ее. В этот момент чьи-то руки закрыли мне глаза, я от неожиданности на секунду замер, но тут же рывком развернулся и замер вновь. На меня с лукавой улыбкой смотрела Марта.

– Ваша светлость так долго предавался развлечениям, что я уж думала, не дождусь.

– Марта! Ты здесь! Ты провела мою матушку и сбежала ко мне? Марта, ты просто чудо! Марта...

– Ваша светлость, смиренно умоляю вас, заткнитесь! – прошептала девушка и заткнула мой рот поцелуем.

Я вне себя от восторга подхватил ее на руки и понес к кровати, думая про себя: «Какое все-таки счастье, что Катарина отшила меня, – хорош бы я был, приведя ее сюда!»

Когда мы утолили первую страсть и слегка отдышались, я, любуясь на ее счастливое лицо, спросил:

– Послушай, я ведь ничего не помню о прошлом. Мы ведь, кажется, были с тобой и твоей сестрой в той хижине во время грозы, так почему?..

– Ах, мой принц, вы ведь и впрямь ничего не знаете. Я полюбила вас с первого взгляда, а вы были так увлечены моей сестрой Авророй, что не обращали на меня никакого внимания. Тем днем вы были так заняты ею, что и не заметили меня, а я плакала за стеной, что вы выбрали не меня.

– Постой, так ты...

– Да, принц, эта ночь первая у нас с вами. Но довольно

слов, я мечтала об этом все время и боялась признаться. Но теперь я ничего не боюсь, и даже если эта ночь последняя в моей жизни, я не променяла бы ее на сто лет жизни без вас.

– Марта, ты с ума сошла!

– Да, мой принц, я лишилась ума от любви к вам!

– Знаешь, если тебя когда-нибудь упрячут в сумасшедший дом, я попрошусь в твою палату. Не знаю, есть ли у нас с тобой будущее, но пусть все будет как будет.

– Довольно слов, мой принц, просто любите меня сейчас. Я не прошу у вас ничего больше...

Мы не отрывались друг от друга всю ночь и лишь под утро забылись в объятиях друг друга. Увы, когда мой организм, наплевав на мою усталость, привычно поднял меня ни свет ни заря, я был один. Бесцельно глядя на стены, на которых отродясь не было никаких фресок, я лежал и думал – а не приснилось ли мне все? Марта, Фридрих, матушка герцогиня и вся эта необыкновенная история.

Еще перед торжественным обедом мне представили с полдюжины молодых людей в возрасте от четырнадцати до двадцати со словами, что они «были бы счастливы служить» мне. Посмотрим, посмотрим. Людей у меня нет, а одному и пропасть недолго. Особым интеллектом взоры не блещут, но и совсем уж дебилами эти парни не выглядят. Ну что же, не всегда нужны умные, иной раз предпочтительнее верные. Всем с улыбкой отвечаю, что сейчас время веселиться, а зав-

тра милости прошу, посмотрим, кто на что способен.

Утром в назначенное время появляется ровно половина претендентов, то есть трое. Остальные, как видно, спят. Прекрасно понимаю: вчера нахрюкались на дармовщинку, а сегодня головка бо-бо. У всех бывает, не у всех проходит. Ну да ладно, пойдем посмотрим, что за сокровище прибило к нашему берегу. Двое явно братья – один восемнадцати лет, другой мой ровесник. Довольно рослые, хоть и худые, темно-русые волосы. Одеты скромно, чтобы не сказать бедно. На потертых поясных портупелях старенькие шпаги. Зовут Каролом и Болеславом фон Гершов. Чувствую, будут у меня ребята Леликом и Болеком. Третий – тот самый младший мальчишка четырнадцати лет, довольно пухлый и рыжий. Зовут Манфред фон Торн. В школе такие всегда были объектами для насмешек сверстников. Одет чуть лучше, по крайней мере, следов штопки не видно. Шпага новенькая, но невольно возникает вопрос: а ее вообще вынимали?

Отвечаю на их дружный поклон кивком и показываю на стол. На нем фехтовальные жилеты и рапиры. Мы переодеваемся и приступаем. Толстяк, сразу видно, в фехтовании не силен, хотя азы знает. С братьями дело значительно лучше, я с удовольствием фехтую с ними по очереди, разгоняя утреннюю хандру. Следующее упражнение – верхом. Кстати, все три претендента пешие, на коней родня, судя по всему, не разорится. Ничего не поделаешь, седлаем дядиных и отправляемся на конную прогулку. Толстяк опять аутсайдер,

хотя и не безнадёжен. Братья же довольно ловкие наездники. Во время прогулки показываю претендентам свой коронный номер с допельфастерами, неофиты впечатлены по самое не могу. В ответ продемонстрировать ничего не могут за отсутствием пистолетов, а я не побеспокоился. Как я понимаю, практика тоже отсутствует... Ну что же, вся надежда на дядю. Надеюсь, этот фанат стрельбы не позволит пропасть молодым дарованиям. Возвращаемся в замок и... вы что, серьёз думали, что это все? Э, нет, ребята. Садимся за стол и пишем сначала диктант, а потом сочинение на тему, почему вы хотите служить у такого замечательного меня. Опаньки. Претенденты меняются местами, и теперь рыжий фаворит гонки, а братья аутсайдеры. Диктант они с горем пополам осиливают, а вот сочинение – увы. Нечего хмуриться, кто сказал, что это провал? Просто ваш будущий работодатель пытается выяснить, кто на что годен. Да, возможно, завтра у меня будет целая армия, но вы пришли сегодня, и у вас преимущество. Забираю сочинение рыжего: прочту на досуге. Интересуюсь, как у претендентов со знанием языков. Братья – ожидаемо немецкий и местный диалект, напоминающий польский. Латынь учили, но без успехов. Толстяк бойко говорит и читает на латыни, польском и французском. Ну что я могу сказать, молодец.

– Итак, господа, вы приняты. О размерах жалованья, я думаю, мы договоримся, стол мой, одежда на вас тоже. Настоятельно требую, чтобы вы держали себя в чистоте – как нрав-

ственной, так и телесной. Ну, а что, нагрешить я за вас за всех успею. А теперь идем завтракать.

Женитьба дяди совершенно не изменила ни его привычек, ни общего течения жизни в Дарлове. Все те же занятия стрельбой и охотой, перемежаемые веселыми пирушками. Молодая княгиня Агнесса Магдалена, казалось, совершенно не интересуется этого славного, в сущности, человека. Отношения с местными дамами у нее не то чтобы не сложились, но единственной ее подругой оставалась Катарина фон Нойбек. Думаю, князь прозрачно намекнул своим подданным, чтобы их жены и дочери не путались у него под ногами в коридорах замка. Я со своей маленькой свитой продолжал жить в своей башне. После отъезда большинства гостей в замке высвободилось немало места, но я привык к своей берлоге и распорядился лишь, чтобы ко мне перетаскивали немного мебели. Братья фон Гершов и рыжий Торн жили в нижнем пределе, там для них перегородками разделили комнату, судя по всему, когда-то бывшую оружейной. Они приоделись и теперь не напоминали оборванцев. Мы с ними постоянно чем-нибудь занимались. Скакали по окрестным полям, стреляли и охотились в компании дяди. Много времени уделяли фехтованию – как обычными шпагами, так и всем, что попадется под руку: алебардами, глефами. Я, с благодарностью вспоминая науку капрала Шмуйлке, лихо орудовал рейтарским бастардом. Они славные ребята, и мне лег-

ко с ними. Герцогиня Брауншвейг-Вольфенбютельская уехала вскоре после свадьбы и увезла с собой Марту. Матушку ждет муж и многочисленные дела в своем герцогстве. Я не мог поехать с ней: мне нужно было дожидаться вестей из Мекленбурга. Мои дорогие родственники должны мне ренту минимум за два года. Это не много и не мало, а двенадцать тысяч гульденов. Это, чтобы не соврать, почти тридцать килограммов золотых монет, если я ничего не путаю. Впрочем, о килограммах сейчас еще никто не знает. Эту меру весов придумают почти через двести лет, сейчас в ходу фунты, марки и прочее. Причем частенько в разных местах свои фунты и свои марки. Вместо золота я могу получить серебро. Рейхс-талер примерно равен рейнскому гульдону и весит, на мой взгляд, граммов тридцать. Стало быть, вес моей ренты будет составлять около трех с половиной центнеров. А еще я могу получить кусок острого железа в бок или яд в желудок, и моя родня, таким образом, изрядно сэкономит.

Еще одним нашим занятием является развлечение моей «тетушки» Агнессы Магдалены. Бедняжке действительно скучно, и наше общество, по сути, единственное ее развлечение. Лелик и Боек, кажется, воспылали страстью к прекрасной фройляйн Катарине. Флаг вам в руки, ребятки, и вагенбург навстречу. Девушка знает себе цену и даже успела назвать ее, а у вас ни кола, ни двора. А чего вы хотите, четвертый и пятый сыновья в семье, а еще и сестры есть. Впрочем, дама она светская и бойкая на язык. Надеюсь, в обще-

нии с ней мои архаровцы чуть-чуть пообтешутся. А то ведь в приличном обществе стыдно показать. Я ее подчеркнуто игнорирую и с рыжим Манфредом уделяю все внимание *meiner lieben Tante*¹¹. Мэнни скоро превратится в ее пажа. Он читает ей вслух рыцарские романы, держит пряжу, или как там называются эти нитки. Иногда она дает ему мелкие поручения, и он с радостью бежит их выполнять. Кстати, Мэнни его зову только я, ласкательно-уменьшительное в его случае – Мани или Фреди.

Жизнь текла до того идеально, что неприятности не могли не нагряться. Но началась та роковая неделя вполне благопристойно. В понедельник я пришел к выводу, что Лелик и Боек засиделись, и дал им поручение: «Отправиться туда, не знаю куда, и привезти то, не знаю что». Если без шуток, то по-тихому съездить в окрестности Познани в одну маленькую деревеньку и разузнать, что там с моим старым Фрицем. Если старик умер от ранения, то помолиться о его грешной душе, а если живой, то привезти ко мне. Все-таки Фридрих стал мне почти родным человеком за время скитаний. Если их и удивила такая забота о слуге, то виду ребята не подали, а, по-быстрому собрав оружие и припасы, усвистали выполнять поручение. Надо сказать, что, посылая их, я руководствовался не только благородством. Старый Фриц, помимо всего прочего, был, по выражению еще не родивше-

¹¹ Моя дорогая тетка (нем.).

гося классика, «и денег, и белья, и дел моих рачитель». То есть исполнял роль казначея и знал о кое-каких ухоронках с добром моего покойного папаша. Да будет земля ему пухом, а черти в аду ленивы и безалаберны.

Во вторник случилось событие достаточно радостное. В Дарлов прибыли долгожданные представители моих подданных. То есть депутация из Стрелица, Мирова и Ракова. По одному человеку от каждого, не считая слуг и охраны. Я принял их со всеми возможными почестями – все-таки признают меня своим сюзереном, а это дорогого стоит. Особенно для бедного изгнанника. Милостиво выслушал уверения во всевозможном почтении. И вам того же, дорогие бюргеры! Господа, а где деньги? С деньгами же получилось очень интересно. Когда-то эти три города принадлежали местному епископу. Потом на волне реформации их у духовного лица отжали, а горожанам, чтобы не слишком волновались, добавили льгот. Папаше моему их отдали, очевидно, по принципу «на, убоже, что нам негоже». Короче говоря, города мне были много чего должны, но в основном в натуральном виде. К примеру, посылать фураж в мои конюшни. Кормить моих приближенных, число которых, кстати, было строго оговорено. Предоставлять службу, когда я нахожусь в городе. Каждый мастеровой цех должен был раз в год изготовить по моему заказу то, что я пожелаю. И прочее, и прочее... Ну и как мне воспользоваться этими ништяками? То есть верноподданные как бы не отказываются, «вы только вернитесь, ваша

светлость, и мы тут же...», но на вопрос, нельзя ли эту всю благодать деньгами и сразу, а лучше года за три вперед, тут же гложут и тупеют. Так, господа, вы верно склонны переоценивать молодость и доброту вашего юного принца. А он, тиран этакий, уже прикидывает, как красиво вы будете смотреться, вися на деревьях в ближайшем лесу. Итак, лишенцы, ну-ка выкладывайте, что вы мне должны деньгами! Господа, уловив перемену настроения, несколько умилились наглостью и перешли к налогам денежным. Города должны мне, как своему сюзерену, фиксированные суммы. Стрелиц триста талеров, Мирон и Раков по сто пятьдесят. Кроме того, я имею право сеньориального суда. Правда, чтобы оно приносило доход, надо этот суд осуществлять, то есть находиться на месте. Опять двадцать пять! А, вот оно в чем дело – папаша, не желая пачкать руки, передоверил все уголовные дела в своей вотчине за весьма скромную сумму. Кажется, я начинаю понимать, почему моего папеньку так любили подданные, несмотря на все его непотребства. Он ведь мог же их как липку обдирать, а всего лишь девок портил. Ну да ладно, вернусь, если, конечно, вернусь, – поговорим. Скромная сумма в триста талеров за суд в трех городах переходит в зрительный зал. Еще города должны содержать мои войска. Но тут небольшой облом: формально – да, городская стража моя. Но только формально, поскольку занимается своими прямыми обязанностями, то есть стережет вверенные им города. Впрочем, помимо пехоты и весьма немногочис-

ленной артиллерии, должна быть конница. Города обязаны обеспечить меня определенным числом кавалеристов. Стрелитц должен выставить двадцать, а прочие по десять всадников в доспехах, с оружием и на конях. Не бог весть что, но уже интересно. Поскольку этих всадников в городах нет, мне привезли деньги для их найма. Аллилуйя! Где деньги? Так, я не понял! Вы вообще как считали? Одному всаднику десять талеров в месяц? Трем капралам по двадцать и капитану этой компании пятьдесят? Итого в месяц пятьсот десять, умножаем на двенадцать и получаем шесть тысяч сто двадцать талеров. Побойтесь бога, вы где такие цены видели? Да я сам... хм... видел, как рядовому рейтару по двадцатке платили! Ах, рейтары дороги? А ваш принц, значит, и чем попроще обойдется! Как на грех, посоветоваться-то и не с кем. Хуже всего – я-то банально не знаю, что собой представляют мои города. Может, богатые, а может, голь перекатная.

– Мэнни, – обратился я к единственному своему на данный момент приближенному. – Что ты обо всем этом думаешь?

– Вас хотят обмануть, ваша светлость, – ответил мне рыжик со всей серьезностью.

– И что мне делать?

– Я полагаю, соглашаться.

– Вот как?

– Ваша светлость, а у вас есть выбор? Денег у вас сейчас нет, а так хоть что-то. Города, увидев вашу поклади-

стость, станут еще большими вашими сторонниками. Ну, а если вы, заняв причитающееся вам по праву место, решите разобраться со своими доходами более детально, то кто вам помешает?

Блин, какой умненький мальчик! Действительно, оживить окружающий пейзаж парой висящих наглцов никогда не поздно. Ну, что же, господа, идемте в закрома!

Едва я разобрался со своими финансовыми вопросами, случилось несчастье, в очередной раз перевернувшее мою жизнь. Все шло как обычно, позавтракав с ее светлостью, я отправился пострелять в компании его светлости. Тот только что приобрел довольно занятное ружьецо и собирался опробовать его в деле.

– Дорогой племянник, не хочешь ли ты выстрелить из этого шедевра?

– О нет, дядюшка, сегодня я довольно настролялся.

– Ну как знаешь, а я намерен сделать это немедленно, – сказал мне дядя Георг и нажал на курок. Порох на полке вспыхнул, и богато украшенный карамультук с грохотом разорвался у него в руках.

Скинув оцепенение, я бросился к нему. Увы, помочь ему не мог уже никто: князь Дарлова Георг Померанский умер мгновенно. Лицо его было изуродовано, и я накрыл его платком. Положив на плащ, слуги потащили безжизненное тело в замок. Я же пошел к «тетушке» Агнессе сообщить дурную весть. Услышав о случившемся несчастье, она едва не упала

в обморок. Не ожидал, однако, такой чувствительности. Хотя, здраво рассуждая, пусть дядя был ей не лучшим мужем, но без него ей будет еще хуже.

В тот вечер я долго сидел у гроба дяди в часовне и думал о том, что мне делать дальше. Завтра тело его предадут земле, и один бог знает, кто станет его преемником. Как-то он отнесется к бедному родственнику. Все решено, дождусь Лелика и Болека – и в путь. Здесь меня ничто не держит, так что надо ехать. Вот только куда? К матери (или, скорее, к Марте), конечно, можно, но будет ли ее муж рад беспутному и нищему пасынку? Нет, надо отправляться в Швецию: именно шведы в грядущей большой войне займут и Мекленбург, и Померанию. Если хорошо проявить себя в какой-нибудь войне, а воюют они постоянно, то вполне можно устроить свою жизнь. Придя наконец к решению, я встал и отправился к себе. Зайдя в комнату, к своему удивлению, увидел сидящую на софе подругу княгини Катарину фон Нойбек.

– Добрый вечер, фройляйн, скажу честно, ваш визит большой сюрприз для меня. Смерть моего дяди так опечалила вас, что вы решили ознакомиться с фресками? Увы, они мне надоели, и я приказал их закрасить.

– А вы, оказывается, умеете не только рассказывать галантные истории, ваша светлость. Вы еще можете быть жестоким.

– Что делать, у меня много талантов. Правда, вы не со всеми захотели познакомиться, но видит бог, я не сержусь

на вас. Каждый строит свою жизнь, как может, и ваша целеустремленность вызывает определенное уважение. Чего вы хотите, фройляйн?

– Скажите, как вы относитесь к Агнессе?

– Вот это неожиданный вопрос! Впрочем, я прекрасно отношусь к моей тетушке и глубоко сочувствую ее горю.

– Как вы думаете, какова ее дальнейшая судьба?

– Все зависит от померанской родни, Дарлов ей вряд ли оставят, но какую-то вдовью долю выделяют. Люди они не злые, но, скорее всего, вам придется вернуться в Анхальт.

– Вот если бы...

– Что если бы?

– Если бы у нее был ребенок...

– Это все изменило бы. По крайней мере, до его совершеннолетия, если это сын, или замужества, если дочь, она была бы здесь полновластной хозяйкой. Но ведь ребенка нет, не так ли?

– Скажу больше: ему просто неоткуда взяться.

– Вот как? Не удивлен, если честно. Однако зачем вы это мне рассказываете?

– Послушайте, принц, никому другому я бы не сказала этого, но вы – другое дело. Я немного разбираюсь в людях – бедность и необходимость приспособливаться в жизни развивает ум. Вы не похожи ни на одного человека, которого я видела в своей жизни. Вы ловки, удачливы и не слишком щепетильны. Ваша матушка кое-что о вас рассказывала, и даже

если правда только половина – вы человек необыкновенный.

– Я безмерно польщен вашим мнением, но не потрудитесь ли выразаться яснее.

– Скажите, вы ведь не соврали тогда, в той истории со шляхтичем?

– Бог мой, нашли что вспомнить! Нет, я не соврал! По крайней мере, не все, вообще-то это он за мной охотился, но я действительно был один против него и его слуг и вышел победителем. И там действительно была замешана честь девушки. Да какое это, черт бы вас подрал, имеет значение!

– Я не ошиблась в вас. Вы быстро принимаете решения и можете заступиться за женщину.

– Фройляйн!

– Послушайте, если окажется, что Агнесса Магдалена беременна, ее положение упрочится, не так ли?

– А я-то тут при чем? Стоп... святая пятница! Да вы мне предлагаете?... Ох ты...

– Да, именно это я вам и предлагаю! У Агнессы мало причин скорбеть о вашем дяде, и если она окажется в тягости, ее будущее обеспечено.

– И ваше, не так ли?

– Да, и мое! Я страшно не хочу возвращаться в Анхальт! Если Агнесса будет полновластной хозяйкой Дарлова, то ее приближенная будет выгодной партией, а дома я никто. Но Агнесса, будучи княгиней, может ведь и оказать помощь одному беглому принцу. И даже может статься, что она вый-

дет за него замуж, не так ли? Решайтесь, принц, у нас не так много времени. В конце концов, вы ничего не теряете, а выиграть можете многое.

– Вообще-то нужно еще две вещи.

– Какие?

– Э... как бы это, согласие самой Агнессы и то, чтобы эти усилия увенчались успехом. Некоторые пары живут в браке всю жизнь, оставаясь бездетными, а у нас время крайне ограничено.

– Принц, я вас умоляю, вы молоды, красивы и умеете нравиться женщинам. Я вообще удивляюсь, как вы до сих пор не забрались в постель своей «тетушки». Да! Я поговорила с ней, прежде чем идти к вам.

– Вот как, и что вам ответила Агнесса?

– По крайней мере, она не отказалась. Бог мой, вы вдвоем меня доконаете, я вам предлагаю обеспеченное будущее, а вы думаете неизвестно о чем! Вы вообще мужчина?

– Полегче, а то я вам докажу это прямо сейчас, и для будущего наследника Дарлова ничего не останется! Идемте, черт вас дери, к Агнессе. Кстати, а вы умеете держать свечу?

– Негодяй!

Ночью Дарловский замок кажется мрачным и угрюмым. Мы лежим с Агнессой на огромной кровати в княжеских покоях. В воздухе повисло напряженное молчание, наконец она не выдерживает и, стараясь не смотреть на меня, тихонько произносит:

– Вы, верно, теперь презираете меня.

– Вовсе нет, с чего вы взяли?

– Тело моего мужа еще не остыло в замковой часовне, а я...

– Не казните себя, в случившемся нет вашей вины. Вы молоды и красивы, вы достойны любви, которой, к сожалению, мой дядя не смог дать вам.

– Вы не понимаете. Катарина убедила меня в том, что это необходимо. В том, что это небольшой грех. В том, что так я спасу и себя, и ее...

– Так и есть. Грех совершили ваши родные, выдавшие вас за старика и даже не приехавшие на ваше бракосочетание. Грех совершил и мой дядя, женившийся на вас и не попытавшийся дать вам хоть немного счастья.

– Вы не понимаете! Как же вы не можете понять!

– Что мне нужно понять, Агнесса?

– С первой же нашей встречи, едва увидев, я стала мечтать о вас! Сначала я надеялась, что человек, предназначенный мне в мужа, будет хоть немного походить на вас. Я ведь никогда не видела его раньше. Потом я просто хотела, чтобы на его месте были вы, особенно когда он приходил ко мне в опочивальню. Боже, как я хотела, чтобы это были вы!

– Агнесса...

– Молчите! Вы ничего не понимаете! Мне просто было очень хорошо с вами сейчас. Я даже не знала, что может быть так хорошо! Я думала, что это всегда так мерзко и... А те-

перь он умер, а я – падшая женщина!

– Успокойтесь, Агнесса! В случившемся нет вашей вины. Скажу вам откровенно, я тоже с первого дня думал о вас не как о тете. Вы так красивы, а дядя столь откровенно пренебрегал вами, что я не мог не думать о вас.

– Почему же вы...

– Господи помилуй меня! Агнесса, я ведь изгнанник и живу здесь из милости. Я терзался всей душой, но мог ударить по руке, кормившей меня. И если то, что сейчас случилось, грех, то пусть он падет на меня. Пусть мне будет уготована геенна огненная, но я ни минуты не жалею о том, что произошло.

– Правда?

– Ну конечно правда!

– Но что будет с нами?

– Милая моя, все в воле божией. Если он, несмотря ни на что, благословит нас ребенком, то ваша судьба будет устроена. Вы останетесь с ним в этом замке полновластной хозяйкой. Никто не посмеет отнять его у законного наследника дома Грифичей.

– Законного... – горько вздохнула Агнесса.

– Да, законного! Никто не посмеет оспорить его происхождения.

– А если он будет похож на вас?

– Что за беда! Я тоже внук князя Богуслава, и говорят, крепко похож на него в молодости. Никого не удивит, что

внук похож на своего деда. Правда, могут найтись злые языки, если я буду с вами, так что мне придется уехать.

– Уехать? Как? Куда?

– Еще не знаю, мне нужно дождаться известий из Мекленбурга, а потом я решу, куда направить свой путь. Но мне нельзя здесь оставаться, если я не хочу навлечь на вас несчастья. По крайней мере, пока.

– Боже, вы покинете меня!

– Агнесса, будьте мужественны! Вы умная женщина и должны понимать, что на ребенка не должно упасть и тени подозрения. Только тогда ваше будущее будет обеспечено. И, надеюсь, мое тоже.

– Но вы вернетесь? Как долго вы собираетесь отсутствовать?

– Ах, милая моя, вы не представляете, какое это счастье, когда есть куда вернуться! Увы, до сих пор мне было некуда возвращаться. Мне по наследству досталось слишком много врагов, и все жаждут моей крови. Мне нужно уехать хотя бы на год. За это время все уляжется, никого не удивит, что я решил навестить могилу дяди и его вдову. Если ваши чувства не остынут ко мне, то сможем открыто объявить о нашей помолвке.

– Что вы такое говорите! Как могут остыть мои чувства? Скорее уж солнце остынет, и Балтийское море навсегда скует лед!

– Милая Агнесса, вы очень молоды и не знаете жизни.

Чувства человеческие недолговечны, а разлука – тяжкое испытание для них.

– Я молода, конечно, но вы, Иоганн, на два года меня младше!

– Это верно, но я кое-что повидал, особенно в последние полгода. Я был узником в городской тюрьме, я скрывался, притворялся бродячим комедиантом, завербовался в рейтары. Я сражался с людьми, хотевшими моей смерти, и убивал их в ответ. Я потерял память и всех хоть сколько-то близких мне людей.

– Боже мой!

– Да, Агнесса, я молод, но я знаю жизнь гораздо лучше вас. Давайте не будем говорить о будущем, давайте жить сейчас настоящим. У нас так мало времени.

– Мало времени?

– Милая Агнесса, утро не должно застать нас в одной постели. Никто из слуг не должен заподозрить нашего счастья. А через три дня, самое большее четыре, приедут родственники, и у них тоже не должно быть и тени подозрения на ваш счет. Если понадобится, вы должны будете выгнать меня из замка, обвинив в том, что пристрастие к стрельбе погубило вашего мужа. И я был участником этих опасных забав!

– Боже мой, я не смогу!

– Сможете, если это будет необходимо! А через год, когда ваше положение упрочится, я смогу вернуться. У вас будет пусть маленькое, но свое княжество, если богу будет угодно,

я смогу вернуть свое. Два княжества лучше, чем ни одного, но даже если будет только одно, судьба консорта слаще судьбы скитальца.

– Но обещайте мне, что вы вернетесь!

– Княгиня! Чтобы я мог вернуться через год, необходимо, чтобы через девять месяцев у вас родился ребенок. И у нас не так уж много времени, чтобы устроить это, так что давайте не будем его терять.

– Ах, Иоганн, чего же вы ждете!

Это безумие продолжалось три дня. Днями у меня не было ни одной свободной минуты, организация похорон и хозяйственные заботы отнимали все время. В светлое время я мог увидеть Агнессу разве случайно, столкнувшись в часовне, где она всегда была в окружении свиты. Но ночи принадлежали только нам и проходили в дурмане бешеной страсти. Каждая наша минута, проведенная вместе, могла стать последней, и это неимоверно распаляло наши желания. Единственной свидетельницей нашей связи была Катарина фон Нойбек, она была нашей поверенной и нашей сводней, нашим ангелом-хранителем и демоном-искусителем. Она зорко оберегала нас от любопытства слуг и служила нам письмоношей.

Прибывшие на скорбную церемонию родственники во главе с дядей Филиппом прекратили нашу связь. Когда тело дяди Георга упокоилось в склепе, а женщины выплакали все положенные слезы, глава клана Грифичей без обиняков

спросил меня о моих планах. Я, коротко вздохнув, ответил ему:

– Меня здесь держит только необходимость дождаться ответа из Мекленбурга. Как-то же мои родственники должны прореагировать на мое спасение?

– У них не слишком большой выбор, племянник. Тебя в присутствии огромного числа людей признали я и твоя мать. Этого вполне достаточно, чтобы обеспечить твое будущее. Никто не посмеет лишить тебя того, что полагается тебе по праву.

– Пока я жив – да. Но это обстоятельство вполне можно подкорректировать.

– Ты опасаясь за свою жизнь?

– У меня достаточно к тому оснований. Покойный дядя рекомендовал мне держаться подальше от мекленбургской родни, и я намерен последовать этому совету. Какой бы ответ ни получил, я отправлюсь ко двору шведского короля – там найдется занятие для моей шпаги. Если господь будет милостив ко мне, я смогу найти при шведском дворе влиятельных друзей, которые помогут мне вернуться в Мекленбург.

– Я смотрю, ты все обдумал? Но тогда тебе нечего ждать.

– Как сказать, дядя, как сказать. Приехать на службу шведскому королю герцогом и во главе своего отряда – всяко лучше, чем беглым принцем и одному. Мекленбуржцы должны мне двенадцать тысяч гульденов, на эти деньги можно целый полк нанять.

– Верно, но вряд ли ты получишь с них, оставаясь здесь, что-то, кроме короны. Скорее всего, они обусловят выплату ренты твоим возвращением. Но мысль поехать в Швецию недурна! Наследник престола Густав Адольф твой ровесник – если ты подружишься с ним, твое будущее будет обеспечено. И может статься, ты получишь со временем не один Стрелиц, а немного больше. Твои двоюродные братья Иоганн Альбрехт и Адольф Фридрих не намного старше тебя и не слишком уверенно сидят на троне. Ко всему твой тезка католик, не говоря уж о том, что их отец и твой дядя герцог Иоганн был сумасшедшим и сам себя зарезал. Так что все может случиться. Правда, их мать вдовствующая герцогиня София, ставшая после смерти Карла Первого регентом, женщина властная и умная, думаю, если кто и может устроить тебе неприятности, то это именно она.

Дядя, проговорив это, лукаво усмехнулся и без перехода тут же спросил:

- А как у тебя отношения с Агнессой Магдаленой?
- Дядя, помилуйте, какие у меня могут быть отношения с тетей, особенно после случившегося?
- После случившегося?
- Ну да! Она, очевидно, винит меня в несчастном случае, происшедшем с дядей Георгом. Если до этого несчастья она относилась ко мне снисходительно, то сейчас просто видеть не желает. Может, хоть вы ей скажете, что страсть к стрельбе у дяди была задолго до моего появления?

– Это да. Бедняга Ежи всегда любил эти гроыхающие штуки. Так значит, отношения с тетей у тебя не сложились?

– Увы, скорее испортились. Будь жив дядя – я мог бы оставаться здесь и дальше, а теперь...

– А я хотел было просить тебя сопровождать ее к родителям.

– Вы считаете необходимым изгнать ее?

– Ты слишком прямолинеен, друг мой. Но – да! Она могла бы стать членом нашей семьи, но судьба распорядилась иначе, и у Дарлова будет иной хозяин, нашего рода. А Агнесса Магдалена еще молода и вполне может устроить свою судьбу в другом браке.

– Ну, если вы уверены в том, что их брак был бесплоден, то вы совершенно правы.

– У тебя есть основания считать иначе?

– Нет, но чем черт не шутит, когда господь отворачивается? Дядя Георг был, конечно, немолод, но вполне здоров и бодр. Так что я не слишком удивился бы, если бы у этого союза появились плоды. Впрочем, выгнать вдову сразу после похорон будет не слишком красиво, а, скажем, через пару месяцев приличия были бы соблюдены. К тому времени, были плоды или нет, станет вполне заметно.

– А ты дипломат, милый племянник. Пожалуй, я последую твоему совету.

– Всегда пожалуйста. Однако я не смогу увидеть развития событий, поскольку собираюсь как можно скорее отправить-

ся в Швецию.

Дядюшка распрощался со мной явно озадаченным – видимо, не ожидал подобной рассудительности от «молокососа». Ну а что, привыкайте, я, как-никак, почти герцог, мне мозги по должности положены.

Скоро вернулись Лелик и Боек. К огромному моему сожалению, им не удалось найти Фридриха, точнее застать. Судя по рассказу деревенских жителей, его увезли рейтары пана Остророга. Ну что же, жаль, конечно. Надеюсь, у старика все хорошо и мы когда-нибудь свидимся. По моему приказу они подыскали среди местных несколько молодых парней, желающих повидать мир. Я принял на службу восьмерых. На швальне покойного дяди на них сшили нечто вроде ливрей, украшенных гербом Мекленбурга. Перешерстив с разрешения Агнессы дарловский арсенал, я смог их недурно вооружить. Каждому удалось подобрать шлем, кирасу, мушкет и палаш. Мушкеты, правда, фитильные, но дареному коню в зубы не смотрят. Братья фон Гершов получили полный доспех и по паре пистолетов. На Манфреда ввиду его малолетства доспехов не подбирали, но пистолетами вооружили. Его задача – в случае чего заряжать нам оружие. О себе любимом можно было не беспокоиться, мне доспех и прекрасную кавалерийскую шпагу успел подарить еще при жизни дядя Георг, а стволов и без того на взвод рейтар хватит. Пора отправляться, а то родня уже косо смотрит.

В местном порту нередко суда, идущие в Швецию, одно

из них и приняло на борт мой маленький отряд. Пока мои архаровцы грузили скарб, я прощался. Увы, Агнесса Магдалена, окруженная бдительной родней, не могла меня проводить, и поэтому ее заменила Катарина.

– Прощайте, любезная фройляйн Катарина. Не знаю, свидимся ли мы еще, так что не поминайте лихом. Поминайте иногда в своих молитвах бедного изгнанника, которому едва не разбили сердце!

– Бог мой, ваша светлость! Какой у вас все же несносный язык! Неужели то, что вам не удалось совратить девицу, так изранило ваше сердце? И почему вы прощаетесь? Разве вы не планируете вернуться через год к вашей тете? – лукаво усмехнулась она.

– Ну, для того чтобы вернуться, надо...

– У вашей тети задержка. Так что наш замысел вполне удался, и если все и дальше пойдет по плану, вы вполне сможете вернуться через некоторое время.

– Что же, я рад, что у «тети» все хорошо. Надеюсь, она не забудет меня за время разлуки. И я смогу еще увидеть ее и... вас.

– Ах, ваша светлость, уж поверьте мне, Агнесса никогда вас не забудет. Она так стонала, когда вы были вместе, что едва не свела меня с ума. Я даже иногда сожалела, что не приняла вашего предложения посмотреть на фрески.

– Да уж, вы нашли подходящее время, чтобы сообщить мне, что передумали.

– Я не передумала, но вам определенно удалось удивить княгиню. Так что возвращайтесь без опаски. И вот еще, она просила передать вам, – с этими словами Катарина протянула мне маленькую коробку. – До свиданья, принц!

Наблюдая, как отъезжает карета, я раскрыл коробку и нашел в нем серебряный медальон на цепочке с портретом Агнессы. Милый сувенирчик, чтобы не забывал. Ну-ну.

Зафрахтованное нами судно особого впечатления на меня не произвело. Видали мы карликов и покрупнее. Ну, собственно, в Америку нам на нем не плыть, а для Балтики, надеюсь, сгодится. Мне как высокородной особе капитан готов был уступить свою каюту, но я отказался и разместился со своими людьми. В смысле я, Мэнни, Лелик и Боек в одном кубрике, а свеженанятые в смежном. Никак не могу определиться, как же их именовать. Прислугой как-то неудобно, что ли. При найме сразу предупредил, что хозяин я беспокойный и приключения гарантирую. До наемных солдат им, впрочем, тоже далековато. Ребята совсем необученные, хотя с какой стороны к мушкету подходить, знают. За лошадьми тоже ухаживать умеют, чего еще надо? Много чего, надо уметь ухаживать за одеждой принца, стирать, готовить и прочее, и прочее. Ну да разберемся. Надо было, конечно, пораньше озаботиться, ну да что уж теперь.

Плавание – прекрасное время, чтобы обдумать сложив-

шее положение. Под скрип снастей перебираю в голове происшедшие события. Отношения с Агнессой – это плюс, особенно если девочке удастся закрепиться в княжестве. Хм, ее девичья фамилия Анхальт-Десау, интересно – Анхальт-Цербстские им не родня? А то, помнится, одна такая лет через двести пятьдесят кое-где закрепится. Так, что не сковырнешь. Ну да то дела грядущего, а сейчас, точнее, через год – это тыл. И хороший такой тыл, надежный. Матушка у меня в Брауншвейге плетет заговоры и подыскивает невесту своему непутевому отпрыску. Ну-ну, удачи вам, либе муттер. А еще с ней Марта. Странное дело, пока кувыркался с Агнессой, помогая увеличить поголовье Грифичей, ни разу даже не вспомнил о ней. А теперь почти тоскую, и даже немного стыдно. С чего бы это? С одной стороны, понятно, приятно осознавать, что от тебя у девчонки крышу напрочь снесло. С другой – это ведь не к тебе, Ваня, такая страсть, а к принцу. И большой вопрос: не будь Иоганн Альбрехт принцем – вешались бы на него все эти милые дамы? Рейтара Ганса как-то вот меньше любили, разве что капрал Шмультке... В переносном, конечно, смысле. Впереди Швеция, и кто его знает, как там сложится. Король Карл IX из династии Ваза довольно стар и щепетилен, трон занял совсем недавно, хотя мог бы лет на десять раньше, но не захотел распрей внутри страны. Однако когда к шведскому трону протянул руки представитель католической ветви династии, резко занял трон и пресек все попытки. Так что он убежденный лютера-

нин и гонимому католиками принцу должен помочь. Еще у него распри с датчанами, поскольку добрая часть Швеции принадлежит датской короне. Датский король Кристиан IV, кстати, мне родня. Его мамаша из Мекленбург-Гюстрова. У Карла два сына – мой ровесник Густав Адольф и девятилетний Карл Филипп. Я знаю, что королем станет Густав и во время Тридцатилетней войны крепко выплет всем, до кого дотянется. Но – увы, не имею ни малейшего представления, когда именно он станет королем. Эх, плохо я учил историю! Так неторопливо размышляя, я частенько стоял на корме и наблюдал за морем. Однажды, когда мы уже шли вдоль берега Швеции, я услышал, как вахтенный кричал с бочки:

– Право по борту корабль!

Отвлечшись от своих мыслей, я подошел к фальшборту и действительно увидел идущую к нам небольшую барку. Обернувшись к штурвалу, я увидел, что лица стоящих там потемнели.

– Что-нибудь не так, герр капитан?

– О, все так, ваша светлость, если не считать, что это, скорее всего, пираты.

– Пираты, здесь?

– А чем это место лучше любого другого на Балтике?

– Однако! Неужто пираты так обнаглели, что хозяйничают вблизи от шведских берегов? Да еще на столь малом корабле... Они что, совсем страх потеряли?

– Ну, если учесть, что половина местных жителей тайные

пираты, а вторая половина явные, — то да. Они ничего не боятся, но дело не только в этом.

— А в чем же?

— Будь эта барка одна — это было бы не так опасно. Но посмотрите внимательнее, ваше высочество, вон еще одна, а с другого борта, бьюсь об заклад, еще и не одна. Но не беспокойтесь, они не будут нападать, я заплачу им небольшую мзду, и они отстанут. У них нет больших кораблей с пушками, и им не так уж сильно хочется словить свинец в лоб или сталь в бок. Если им не заплатить, они могут атаковать ночью, а днем вряд ли рискнут сунуться. Эти корабли снарядил местный ярл или кто-то в этом роде. Что-то вроде налога за проезд.

— Так вы намерены заплатить?

— Да, так спокойнее. Один раз заплатишь — и больше никто не тронет.

— Сколько у вас людей?

— Сорок шесть вместе со мной, а у этих негодяев на каждой барке не менее двадцати!

— Нас двенадцать человек, и мы недурно вооружены, так что можете на нас рассчитывать.

— Не стоит, принц, мне еще не раз тут ходить, а эти ребята злопамятны.

Я внимательно смотрел на маневры плавучих рэкетиров, и чем больше я на них смотрел, тем меньше они мне нравились. Примолкнувшая было параноя проснулась и вопила

во все горло. Жестом подозвав к себе Мэнни, я приказал:
– Всем нашим alarm¹²! Кирасы надеть, мушкеты зарядить.
И потихоньку, не привлекая внимания, на кормовую надстройку. И сразу ко мне – поможешь доспехи нацепить.

Когда мы, в темпе одевшись и вооружившись, потихоньку заняли надстройку, диспозиция прояснилась. Одна из пиратских барок подошла к носу нашего флейта – очевидно, на ней был главарь рэкетиров, желавший обсудить размеры взноса в пользу голодающих бандитов Балтики. Две другие заняли позиции с бортов. Наш капитан, однако, не совсем потерял бдительность. Все его подчиненные были вооружены, у пары имевшихся небольших пушечек на вертлюгах стояли люди с фитилями. Но большинство вместе с ним столпилось на носу и грело уши, слушая перебранку капитана и главаря бандитов, оставшиеся следили за барками пиратов. Мы же, стараясь не отвечивать, прятались за фальшбортом и наблюдали за происходящим. Тут мое внимание привлёк негромкий стук – резко оглянувшись, я увидел крюк, зацепившийся за борт. Так, это еще что за явление? Опаньки, пока все были отвлечены происходящим на баке, к корме подошла оставшаяся доселе незамеченной маленькая лодка с шестью вооруженными пиратами, которые, не теряя времени даром, решили забраться на наш борт. Видимо, благородные морские разбойники решили, что обычной мзды будет

¹² Тревога (нем.).

недостаточно и надо забрать весь груз, причем вместе с кораблем. В принципе, у них все получилось бы, но вот заказываю: у одного беглого принца разыгралась паранойя, и на надстройке их ожидает комитет по встрече. Показываю своим архаровцам кулак и подношу палец к губам. Тихо вы, аспиды! Всю рыбу распугаете! Машу рукой Лелику – иди, мол, сюда, и показываю знаками, что делать. Тот понатливо кивает, и как только голова пирата показывается над бортом, мы подхватываем болезного за руки, и в ухо ему прилетает кулак Кароля в латной перчатке. Латная перчатка, скажу я вам, это не хухры-мухры! Куда там кастету. Через пару минут на палубе лежат пятеро связанных пиратов с заткнутыми ртами. Последнее для предосторожности: скоро очнуться им не грозит, рука у Лелика тяжелая. Так, а где шестой? Ух ты, последний бандит сидит в лодке и никуда не собирается. Непорядок! Свесившись с борта, показываю ему допельфастер и маню пальцем *komm her du Schwein*¹³. Тебя тут, можно сказать, коронованная особа ждет, а ты кобенишься. Так, хороший мальчик, этого не бить! Пока.

Между тем торг подходит к концу, а к пиратам подгребают еще две барки. Да что же это такое, вы там заснули, что ли? Наконец пушкари выходят из летаргии и что-то кричат капитану. Эх, ребятки, в таких случаях надо сначала стрелять, а потом разговоры разговаривать! С пиратской барки

¹³ Иди сюда, ублюдок (нем.).

раздается дружный залп – и тут же летят абордажные крючья. Остальные разбойники наваливаются на весла и тоже скоро пожалуют в гости. Наши моряки пытаются оказать сопротивление, но не слишком успешно. Пушечки начинают стрелять в сторону противника. Очнулись, мля! Одна ожидаемо промахивается, а вот вторая почти попала. Задающему темп гребцам пирату сносит голову. Энтузиазм остальных резко утихает, и барка замедляет ход.

– Так, господа! Наш выход, поскольку с людьми, выросшими на палубе, нам в абордаже не тягаться, никто в схватку не лезет! Сидим здесь и огнем, повторяю, огнем, препятствуем высадке остальных пиратов. С этими пусть команда занимается.

Мои мушкетеры, о, придумал, отныне и навеки вы, ребята, мои мушкетеры, дают дружный залп по самой близкой пиратской посудине. А недурно! Добрая половина супостатов выведена из строя, остальные, кажется, в легкой прострации. Эй вы, олухи царя небесного! А заряжать за вас принц будет? Ему некогда, он боем руководит! Schneller¹⁴, сукины дети!!! Кажется, дело пошло на лад, Кароль взялся за руководство мушкетерами, и они исправно дают залпы в пытающихся подплыть пиратов. Мы с Болеславом, ошестинившись пистолетами, блокируем трапы на нашу надстройку. Манфред за моей спиной держит наготове запасные пистолеты. Тем временем бандиты с головной барки успели сломить

¹⁴ Быстрее (нем.).

сопротивление нашей команды. Часть матросов перерезана, но большинство просто струсило и ищет спасения в трюме. Впрочем, несколько моряков, отмахиваясь от разбойников своими тесаками, отступают к нам. Капитана нигде не видно, ну, да и черт с ним! Кажется, главарь разбойников понимает, в чем заминка столь хорошо задуманного плана, и командует атаку на нас. Это ты зря, я с вами фехтованием заниматься не собираюсь! Мы с Болеком дружно стреляем из всех стволов, и бандиты откатываются. Ветер быстро разгоняет дым, и я вижу, что утренний пейзаж украсили тела пятерых разбойников. Великолепно! Мэнни тут же подает нам заряженные пистолеты и принимается за перезарядку наших. Ну что же, ситуация патовая, мы не даем бандитам подняться на борт, а уже поднявшиеся пираты держат нас осажденными в надстройке. Так, что это? Главарь пиратов предлагает мне поединок? Ага, сейчас! Чулки поглажу!

– Могу я узнать, с кем имею дело? – кричит руководитель морских ракетиров в нашу сторону.

– А зачем вам? Когда вас будут вешать, вам объявят, по чьему приговору!

– Вот как, вы имеете право выносить приговоры?

– Ну, говоря по совести, раньше мне не доводилось этого делать. Однако вы и ваши люди кажутся мне вполне достойными кандидатурами, чтобы начать с вас.

– О! Какая честь!

– Так, Кароль, если, пока мы разглагольствуем, хоть од-

на тварь подберется к борту, я тебя сам утоплю! – шепчу я импровизированному командиру своих мушкетеров. И, обращаясь к главному пирату, кричу: – Очень рад, что вам понравилось!

– Послушайте, может, не будем напрасно проливать кровь и решим дело в честном поединке?

– Проливать кровь? Никто из моих людей даже не ранен, а до ваших мне нет дела! Мы немного попрактикуемся в стрельбе, а палачу будет меньше работы.

– Но когда мои люди пристанут к этой посудине, мы вас перережем, как кур!

– Не когда, а если пристанете! И не похоже, чтобы у вас это до сих пор получалось. Впрочем, мне некогда, и если вы, заплатив мне за беспокойство, отправитесь на свою барку и уберетесь к чертовой матери отсюда, то я, пожалуй, не буду стрелять вам в спину!

– А вы изрядный наглец, молодой человек!

– Что поделать, моим родителям было некогда заниматься моим воспитанием, так что выросло то, что выросло. Но мы будем продолжать препираться или приступим к обсуждению вашего выкупа?

– А вы мне нравитесь! – захохотал мой собеседник.

– Ваша светлость, – зашептал мне на ухо Мэнни. – Одна из пиратских барок обходит нас по дуге. Они, верно, хотят подойти к нашему кораблю с носа. Так мы не сможем их обстрелять.

– Проклятие! – выругался я вполголоса.

Но в голове внезапно мелькнула мысль. И я обратился к матросам нашего флейта, которые, не бросив до сих пор оружия, укрывались под трапами, идущими на полуют.

– Эй, как вас там, вы еще живы?

– Да, ваша милость!

– Сколько вас?

– Шестеро.

Я произвел в голове несложный подсчет. Нас двенадцать плюс шесть – это восемнадцать. Бандитов было человек двадцать, как минимум пятерых мы убили. Кого-то наверняка порезали в схватке. Мы в доспехах, если внезапно атаковать пиратов сейчас – есть шанс очистить корабль до того, как к ним придет подмога. Скомандовал:

– Лелик, Болек! Мы с вами в полных доспехах идем впереди с пистолетами. Мушкетеры за нами! Vorwärts¹⁵!

Такого подвоха пираты явно не ожидали. Одно дело – резать в суматохе обычных моряков, другое – когда на тебя строем прут двенадцать лбов в шлемах, кирасах и ошестинившихся стволами. Напрасно их командир пытался организовать отпор, нескольких смельчаков мы пристрелили в упор. Остальные, не утруждая себя сопротивлением, бросились в свою барку и схватились за весла. Очистив палубу, мои молодцы под командованием Кароля дали дружный залп в сторону последней пиратской посуды, пытавшейся к нам по-

¹⁵ Вперед, пошли (нем.).

дойти. Я же тем временем стоял перед пиратским главарем, наставив на него еще неразряженный допельфастер.

– Сдавайтесь! Шпага вам не поможет, а пистолет, кажется, дал осечку? Мой, как видите, двуствольный и колесцовый, так что осечки не будет! Сдавайтесь, у меня к вам есть пара вопросов, так что сразу я вас не убью.

Пират, скрипнув зубами, бросил на палубу пистолет и неожиданно с куртуазным поклоном протянул мне шпагу. В благородство решили поиграть? Ну-ну! Я внимательно посмотрел на него. Молодой человек лет примерно двадцати трех – двадцати пяти, с довольно красивым лицом. Локоны длинной прически тщательно завиты. Весьма изящно и дорого для людей его профессии одет. Поверх камзола изрядная испанской работы кираса с золотой насечкой. Нет, ну ты посмотри, какие гламурные пираты пошли! Даже повесить жалко.

– Так, этого связать, рот заткнуть! Соберите команду и найдите капитана!

– Капитан убит, ваша милость!

– Прискорбно! Кто-нибудь умеет управлять этим хозяйством? – показал я на такелаж.

– Ваша милость, мы сумеем, конечно, поставить паруса, но дойти в порт без капитана будет непросто.

– Что, никто не знает, как дойти до ближайшего шведского порта?

– С вашего позволения, я знаю! – подал голос пленник,

которому не успели еще заткнуть рот.

– Вот как?

– Да, я владею благородным искусством управления кораблем и могу привести вас куда угодно. При одном условии.

– Звучит как музыка! Продолжайте, друг мой, каком условии?

– Вы меня отпустите!

– Что же, заманчиво. Однако есть пара препятствий, так что, боюсь, сделка не состоится.

– Каких препятствий? О чем вы?

– Видите ли, друг мой... – я снял шлем и, наклонившись к уху пленника, вкрадчиво прошептал: – Что помешает вам привести корабль не туда, куда нужно мне, а туда, куда нужно вам? Скажем, на вашу стоянку. У вас ведь есть стоянка? Что, я угадал? Печалька!

– Я дам вам слово!

– Слово пирата? Умоляю, не смешите мои ботфорты!

– Но я буду в ваших руках! Что помешает вам расправиться со мной, если я вас обману?

– Что же, в этом есть свой резон, но тогда остается второе препятствие.

– Господи Иисусе, а на этот раз что?

– Помните, я обещал вас повесить? Уж такой я педант – что ни пообещаю, все исполню! Эй, кто там! Поднимайте паруса и готовьте веревку, этот господин желает просушиться.

– Эй, подождите, вы же говорили, что не убьете меня!

– Я обещал, что не убью вас сразу, я и не убил до сего момента, но вы так наскучили мне этим разговором, что я, пожалуй, прикажу вас повесить.

– Да, но вы неминуемо погибнете сами!

– Для вас это будет большим утешением? Наслаждайтесь! Посмотрите на меня, друг мой, мне семнадцатый год! Вспомните себя в этом возрасте, вы разве думали, что можете погибнуть? Я точно такой же! Эй, отставить паруса, быстрее веревку, говорят, повешенный на борту – хорошая примета!

– Подождите, вы же еще собирались обсудить размеры моего выкупа, да-да, вы говорили, что отпустите меня?

– Разве я так говорил? Не припоминаю, быстрее, каналы!

– Пять тысяч талеров!

– Что, простите? Да что же это такое! Беременные тараканы быстрее двигаются, чем эти олухи по вантам!

– Десять тысяч талеров!

– О, как я погляжу, к вам возвращается разум? Прелестно! Отставить веревку, сукины дети! Ставим паруса!

Интересно, что же за дичь мне попалась? И не подавлюсь ли я ею?

– Что ж, молодой человек, вы приведете корабль в ближайший королевский порт и отправите своим близким письмо с описанием той щекотливой ситуации, в которую угодили. Я со своей стороны не стану сообщать властям о вашей роли в разыгравшейся здесь трагедии и получу за это пятна-

дцать тысяч талеров!

– Десять тысяч! Я сказал вам – десять!

– Друг мой, десять – это за вас! А ведь у меня есть еще ваши люди, кроме того, моряки этого ладного судна изрядно натерпелись от вас, и если каждый уцелевший получит, скажем, полсотни талеров, он не станет доносить властям о нашей маленькой тайне. Не так ли?

Слышавшие этот разговор матросы с энтузиазмом подтвердили мою догадку. Один из них сказал даже, что за пятьдесят талеров присягнет на библии, что мой пленный сражался с нами плечом к плечу.

– Вот видите, дружище, сумма вполне обоснованна. Кстати, как вас зовут?

– Вы не представились мне, так что вам нет дела до моего имени!

– Я знаю, как его зовут! – вступил в разговор моряк, собиравшийся присягать на библии. – С вашего позволения, ваша милость, это молодой ярл Карл Юхан Юленшерна. Мне приходилось видеть его и его отца.

– Это же просто прелестно, и где, позвольте спросить, сейчас ваш почтенный родитель – очевидно, ожидает вас на берегу с уловом? Интересный у вашей семьи промысел.

– Вам нет до этого никакого дела! И это не промысел, а старинная привилегия, незаконно у нас отторгнутая, собирать дань со здешних купцов. Впрочем, мой отец сейчас при дворе. Так что чем скорее мы прибудем в Стокгольм, тем

быстрее уладим наши дела.

– Не сомневаюсь, мой друг, только проясните мне один вопрос. Ваш почтенный родитель при дворе, а вы, занимаясь вашим семейным делом, решили не ограничиваться обычной прибылью, а зарубить курицу, исправно несущую вашей семье яйца, так? Что с вами приключилось, вы проигрались в карты или завели себе любовницу не по карману?

– Я больше вам ни слова не скажу! – с ненавистью во взоре отвечал мне молодой ярл.

– Да не больно-то и хотелось. Эй, ребята, приковать его к штурвалу – и пусть правит. Если мы налетим на мель, то не спасать!

Дальнейшее наше путешествие проходило без приключений. На следующий день мы пришли на рейд Стокгольма и бросили якорь. Пока мы ожидали портовых чиновников, я приказал убрать от греха нашего неудачливого пирата к его подчиненным. Тут ко мне опять подошел давешний моряк и, почтительно сняв шапку, спросил:

– Нижайше прошу прощения у вашей милости! А что вы будете делать с «Красоткой Лизхен»?

– С какой еще красоткой, дружище?

– Да так называется наш флейт, уж не обессудьте.

– Господи, и кому только пришло в голову назвать так это корыто? И почему я должен с ним что-то делать?

– Ну как же, ваша милость. Капитана-то люди господина ярла укокошили, и «Красотку»-то нашу почти и захватили.

А вы возьми и отбей, так что теперь она вроде как ваша! Тем более что родных у капитана все одно нет и имущество вроде как выморочное. И не извольте гневаться, ваша милость, а только зря вы нашу «Красотку» корытом обозвали. Суденышко оно знатное и ходкое, ну а что вид запущенный – так это дело поправимое.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее, что-то я не видел до сих пор, чтобы корабли бесхозными были.

– Ваша правда, господин, но чего уж тут подробнее. Корабль вы взяли в бою, мы это подтвердим, и не сомневайтесь даже. Груз принадлежал покойному, так наследников у него нет, опять же что в бою взято – то свято. Ну, дадите, конечно, на лапу кому положено в порту, так уж заведено. И оформите корабль на себя.

– Что же, прибыль – он всегда лучше, чем убыток, а тебе, любезный, какая в этом корысть?

– Да как вам сказать, ваша милость, уж больно вы хозяин щедрый да удачливый, я про таких и не слышал. Не один год хожу, всякое бывало, а таких деньжищ и не видывал. К тому же вам же нужен будет человек приглядывать за судном, а я бы у вас послужил, раз такое дело. Вы не сомневайтесь, я и грамоту знаю, и службу корабельную, да и вообще не подведу. Шкипер, конечно, нужен будет, ну да мне и места боцмана станет, а вам свой человек не помешает.

– Тебя как зовут, такого ушлого?

– Да все Карлом Рюмме кличут, уж больно имя мне муд-

ренное дали родители при рождении.

– Это как?

– Klim Rymín, ваша милость.

– Клим, ты что, русский? – перешел я на язык еще не родившегося Пушкина.

– Свят-свят! Вы что это, ваша милость, тише, услышит кто! Вы что, по-нашему говорите?

– А чего тут такого, я еще полдюжины языков знаю.

– Колыванец я. Для шведов все равно что эст, им без разницы. А с Москвой у них сейчас нелады – еще подумают, что подсылы.

– Подожди, как война, король Карл Девятый вроде как заодно с Василием Шуйским против Сигизмунда.

– Ага, как же, заодно, с такими друзьями и врагов не надо. Так и смотрят, где чего плохо лежит, как пить дать откусят от Москвы Новгород, басурмане!

– Небось подавятся, а ты что же, за Шуйского или как?

– Мое дело сторона, а только, ваша милость, какой с Шуйского царь? Эх, как Ивана Васильевича не стало, нет порядка на Москве.

– А что ты все – Москва да Москва, не вся же Русь Москва?

– Это верно, а только сами рассудите, ваша милость, у Жигимонта в Литве немало земли-то русской, и в войске его православных немало. А род природного государя пресекался, видать, за грехи наши.

– Ты, кстати, сам-то какой веры держишься, болезный?

– Эх, ваша милость, обасурманился, чего там! Лютеранин я теперь.

– Ладно, мне до того дела нет. Порешим так: сладится дело – будешь на моем корабле боцманом. За жалованье не бойся, не обижу. О, глянь, портовые стервятники показались! Ну, пойдем, боцман, встретим.

Дело и впрямь оказалось несложным, чиновники вполне удовлетворились нашим рассказом и полученными комиссионными. На следующий день в портовой конторе капитан над портом Олле Юхансон торжественно вручил мне документ, согласно которому принц Иоганн Альбрехт Мекленбургский стал судовладельцем.

– Поздравляю вашу светлость с прекрасным приобретением, вы оставите вашему судну прежнее название?

– «Красотка Лизхен»? Нет, пожалуй, моя светлость предпочтет название «Благочестивая Марта». (Не знаю, написана ли уже эта пьеса, но такое имя мне больше нравится.)

– Желание вашей светлости – закон! Мы немедленно внесем необходимые изменения. Кстати, вы поднимете Мекленбургский штандарт?

– Я полагаю, да. Какой же еще.

– В таком случае вам необходимо переставить судно ближе к цитадели – все-таки вы не подданный нашего доброго короля.

– Поближе к пушкам? Что же, это разумно, никаких про-

блем. Я отдам необходимые распоряжения.

– Вот и чудесно, как все-таки приятно иметь дело с вашей светлостью! Не то что эти грубые мужланы местные негоцианты. Можно ли спросить вас о ваших дальнейших намерениях?

– Ну, для начала мне необходимо быть представленным ко двору его величества Карла Девятого. Я хотел бы предложить ему свою шпагу. К сожалению, я никого не знаю в Стокгольме...

– О, понимаю, понимаю. Дело в том, что его христианнейшее величество сейчас в отъезде и будет не раньше, чем через неделю.

– Весьма досадно! Ну что же, придется подождать. Будет время заняться делами, распродать груз.

– Вот как раз об этом я и хотел с вами поговорить. Королевское жалованье, к сожалению, не такое большое, и я занимаюсь кое-какими делами... ничего серьезного, но я мог бы быть вам полезен при продаже груза. Вы еще очень молодой человек, и вас могут, как бы это помягче сказать...

– Обмануть?

– Да, ваша светлость, к сожалению, не все подданные нашего доброго короля кристально честные люди и могут попытаться нажиться на чужой неопытности. Кроме того, вам совершенно нет необходимости ожидать его величества. Кронпринц Густав Адольф сейчас здесь, и вам было бы полезно познакомиться с ним.

– Оба ваших предложения весьма заманчивы, но вряд ли к принцу так просто попасть.

– Все это действительно непросто, но и не так уж сложно. Юный принц весьма дружен с членом риксрода Акселем Оксеншерной, а я веду с ним кое-какие дела, так что я мог бы...

– Посодействовать? Замечательно! На том и порешим, вы, скажем, с завтрашнего дня займетесь моим грузом. Я целиком доверяю вашей порядочности и надеюсь на вас. А я отправлюсь к достойному господину Оксеншерне с вашим рекомендательным письмом. Немедленно.

– О, ваша светлость! Вы так стремительны! Но дело в том...

– Что в этом порту вы не единственный посредник?

– Я немедленно пишу письмо господину Оксеншерне!

– Кстати, не подскажете ли, старый ярл Юленшерна с королем?

– Именно так, а вы знакомы?

– Лично нет, но кое-что слышал о нем.

– Очевидно, ничего хорошего? Послушайте дружеского совета, ваша светлость, не упоминайте об Юленшерне в доме Акселя. Они друг друга терпеть не могут.

Вернувшись на теперь уже «Благочестивую Марту», я поначалу не узнал своей благоприобретенной собственности. Новоявленный боцман мгновенно взял команду, выражаясь по-кавалерийски, в жесткие шоры, и к приходу хозяина все сверкало. Палуба отдраена, медяшка блестела, такелаж уло-

жен. Короче, глаз радовался. Я благосклонно кивнул своему помощнику и позвал к себе в каюту на серьезный разговор его и своих приближенных.

– Вот что, друг мой Карл, корабль теперь мой, и ты, как и договаривались, будешь на нем моей правой рукой. Формально боцманом, а по сути – мое око и ухо. Если что приключится неподобное – не взыщи, спрошу с тебя. Сейчас дам тебе денег, купишь провизии, потом прикинешь, что станет рассчитаться с командой, включая долю за Карла Юхана. Если кто пожелает мне служить – смотри так. Тех, кто, как и ты, бился до конца с пиратами, бери без разговоров. Тех, кто по трюму прятался, – на твое усмотрение. С кого будет толк – возьми, кто не глянется – гони. Мне трусов не надобно, на место уволенных набери новых. Чтобы дело корабельное знали, да в бою под банками не прятались. Внял ли?

– Понятно, ваша милость, как не понять, все исполню, как велели. Сам было хотел просить, чтобы команду сменить, значит. Ненадежные оне...

– Еще, прекрати меня называть «ваша милость», я принц и буду герцогом, поэтому «ваша светлость».

– Прошу прощения, ваша ми... ой, светлость ваша! Извиняйте, мы это от темноты!

– Так по кораблю, пожалуй, все, ах да, называется он теперь «Благочестивая Марта». Теперь ты, Кароль! Ты назначаешься лейтенантом моих мушкетеров. В бою ты с ними ловко управляешься, я доволен. Наберешь еще человек два-

дцать – тут, я смотрю, народу много без дела трется. Кого попало не бери, приглядывайся. Мушкетерам, бывшим в бою, то есть всем, как получим выкуп за нашего благородного разбойника, выплатим премию. Так и скажи им. Учреди крепкий караул, а то мало ли, Юленшерны захотят сэкономить. Ты, Болеслав, будешь пока прапорщиком, или, как говорят шведы, фендриком. Твоя задача – разберись со всем оружием, что есть на борту, и с тем, что от прежнего хозяина осталось, и с пиратским. Потом обежишь всех здешних оружейников, узнаешь цены и все прочее. Приценись, сколько станут наши мушкеты переделывать из фитильных в кремневые. Как вспомню возню с фитилями в бою – дурно делается. Кому что не ясно? Vorwärts!

– А вас, мой дорогой Манфред, я попрошу остаться! Мэнни, ты мой секретарь или где? Пойдем в закрома, считать денежки. Так, я не понял, вы еще здесь?

Еще в Дарлове мои верноподданные обогатили меня ровно на семь тысяч двадцать талеров. Жил я там на всем готовом, людей из моей свиты также кормили, поили и одевали, обували за дядин счет. Когда пришлось уезжать, снарядил я их тоже, в общем-то, на халяву. Однако по пятьдесят талеров я всем троим, как только представилась возможность, выдал. Причем Мэнни, насколько я знаю, отдал деньги родным, а вот Лелик и Боек, я так подозреваю, протрынькали. Оно и понятно, ребята большенькие, им ясно объяснили, что ломти они отрезанные и дальше сами. Вот они и приоделись, по

бабам сходили на прощанье. Ну, а как? Катарина-то им точно никому не дала, зараза такая, а парни молодые, здоровые что лоси. Эх, а может, у нее только на принцев аллергия? Не-э, тогда бы им хрен хватило. С Мэнни тоже понятно, он еще малец совсем, родню жалко, а тут сестру замуж выдавать скоро. Но как бы то ни было, сто пятьдесят талеров в главу «расход». Идем дальше, восьмерых человек я нанимал из расчета пять талеров в месяц. Деньги эти по их меркам немалые, но и требования у меня были тоже не детские, так что подошло только восемь человек. Почему только пять? Все просто: на службу вояки сейчас нанимаются со своей амуницией, а у моих молодцов амуниции как у латыша – в смысле, хрен да душа! Ну, а поскольку и одежда, и доспехи, и оружие мое, так пять талеров еще и много. Всем заплачено за полгода вперед – еще двести сорок в минусе. Слава тебе господи, что Агнесса с меня денег не взяла за оружие и форму, разорился бы. Еще почти сотня ушла на порох, свинец и припасы. Тут замковый кастелян стал насмерть – у, скавалыга! Когда (если) вернусь к Агнессе, я тебя... награжу, так и надо хозяйское добро беречь! За доставку меня любимого «со товарищи» и багажом в Швецию покойный капитан слупил по десятке с рыла, то есть сто двадцать талеров как одну копеечку. Итого траты на сегодняшний день составили шестьсот десять талеров. Хотя нет, только что двадцатку дал Климу-Карлу на провизию, так что шестьсот тридцать. Ой, да где же шестьсот тридцать, а портовый сбор? А капи-

тану над портом? А, эти ее за ногу, пошлина! Так, припоминаю, мелким крысам роздал по одной монете, прочим хищникам на всех сыпанул из кошелька... дай бог памяти, десятков. Капитану над портом меньше пятидесяти никак нельзя было, а ведь он, паразит, еще на моем грузе наварится. А чего там считать, брал с собой на представительство два мешочка по полсотни серебром, и, что характерно, ничего не осталось. А ведь пошлину еще не заплатил, надо груз оценивать. Ох, грехи наши тяжкие! Стало быть, в нашем остатке должно быть шесть тысяч триста десять талеров. Денежки у меня, кроме тех, что на текущие расходы, лежат в опечатанных ящиках, а те в свою очередь в самых невзрачных сундуках. Так что до монетки пересчитывать не надо. Ну, вроде все. Хотя нет, не все, а где, позвольте спросить, касса покойного капитана? Где-то же он деньги хранил? Хотя бы те, что я заплатил. Внимательно осмотрел его вещи, запасное белье, парадный камзол. Да, капитан жил скромно, тем более должны быть сбережения! Узнаю, кто скрысятничал, — утоплю лично! Что у нас еще, табакерка серебряная, поставец с посудой, шкатулка. Что тут у нас? Угу, это не шкатулка, это несессер с туалетными принадлежностями. Ножницы, щипчики, стаканчик, бритва и еще какие-то приبلуды. Все богато украшено серебром с чернением. Хм, а он у вас откуда, любезнейший? Я вот почти герцог, а у меня такого нет. Герба нигде не наблюдается, хотя имущество явно какого-то аристократа. Ладно, в хозяйстве все сгодится. О, нуж-

ная вещь, подзорная труба и какой-то прибор, секстант или еще что. Обстукиваю сундук, двойного дна нет, так что тайник в другом месте. Ладно, переходим к следующей кучке. Это имущество молодого ярла Юленшерны, то есть бывшее имущество. Раздевать я его, конечно, не стал, а вот кираса и довольно авантажный шлем с пером – моя добыча. Еще шитая золотом портупья со шпагой и дагой, Портос обзавидовался бы. И пистолет, который он небрежно кинул мне под ноги. Зря кинул, кстати, пистолет хороший, просто за кремнями следить надо. Опять же богато украшенный, ну нам на бедность все в кассу. Денег у разбойников не было, ну, оно и понятно: они ими разжиться шли.

Ладно, Мэнни, с этим закончили, теперь давай умыться, причесываться и переодеваться. У нас свидание с достойнейшим господином Оксеншерной, между прочим, будущий канцлер и глава антикатолической лиги!

Депутат риксрода принял мое высочество без проволочек. Видимо, принцы тут табунами не шляются. Молодой, лет двадцати пяти мужчина, довольно плотный, одет без лишней пышности, но видно, что дорого. Смотрит на меня внимательно и немного строго. Ну, понятно, моей тушке едва семнадцать, еще и бритва не понадобилась ни разу. Так что, по местным меркам, я хоть и принц, но сопляк. Ладно, общаемся – посмотрим.

– Мне доложили о вашем прибытии, ваша светлость, а

также о драматических событиях, связанных с ним. Надо сказать, что ваша... э... удачливость впечатляет. Я даже думал, что вы старше.

– Увы, жаль вас разочаровывать, но я постараюсь исправить этот недостаток. Дайте мне десять лет – и я стану на десять лет старше!

– Ах-хах, а вы веселый человек, ваша светлость! Но что привело вас в Швецию?

– Увы, друг мой. Меня привели в вашу прекрасную страну превратности судьбы. Мои дражайшие родственники, очевидно, тоже полагая меня слишком молодым, отказали мне в положенных мне по моему статусу выплатах. Кроме того, они попытались наложить руку на мои земли и организовать мою преждевременную кончину. Как видно, для этого я с их точки зрения не слишком молод.

– Однако! Неужели все настолько серьезно?

– Более чем, они даже сговорились с католической инквизицией и попытались организовать аутодафе со мной в главной роли.

– Какая низость! Однако в это трудно поверить, к тому же я очень давно не слышал об инквизиции, если речь не идет об Испании.

– Я бы тоже не поверил, если бы это все не случилось со мной. Меня безо всякой Испании планировали немного поджарить, и я с трудом унес ноги.

– Так вы ищете защиты у нашего короля?

– Нет, я не ищущу ни защиты, ни справедливости! И того и другого я добьюсь сам, дайте только срок. Я хочу предложить королю Карлу свою шпагу и надеюсь, находясь у него на службе, получить необходимый мне опыт. После чего я вернусь в свои земли и, если моих прав не признают добром, подтверждаю их силой.

– Недурно сказано, ваша светлость! Я помогу вам быть представленным его величеству, а дальше все в ваших руках. Однако хочу заметить, что если вас примут на службу, то вам по вашему статусу прилично командовать отрядом не менее полка. Однако никто не доверит полка такому молодому человеку без воинского опыта.

– У меня есть небольшие средства, и я могу для начала сам собрать небольшой отряд. Так и моя честь не пострадает, и королевская казна будет в неприкосновенности.

– Аксель, Аксель, ну где же ты? – с этими словами в кабинет ворвался молодой человек примерно моего возраста. – Ой, ты занят!

– Позвольте представить вашему королевскому высочеству принца Иоганна Альбрехта Мекленбургского! Он только что прибыл в Швецию и желает поступить на службу к нашему государю и вашему отцу христианнейшему королю Карлу Девятому!

– Душевно рад нашему знакомству, ваше королевское высочество! – сказал я и с самым светским видом изобразил поклон. Хотя сейчас он, как и я, принц, но он сын короля и

будущий король, а ваш покорный слуга только герцог.

– Весьма рад! – несколько отстраненно ответил мне юный Густав Адольф.

Что-то он сдержан, хотя мне кто-то говорил, что он недолбливает аристократов. Ну, вот и познакомились. Хозяин дома вежливо заулыбался: аудиенция закончена.

– Где вы остановились, принц?

– На рейде стоит мой корабль, вы всегда можете найти меня там.

– У вас есть свой корабль? – вспыхнул интерес у Густава Адольфа. Мальчишка!

– Да, ваше королевское высочество! Я отбил его у пиратов, и теперь он мой. Хотите прокачу?

– У пиратов? Отбили? Сами? – вопросы следовали один за другим.

– Да, принц, они имели неосторожность напасть на меня. Сам, конечно, но не один. У меня небольшой отряд, так сказать, моя личная гвардия.

Оксеншерн с любезным оскалом теснил меня к двери, говоря при этом, что «это все очень интересно, но у нас совершенно нет времени». Я не возражал, мне не надо. И я, и Аксель знали, что наследник престола проглотил наживку по самое не могу и теперь не сорвется. Только его это напрягало, а я безмятежно улыбался. Когда я вышел, наткнулся глазами на своих спутников. Без свиты я в последнее время не хожу, так сказать, во избежание. Манфред и Болеслав вско-

чили и пожирали глазами начальство.

– Ваше королевское высочество, позвольте рекомендовать вам этих храбрейших дворян, сражавшихся плечом к плечу вместе со мной. Манфред фон Торн и Болеслав фон Гершов!

Глаза Густава расширились до самых возможных пределов. Еще бы, Болек – наш ровесник, а Мэнни и вовсе четырнадцать. А они уже **СРАЖАЛИСЬ С ПИРАТАМИ!** Туше!

– Надеюсь, что ваше королевское высочество окажет нам честь своим посещением?

Королевское высочество еще как окажет! Оно выест мозг всем своим приближенным, но окажет!

На обратном пути я зашел к капитану порта, чтобы окончательно оговорить завтрашние мероприятия. Олле Юхансон встретил меня радушно. Еще бы, представляю, как этот хитрован наварится на мне, бедном. Судьба! Предложил продать корабль. Ага, сейчас! У меня наследник шведского престола клюет, а я наживку продам? Дурных нема! Впрочем, есть положительный момент: он познакомил меня с соискателем на должность шкипера.

Ян Петерсон – коренастый крепыш, лицо обветренное, возраста сразу и не определишь. Держится почтительно, но без подобострастия. Цену себе знает. По словам Олле, опытный моряк, имеет диплом штурмана. Интересно, почему он без места, такой весь из себя положительный? Ага, хозяин продал судно, где Ян служил помощником. Новый владелец

рассчитал весь прежний экипаж. Хозяин – барин, бывает. Ну, пока очереди ко мне в шкиперы не наблюдается, посмотрим.

– Когда можете приступить, гере Петерсон?

– Если будет угодно вашей светлости, хоть завтра.

– А отчего не сегодня?

– Прошу прощения, но мне нужно закончить кое-какие дела. Ну, нужно так нужно.

– Завтра мы с господином Юхансоном будем заниматься разгрузкой «Благочестивой Марты» и реализацией груза. Расчет, я полагаю, будет в вашей конторе?

– Именно так, ваша светлость! – подтвердил капитан порта.

– Прекрасно, там и встретимся.

– Тогда разрешите мне откланяться!

– Не смею задерживать.

Дождавшись, когда Петерсон выйдет, я, соорудив самую наивную улыбку, спросил у капитана, сколько стоят услуги шкипера.

– Ну, на большом корабле хороший шкипер может получать больше тысячи талеров в год, на всем готовом. Плюс иметь долю в доходах. Однако ваш корабль не назовешь большим, к тому же господин Петерсон не имеет опыта самостоятельного командования... Полагаю, сумма в шестьсот талеров в год будет уместна в данном случае.

– Пятьдесят талеров в месяц? Столько примерно получает

младший офицер в рейтарах.

– Это Швеция, мой принц! У нас не так много рейтаров, но чертова пропасть шкиперов! – захохотал Юхансон.

Вернувшись на «Благочестивую Марту», я вызвал к себе пленника.

– Мой дорогой ярл, надеюсь, вам не слишком неудобно гостить на моем корабле?

– О, не стоит беспокойства, ваша светлость! Если учесть, что вы поначалу собирались меня повесить, а теперь всего лишь ограбите, со мной все в порядке!

– Насколько я припоминаю, вы, любезнейший Карл Юхан, пытались взять этот корабль на абордаж, убив много людей при этом, – нахмурился я. – И собирались убить всех, включая мою светлость. Так что я не понимаю сути ваших претензий. Впрочем, если вы так желаете, можно отыграть все назад. Я могу хоть сейчас выдать вас властям на предмет повешенья. Ваша семья не потеряет довольно, значительной, признаю это, суммы, однако напрочь потеряет свою репутацию. Выбор за вами.

– Вы умеете торговаться, ваша светлость.

– А вы нет, потому закончим этот разговор. Скоро король Карл и его двор вернутся в столицу. Я так полагаю, с ними будет ваш отец, так что мы закончим с этим делом. Надеюсь, к обоюдному согласию, не так ли?

– Да, пожалуй, я не прочь завершить его как можно скорее.

– Весьма рад, что наше желание обоюдно! Могу я что-нибудь еще сделать для вас?

– Не стоит, впрочем, если бы вы приказали расковать меня, хотя бы на ночь...

– А вы не устроите какой-нибудь глупости?

– О, вы так трусл... осторожны, ваша светлость!

– Вы напрасно пытаетесь меня оскорбить, господин титулованный морской разбойник. Да, я осторожен и предусмотрителен. Именно поэтому вы мой пленник, а не наоборот. Вы же неосторожны и непредусмотрительны, поэтому останетесь в кандалах. *Dixi!*¹⁶ Эй, кто там, проводите господина ярла в его апартаменты!

На следующий день я наконец продал груз, доставшийся мне вместе с «Благочестивой Мартой». Замеры, проведенные Юхансоном и его подручными, показали, что вес зерна на нашем корабле составляет восемьдесят ластов. Это вполне коррелировалось с записями покойного капитана в судовом журнале, поэтому возражений у меня не вызвало. Затем мы приступили к обсуждению цены. Надо сказать, я честно попытался выяснить цену на свой груз из сторонних источников. Увы, усилия мои не увенчались успехом. Купцы, услышав вопрос, приходили в возбужденное состояние и начинали сетовать на дешевизну. Дескать, в убыток торгуем, но ради уважения купим. Хотите десять талеров? Ага, сей-

¹⁶ Я сказал (лат.). Смысл: я сказал все, что хотел сказать.

час! Готовый хлеб стоил около 30 фунтов за талер. Это очень ценная информация, однако чтобы получить хлеб, зерно надо смолоть в муку, потом испечь... Третий? В общем, на переговоры я пошел, так и не уяснив. Ну да ничего, бывало похуже. Мой добрый друг Юхансон ожидаемо пустился в разговоры о маленьком жалованье, о плохой торговле и других печальных вещах. Я выслушал его с самым сочувственным видом и даже сделал вид, что вытираю слезу кружевным платком. Олле сначала удивился, но быстро сообразил, что перегнул палку, и, вздохнув, предложил двадцать пять талеров за ласт. То есть две тысячи талеров за весь груз. Я, мило улыбнувшись, сообщил ему, что полагаю справедливой цену в пятьдесят талеров. Однако, снисходя к бедственному положению всех шведских чиновников вообще и капитана над портом в частности, готов удовольствоваться сорока пятью, поскольку сумма в три тысячи шестьсот гораздо более соответствует моему представлению о всеобщей гармонии. Господин Юхансон поперхнулся и сообщил, что моя светлость режет его без ножа. Впрочем, из уважения к Мекленбургскому дому вообще и ко мне в частности он готов повысить цену до тридцати пяти талеров. На что я в свою очередь сообщил, что в гробу видел своих мекленбургских родственников, однако, понимая бедственное положение государственного аппарата королевства Швеция, готов уступить до сорока. На этом переговоры зашли в тупик, я хотел три тысячи двести талеров, а мой визави готов был расстаться только с

двумя тысячами восьмьюстами. Наконец, вдоволь попререпиравшись, мы сошлись на трех тысячах за все и ударили по рукам. Разумеется, только из глубочайшего уважения друг к другу.

Закончив с делами, я обнаружил, что меня терпеливо дожидается мой потенциальный шкипер Ян Петерсон.

– Здравствуйте, Ян! – поприветствовал я его. – Как ваши дела, улажены?

– Да, ваша светлость! Я завершил все свои дела здесь и готов отправиться с вами хоть в преисподнюю.

– Ну, так далеко не стоит! – засмеялся я. – Кстати, бедняга Олле так расстроился из-за нашей торговли, что не пригласил меня на ужин. Можно, конечно, поесть на «Марте», но тамошний кок так дурно готовит... Пойдемте в трактир?

– Разве принцы ходят по трактирам?

– О, это смотря какие! Дети королей и императоров ходят в трактиры только в том случае, если при них есть хороший бордель. А дети владельцев помельче вроде герцогов и курфюрстов иной раз посещают трактиры, чтобы просто поесть! Что скажете?

– Ну, если просто поесть, то пойдемте к папаше Густаву, у него публика почище и кухня получше.

– Принимается, за мной, банда!

В бытность свою рейтаром я побывал во многих трактирах. Этот был, пожалуй, из лучших. Два довольно чистых зала – один побольше, другой поменьше – и несколько отдель-

ных кабинетов. Посетители в основном из небогатых негодичантов, шкиперов, штурманов и младших офицеров с торговых кораблей. Стены украшены в морском стиле, флаги, штурвалы и рында на входе. Владелец трактира папаша Густав, оглядев нашу компанию и поняв, что ни в одном кабинете мы не поместимся, сразу проводил нас в малый зал. За один стол сели я, Лелик и Боек, Мэнни и Ян. За двумя другими расселись наши мушкетеры. Я отмалчивался, заказывал все Кароль. Выслушав заказ, хозяин спросил, не желают ли почтенные господа свежего эля. Почтенные господа желали, особенно я.

Утолив голод и потягивая замечательный эль, я предавался мечтам. Пятнадцать тысяч талеров, которые я получу с семейки Юленшерны, плюс шесть тысяч моих, плюс три, полученных за груз... это же красота. А сколько будет стоить отряд из двухсот первоклассных рейтар? Итак, в отряде один капитан, это две сотни. Два лейтенанта еще по сотне, четыре прапорщика, наши получали вроде как по шестьдесят. И десяток капралов по сороковнику. Остальные рядовые – им по двадцать. Итого четыре тысячи семьсот талеров в месяц. Ух ты! С другой стороны, лучше кавалерии сейчас просто нет. А с таким отрядом можно наворотить дел! Отпив изрядный глоток, я оглядел свою компанию, и внезапное беспокойство кольнуло меня. А кто же остался на «Марте»? А ладно, Клим мужик надежный, справится!

– Позволит ли ваша светлость задать вопрос: выгодно ли

вы распродали ваш груз? – спросил меня Ян.

– Позволит, отчего не позволить. У меня было восемьдесят ластов зерна, а стало три тысячи талеров. К сожалению, я не имею представления, выгодно ли это. Кстати, а вы меня не просветите?

– Простите меня, принц, господин капитан над портом представил меня вам с тем непременно условием, чтобы я вступил в должность не раньше, чем вы распродадите груз.

– Вот как? А этот Олле изрядный пройдоха. Впрочем, условие соблюдено, и ничего уже не поправить. Выкладывают!

– Последнее время зерно сильно подорожало. Еще десять лет назад на амстердамских биржах давали за ласт не больше тридцати талеров, а в мой последний рейс зерно ушло по шестьдесят. И это не предел – полагаю, в ближайшем времени цена поднимется до семидесяти и выше.

– Но это в Амстердаме, а что в Стокгольме?

– Да, вы правы, у нас цена поменьше. К тому же на этот рынок не так просто пробиться, там все свои. Будь вы один из них – вы бы продали по пятьдесят талеров за ласт, но для человека со стороны вы получили весьма недурную цену. Я был уверен, что Юхансон не даст вам больше тридцати. Примите мои поздравления, принц!

Отхлебнув еще пива, я обратил внимание на вошедшего в наш зал человека. Моя недолгая служба научила меня узнавать людей этого сорта с первого взгляда. Это был офицер

наемников. Скорее всего, пехотинец – у рейтар и одежда побогаче, и выглядят они попредставительней. Оглядев моих мушкетеров, он громко спросил:

– Эй, ребята! На вас мекленбургские ливреи, вы из людей принца?

– А вам-то что до этого? – тут же откликнулся Кароль.

Наемник, сообразив, что за нашим столом сидят офицеры, подошел поближе и, довольно бесцеремонно оглядев нас, проговорил:

– Я слышал, что ваш принц нуждается в солдатах, и хотел бы с ним потолковать.

– О чем же? – продолжил разговор после моего кивка Лелик. – Я лейтенант его светлости, и все, что вы хотели сказать ему, можете сказать мне.

– Я капитан отряда мушкетеров и хотел бы предложить вашему принцу свои услуги.

– Сколько у вас людей?

– Восемьдесят три человека. Я, мой лейтенант и четверо капралов, остальные мушкетеры.

– Пикинеров у вас нет?

– Так уж случилось.

– А как это вы оказались посреди Швеции и без службы? – вступил я в разговор.

– Сынок, а ты не слишком ли молод, чтобы встревать в разговор взрослых? – недоуменно ответил наемник.

– А вы не слишком глупы, чтобы быть капитаном? – от-

ветил я, усмехнувшись.

– Что! Да я тебя! – прорычал он в ответ и, схватившись за шпагу, ринулся ко мне, но тут же остановился, напоровшись на стволы пистолетов, выхваченных моими приближенными. Даже Манфред вытащил свой пистолет, хотя и несколько замешкавшись.

– Вы и впрямь дурак, капитан. Ну да ладно, садитесь. Эй, Мэнни, убери свой пистолет, пока он, не приведи господь, не выстрелил, и налей капитану кружку этого славного эля. Возможно, выпив, он станет разумнее.

Наемник, жадно вылакав эль, вытер усы и, оглядевшись, сказал:

– Так это вы принц?

– Это вы почему так решили?

– Ну, как же! Все схватились за пистолеты, а вы сидите как король на приеме.

– Беру свои слова насчет «поразумнее» назад. Едва вы вошли в зал, эта штука смотрела на ваши яйца, – с этими словами я вынул из-под стола свой пистолет.

– Рейтарский допельфастер? Однако! И вы, ваша светлость, умеете пользоваться этой штукой?

– Хотите проверить?

– Пожалуй, что нет.

– Замечательно, а теперь выкладывайте, что отряд немецких наемников делает посреди Швеции без службы? И старайтесь не врать, у меня был трудный день.

– Чего уж тут врать, ваша светлость, мы служили у одного здешнего ярла, а когда он умер, наследники не захотели продлить контракт.

– И кроме случайно заглянувшего в Швецию принца, вы не нашли к кому обратиться?

– Сказать по правде, нас звали на службу, только...

– Только вашим потенциальным нанимателям были нужны солдаты, но не слишком-то нужен такой капитан, как вы?

Капитан в ответ угрюмо молчал.

– С этим разобрались. Теперь расскажите, как в вашем отряде оказались одни мушкетеры?

– Был бой, пикинеры погибли.

– Все до одного? Ну-ну! У вас кремневые мушкеты?

– Ну что вы, фитильные, конечно.

– И вы обходитесь без прикрытия? Дайте подумать, вы в последнем вашем деле потеряли всех, но рассудив, что мушкетеры получают больше, вооружили уцелевших пикинеров освободившимися мушкетами. Так?

– Так.

– Господи, пошли мне терпения! Если все ваши солдаты не могут делать два выстрела в минуту, то нам не о чем разговаривать!

Услышав последние мои слова, приунывший было капитан встрепенулся и бодро ответил:

– Два выстрела делают все, а лучшие делают три!

– Это неплохо, а на какое жалованье вы рассчитываете?

– Я был бы вполне доволен, ваша светлость, если бы мне платили сотню. Моему лейтенанту шестьдесят, четырем капралам по двадцать, а мушкетерам по десять.

– Итого в месяц одну тысячу десять талеров? Говоря по совести, не уверен, что вы стоите этих денег. Однако люди мне действительно нужны, но если не возражаете, я дам вам ответ завтра. И прежде я посмотрю на каждого. Все, допивайте, и я вас больше не задерживаю. Кстати, как вас зовут, капитан?

– Хайнц Гротте, к вашим услугам, ваша светлость!

– Гротте, говорите? Ну-ну.

Дождавшись ухода незадачливого наемника, я, оглядев свою команду, скомандовал:

– Все сыты? Тогда возвращаемся на корабль, что-то на сердце неспокойно.

На пристани нас должна была ожидать шлюпка с «Благочестивой Марты». Но ее, как ни странно, не было. Блин, шкуру спущу с Клима, я ему что приказывал!

– Принц, посмотрите, у вас на судне явно что-то происходит! – воскликнул Ян.

– Кажется, вы правы, какая-то суeta на палубе. Эй, Лелик, Боек, ну-ка найдите нам шлюпки, и поживее! Да вон хоть с теми страшномордыми договоритесь, в самом деле!

Скоро мы на нанятой рыбацкой лодке подходили к борту моего корабля. Мое сердце сжималось от плохого предчувствия, а руки тискали допельфастер. Впрочем, наш подход

не остался незамеченным, и нам сбросили штормтрап. Со всем охренели! Я сунулся было вперед, однако Ян и Кароль вежливо, но твердо оттеснили меня. Первыми полезли два моих мушкетера, потом, когда они подали знак, что все в порядке, на палубу поднялись все остальные. В том числе и рычащий от злости принц.

– Где боцман? Где этот чертов Рюмме, я вас спрашиваю!

– Ваша светлость, Рюмме убит!

– Что!!! Кто, как, почему?! Всех повешу!

– Ваша светлость, помилуйте...

Внезапная догадка сверкнула молнией в моей голове.

– Где пленник? Где этот чертов ярл?

– Сбежал! Он убил охранявшего его матроса и несчастного Рюмме, когда тот попытался ему помешать.

– А вы куда смотрели, олухи!

После сбивчивого рассказа, прерываемого нетерпеливыми расспросами, картина несколько прояснилась. После утомительной разгрузки часть команды отправилась на берег, остальные, очевидно, расслабились. Карл Юхан, чтобы ему пусто было, каким-то образом ухитрился освободиться и заманил часового внутрь, где и задушил. Завладев оружием, он пробрался на палубу и спустил ялик. Рюмме случайно наткнулся на него и попытался помешать, но был ранен ярлом. Некоторое время спустя он все же смог поднять тревогу, однако время было упущено, и пирату удалось скрыться. Сказать, что рассказ привел меня в ярость, было бы чистым пре-

уменьшением. Я был просто вне себя от злости, причем не в последнюю очередь на себя. Расслабился! Уже денежки подсчитывал! Раззява! Хотелось расшибить о палубу чью-нибудь бестолковую голову, лучше всего свою!

– Ваша светлость, Рюмме жив!

– Что? – я попытался сфокусировать внимание на что-то говорящем мне Манфреде.

– Рюмме очнулся!

– Пойдем!

Мой боцман был очень слаб, но еще жив. Впрочем, принимая во внимание нынешний уровень медицины, шансов выкарабкаться у него было не так уж и много.

– Ваша светлость...

– Помолчи, тебе не следует терять силы. Что, эти олухи тебя даже не перевязали? Эй, кто-нибудь, тащите чистые тряпки и горячую воду, и выпивку покрепче!

Пока я его перевязывал, Клим мне кое-что рассказал. Оказывается, у Карла Юхана нашелся сообщник – именно он оглушил моего боцмана и, очевидно, он же помог снять оковы. Хорошо еще, что они не пошли освобождать остальных пиратов, а то бы, чего доброго, захватили весь корабль.

– Остальных пиратов? А я про них чуть было не забыл... Так, ну-ка тащите сюда этих оглоедов! Говорить между собой не давать! Будем допрашивать по одному.

Шестеро бедолаг, захваченных нами в самом начале памятного боя, содержались в куда менее комфортных услови-

ях, нежели молодой ярл. Видимо, поэтому разговорить их труда не составило, и они поведали мне немало интересного. Я очередной раз назвал себя ослом: чего мне стоило сделать это раньше? Пираты обычно занимались морским рэкетом и не захватывали торговых судов. Однако недавно прибывший к ним молодой ярл внес в их рутинную работу немало креатива. Как видно, он крепко нуждался в деньгах, поэтому перешел от вымогательства к грабежу. Поскольку отец молодого ярла вряд ли одобрил такие новшества, привести захваченный корабль в свой фьорд было не слишком удобно. Так что на одном пустынном острове была устроена маневренная база. Туда пираты приводили захваченные корабли и складировали награбленное. Им удалось захватить три корабля, прежде чем они нарвались на нас, так что кое-какие материальные ценности там были. Пираты были люди не слишком грамотные и показать на карте остров вряд ли смогли бы, но они достаточно подробно его описали. Услышав эти описания, Ян Петерсон сказал мне:

– Ваша светлость, я знаю это место. Туда иногда заходят рыбаки переждать бурю, но там нет воды. Поэтому это случается очень редко. Я могу отвести корабль туда, если вы отдадите такой приказ.

– А вы полагаете, я отдам такой приказ?

– Насколько я успел вас понять – да!

– Когда только успели? Впрочем, я и впрямь совсем не против навестить этот остров. Людей вот только у меня ма-

ловато. Разве что... где, говорите, остановился этот недотепа Хайнц со своими мушкетерами?

Что ж, Карл Юхан ускользнул и забрал с собой надежду на прибыль. Почему бы мне в качестве ответной любезности не лишить его средств производства? Тем более что до возвращения короля Карла и торжественного приема еще пять дней. Чего бы не метнуться?

На следующий день «Благочестивая Марта» уже резала форштевнем море в сторону пиратского острова. В моей каюте, превратившейся в импровизированный штаб, собралась пестрая компания. Шкипер Ян, капитан Гротте, мои верные Лелик и Боек и один очень злобный принц, обдумывавший планы мести. Мэнни мы оставили в Стокгольме вместе с моим раненым боцманом и парой мушкетеров. Сняв дом, они должны были имитировать мою резиденцию. Капитану над портом я сообщил, что подвернулся фрахт и «Марта» ушла в море. Я же лежу в доме больной и никого не принимаю. Совсем.

С наемниками вопрос решился просто. С утра заявившись в лагерь Гротте, я показал ему мешочек с серебром и сказал:

– Хайнц, у меня есть для вас работа! Здесь тысяча талеров, то есть те деньги, которые вы хотите получать в месяц. Но я хочу быть уверенным, что вы их стоите! Что скажешь?

– О, ваша светлость! Я немедленно построю свой отряд, и

мы вам продемонстрируем, как маршируем, стреляем...

– К черту строй, капитан! Любого деревенского олуха можно выдрессировать красиво маршировать, нужен только капрал построже и палка поувесистей. Я хочу видеть вас в деле.

– Какой-то недоумок перешел дорогу вашей светлости?

– Можно сказать и так.

– Он подданный шведского короля?

– Ты задаешь правильные вопросы, капитан! Да, сам он подданный Карла Девятого, но он пират, и люди его – сброд. И дело будет на пустынном острове, который принадлежит только богу.

– Подпишем контракт – и мы ваши, принц!

Ян по памяти набросал нам примерную схему острова. Ничего особенного, большая скала в океане, точнее, две. Одна маленькая, другая побольше. Между ними узкий пролив и бухточка, достаточно хорошо защищенная от ветра. У большого острова есть небольшой пляж, где можно высадиться. В глубине острова есть большой грот и хижина, построенная рыбаками. Там, очевидно, и складировались ценности, нажитые непосильным трудом. Всего у пиратов было порядка ста пятидесяти человек, но с собою молодой ярл брал не больше сотни. Остальные остались в фамильном фьорде караулить отцовское поместье. Во время первой нашей встречи с пиратами мы практически полностью перебили экипаж одной барки, на остальных также были потери. Будем считать, что

их осталось семь-восемь десятков. Что они предпримут, потеряв своего вожака? Выберут нового? Сильно вряд ли, лишиться крыши в лице старого ярла – не есть гут. Скорее отправят гонцов к папаше – так, мол, и так, опростохвостились, просим *vergebung*¹⁷, не извольте гневаться. Остальные стерегут добро. Старый ярл при дворе, так что ответ они вряд ли получили, следовательно, гарнизон меньше еще человек на пятнадцать-двадцать. Так что играем, сдавайте!

Согласно разработанному плану мы подошли к острову на рассвете, когда сон особенно сладок. Без помех высадившись на пустынный пляж, мы направились в глубь территории. Командовал наемниками капитан Хайнц, я со своими людьми держался чуть в стороне. Петерсон с командой и двумя десятками солдат на «Марте» был готов прикрыть нас огнем из кулеврин. Уж и не знаю, чем бы нам это помогло в случае чего, но все же. В бухте, как и ожидалось, три корабля, один чуть больше нашего, а два поменьше. Ну, в принципе понятно, больших судов ярлу не захватить, все-таки разные весовые категории. Вот и шакалит помаленьку, паразит шведский. А где часовые?

Ну как так можно? Я, значит, разрабатываю план, требую точности и тишины, стращаю своих людей небесными карами, а эти негодяи спят! Как выяснилось впоследствии, все мои расчеты оправдались, разбойников осталось всего семь-

¹⁷ Прощение (нем.).

десять три человека, причем из них полтора десятка раненых. К старому ярлу отправились восемнадцать, причем все сколько-нибудь дисциплинированные и авторитетные. Как и следовало ожидать, у оставшихся дисциплина упала ниже комингса, и через некоторое время пиратский коллектив сразила безудержная пьянка. Я хую, дорогая редакция! Как вас мамы-то в море отпустили?

Впрочем, есть и положительные стороны. Во-первых, в бою неизбежны потери, а у нас теперь их нет. Во-вторых, люди капитана Хайнца Гротте вполне дисциплинированы и боеспособны. Окружение провели по всем правилам военного искусства, мародерству при виде легкой добычи не предались. Сделавшим попытку сопротивляться без излишней жестокости выбили эту дурь из головы. Вместе с мозгами. И теперь моя светлость со скукой на лице наблюдала за построенными передо мной мающимися с похмелья джентльменами удачи. Преотвратное зрелище!

Итак, времени у нас мало. В темпе проводим инвентаризацию и грузим все ценное на корабль. Эти господа с перекошенными от пьянства лицами будут грузить. Если не будут, то вы знаете что делать! Vorwürts! Увы, пещера почти пуста, там остались личные вещи покойных шкиперов и владельцев, навигационные приборы, но денег нет! Увы мне! Впрочем, этого стоило ожидать: делегация к ярлу забрала денежки с собой. Как видно, чтобы старик не сильно гневался. Нам досталась в качестве трофеев большая куча оружия и немно-

го припасов. Что делать с кораблями? Пиратские барки однозначно сжечь. Их трофеи, по всей видимости, тоже. Можно, конечно, попытаться увести их собой, но людей мало. К тому же не представляю, как я объясню своему другу Олле, откуда они появились. Чего доброго, самого пиратом объявят. Но с пустыми руками я все одно не уйду. Припасы, порох, пушки – все это в хозяйстве пригодится. Да, якоря снимаю и все блоки, но пустой не уйду!

– Ваша светлость! – отвлек меня от грустных размышлений голос Яна Петерсона. – Ваша светлость, я тут осматривал пиратские трофеи...

– И что же вы обнаружили, мой друг?

– Много чего, мой принц, они шли из Швеции с грузом меди и железа...

– Замолчи, Ян, или меня сейчас жаба задушит!

– Простите, принц, вы сказали «жаба»?

– Жалко мне, говорю, грузов, но все нам не вывезти!

– Вы, ваша светлость, полагаете, властям будет трудно объяснить происхождение кораблей с грузом?

– Моя светлость именно так и полагает!

– Я нашел человека, который нам поможет.

– Кого ты нашел?

– На большом флейте в канатном ящике сидел человек. Зовут Август ван Дейк, если я правильно понял – он хозяин этого судна, – охотно пояснил мне Ян. – Эй, подойдите к его светлости!

Ко мне подошел на подгибающихся ногах довольно изможденный человек. Он попытался поклониться мне, но споткнулся и едва не упал; его подхватил мой шкипер. Похоже, бедолага провел в заточении не один день, и ему изрядно досталось.

– Ва... ваша светлость, благодарю вас за спасение! – пролепетал он непослушным языком.

– Ян, дайте ему умыться и покормите, только без излишеств. Вряд ли он сейчас сможет что-то внятно сказать. А вот ты, похоже, что-то придумал?

Дождавшись, когда ван Дейка уведут, Петерсон спросил меня:

– Ваша светлость, что вы собираетесь делать с пленными пиратами?

– Не представляю, друг мой. Ей-богу, лучше бы они сопротивлялись! Я бы перебил их со спокойной совестью, а теперь и не знаю. А ты что посоветуешь?

– Ну, мой принц, есть масса вариантов! Вы можете приказывать перебить их здесь и сейчас. Ваши наемники сделают это, может, и без удовольствия, но быстро. Вы можете, заковав их в цепи, доставить в Стокгольм, и тогда их точно повесят, но уже по приговору королевского суда. Наконец, вы можете их просто оставить здесь без еды и питья. Тех из них, кто не сдохнет от голода, всенепременно прикажет убить ярл, как только появится здесь. Но вы ведь хотите поступить как христианин, не так ли?

– Пожалуй, и что ты предлагаешь?

– Дайте им надежду на спасение!

– В смысле?

– Ваша светлость, смотрите, та дальняя шхуна повреждена, да и шла в балласте. С нее мы снимем все, что можно снять, особенно тот фальконет, что торчит, задрав дуло, на юте. Остается два корабля, у одного из которых есть законный владелец.

– Ты предлагаешь ограбить спасенного?

– Вовсе нет, хотя если он предложит вам что-нибудь за спасение – не отказывайтесь. Вряд ли его просто так оставили в живых – наверняка ярл намеревался получить выкуп.

– Хорошо, продолжай.

– Его корабль шел с грузом меди и железа в Амстердам, а второй пригодный к плаванию гружен пшеницей. У вас есть уже опыт по ее продаже, не так ли?

– Куда ты клонишь? У нас нет людей на два лишних судна!

– Разве? – картинно удивился Ян. – А эти?

– Пираты? Ты с ума сошел!

– Вовсе нет, более-менее здоровых всего сорок человек, разделим их на два корабля и приставим за ними приглядывать по пятку наших матросов. А два десятка ваших мушкетеров будут гарантией их благоразумия.

– Но у нас только один шкипер!

– Держаться в кильватере не такая большая наука, а большего и не требуется. Ван Дейк же в благодарность охотно

подтвердит, что приз абсолютно законен. Ну, потеряет неделю, прежде чем наймет новый экипаж. А мы получим приз и благодарность голландцев. Это тоже кое-чего стоит!

– А пираты?

– А что пираты? Вытолкаем их внахлебную, пусть радуются, что не повесили! И к Юленшерне они не пойдут, побоятся. Если, конечно, так прикажет ваша светлость!

– Решено. Петерсон, подбирайте матросов, Гротте, выделите людей во главе с капралами! Господи, пошли нам хорошую погоду!

Господь не подвел, и к следующему вечеру мы без потерь стояли на стокгольмском рейде.

Олле Юхансон смотрел на меня и ван Дейка с непонятным выражением на лице. Наконец он, прочистив горло, спросил:

– Э, ваша светлость решили очистить от пиратов всю Балтику?

– А у вас, господин капитан над портом, есть возражения?

– О, вовсе нет, вы неправильно меня поняли!

– Мой дорогой Юхансон, это вы меня неправильно поняли. Я вовсе не собирался связываться с пиратами или кем-нибудь еще. Это они на меня напали, и я был вынужден защищаться. Они также напали на господина ван Дейка, и я опять-таки был вынужден оказать ему помощь! Как христианин и просто честный человек. Ну а то, что очередной корабль остался без хозяина, – это просто превратности судь-

бы. Божья воля, так сказать!

— Да, понимаю, понимаю, на вас напали, а вы тут вроде как и ни при чем.

— Абсолютно! Более того, тот небольшой корабль, который по случайности попал мне в руки, — он мне, прямо скажу, в тягость! И я охотно продам его и груз.

— А какой груз? — оживился Олле, почуяв поживу.

— Семьдесят ластов отборного зерна! Тридцать талеров за ласт!

— Двадцать пять!

— Олле, вы меня без ножа режете! Вы знаете, как неохотно мои подданные выплачивают мне мою законную ренту? Да я беднее любого шведского чиновника! Двадцать восемь.

— Охотно сочувствую вашему горю, но — увы и ах! Двадцать пять.

— Ох, господин Юхансон, что мне с вами делать? Вы так мне симпатичны, что я склонен согласиться.

Похоже, я все-таки сильно уязвил во время прошлой сделки господина капитана над портом! И он теперь во что бы то ни стало хочет взять реванш. С другой стороны, я ведь не свое кровно нажитое продаю. Два дня назад и вовсе собирался сжечь.

— В продаже корабля я также могу вам поспособствовать, ваша светлость!

— Сделайте такое одолжение, мой друг. Три тысячи талеров, и я охотно расстанусь с ним.

– Увы, мой принц, я знаю этот корабль, он не стоит и двух с половиной. А принимая во внимание обстоятельства...

– Сколько?

– Тысяча двести!

– Полторы! Или я прикажу прорубить ему дно!

– Да ради бога! Впрочем, ради нашей дружбы тысяча триста!

– Идет!

– Что это было? – спросил меня ван Дейк, когда мы вышли из портовой конторы.

– А вы думали, пираты случаются только в море? Теми разбойниками, что обидели вас, господин Юхансон завтракает. Кстати о разбойниках: вы ведь не знаете имени вашего обидчика?

– Нет, ваша светлость.

– Но можете его узнать, не так ли?

– О, мой принц, я запомнил эту дьявольскую личину слишком хорошо, она теперь является мне в кошмарах!

– Прекрасно, хотите посчитаться?

– А это возможно?

– В этом мире нет ничего невозможного, друг мой. Во-первых, я знаю и имя человека, столь жестоко с вами обошедшегося, и имя его врага. Пойдемте со мной, и я все устрою.

Через час мы были перед депутатом риксрода Акселем Оксеншерной. Тот, внимательно выслушав рассказ о зло-

ключениях несчастного ван Дейка, сочувственно вздохнул.

– Все это очень печально, его величество принимает все возможные меры по искоренению этого зла, но, увы, оно неискоренимо! Кроме того, вы сказали, что не знаете, как зовут главу пиратов, не так ли?

– Я – нет, но вот его светлость...

– Конечно, конечно, стоит где-то случиться истории с пиратами – и его светлость принц Мекленбургский тут как тут. Ну и кто же этот негодяй?

– Завтра в королевском дворце состоится большой прием, не так ли?

– Да! Но что вы этим хотите сказать?

– О, ничего такого, но может так случиться, что господин ван Дейк узнает кого-нибудь из присутствующих...

– Даже так?

– Ну, я чисто гипотетически... скажем, если он окажется рядом с молодым Юленшерной... то всякое может случиться, не так ли?

Будущий канцлер задумчиво поиграл желваками.

– Вы понимаете, принц, что это слишком серьезное обвинение?

– Обвинение... в чем? Помилуйте, господин Оксеншерна. Я никого ни в чем не обвиняю, просто говорю, что господин ван Дейк может кого-нибудь узнать на королевском приеме. Может, он узнает пирата, а может, человека, с которым ходил к непотребным девкам! Я-то почему знаю!

– Хорошо, я вас понял. Встретимся завтра, господа.

Из портовой конторы мы напрямиком отправились в дом, снятый Манфредом по моему поручению. На стук в массивную, окованную железом дверь долго никто не открывал. Я было уже потерял терпение, когда из-за нее донесся слабый голос Мэнни.

– Чего надо?

– Нельзя ли увидаться с его светлостью принцем? – дурашливо изменив голос, спросил я.

– Его светлость болен и никого не принимают! – незамедлительно последовал ответ.

– Откройте доброму человеку, а не то добрый человек вам дверь выломает! – уже обычным голосом потребовал я.

– Иди-ка отсюда подобру-поздорову, пока цел, а то ходят тут всякие!

– Мэнни, черт тебя подери! Ты что, меня не узнал? Открывай сейчас же!

– Берегитесь, принц! – закричали вдруг мои спутники, увидев, как в окне из-за приоткрывшейся ставни высовывается ствол мушкета.

Выстрела, впрочем, не последовало – очевидно, стрелок в последний момент меня узнал. Дверь наконец-то отворилась, и мне буквально упал на руки смертельно бледный Манфред.

– Ваша светлость, наконец-то это вы! Я уже не знал, что и думать!

– Ну, ну, Мэнни, что с тобой, малыш! И вам привет, ребята. Что, все так плохо? – обратился я к высунувшимся мушкетерам.

Как оказалось, едва «Благочестивая Марта» покинула рейд, вокруг дома стали происходить непонятные движения. Вокруг него постоянно толклись какие-то темные личности. Некоторые из них пытались незаметно проникнуть внутрь, другие стучали и требовали свидания с принцем. В конце концов нанятый мной для ухода за Климом врач перестал приходить, очевидно напуганный всей этой суетой. Мои верные драбанты почти не спали и совершенно измучились, провиант также подходил к концу. Единственной положительной новостью был хотя и медленно, но верно идущий на поправку боцман. Хотя это как посмотреть: пока мои противники занимались осадой ни в чем не повинного дома, я в совершенно другом месте занимался своими делами без помех и не без прибыли.

– У вас, как я посмотрю, очень интересная жизнь, ваша светлость! – сказал мне на прощание ван Дейк. – Я пойду в торговый квартал, мне необходима помощь соотечественников.

– И не говорите, мой друг, жизнь у меня как в сказке – чем дальше, тем страшнее. Вас проводить?

– О, не стоит!

– Еще как стоит, вы мне нужны живым! С вами отправится Болеслав и два моих человека. Мне так будет спокойнее.

И не забудьте, у нас завтра прием у короля!

Усилив охрану дома, я отправился на «Благочестивую Марту». Там как раз заканчивали перегрузку пушек с проданного мной пиратского трофея. Пушки я собирался снимать так и так, но мой шкипер вдобавок обратил мое светлейшее внимание на совершенно недостаточное вооружение «Марты». По его словам, корабль такого водоизмещения мог нести не меньше восьми пушек без особого ущерба к грузоподъемности. Имелось же в наличии всего лишь две кулеврины смешного калибра на вертлюгах. Мне такие мысли тоже приходили в голову, но, будучи профаном в военноморском деле данной эпохи, я помалкивал. Ян же, обратив внимание на мою «везучесть» на приключения, предложил максимально довооружить корабль. В результате кулеврины отправились на ют, как и снятый с поврежденного флейта фальконет. А на палубе были размещены четыре пушки, которые мы экспроприировали на корабле ван Дейка, – благо изможденный в плену до последней крайности хозяин этого добра был долгое время в совершеннейшем забытии. Ничего страшного, у него еще остались, я же не беспредельщик!

На проданном трофее было еще два фальконета, которые мои люди благополучно заканчивали перегружать, равно как порох, оставшуюся провизию и прочее. А что – договор был о продаже корабля и груза. А пушки я честно отбил у пиратов, имею право! Следующим моим шагом был расчет с

прежней командой, который не успел произвести так не вовремя раненный Клим. О пятидесяти талерах за упущенного ярла речь, конечно, уже не шла, но людей не обидели. Пожелавшим остаться такую возможность предоставили, предупредив, однако, о возможных последствиях. Ян получил указание набрать новый экипаж, включая канонира. Пожелавшие уволиться матросы, пропивая полученные деньги в портовых кабаках, сделали неплохую рекламу, и недостатка в претендентах не было. Кроме того, установка пушек оказалась делом не таким простым, но нанятые нами плотники должны были решить вопрос с портами и креплениями для пушек. Эх! Опять траты, впрочем, дело того стоит. Теперь если ко мне в море подойдет барка с какими-нибудь глупыми предложениями – я могу, не тратя времени на остановку, решить вопрос радикально.

Закрыв первоочередные вопросы, я занялся более детальным обследованием трофеев. Конечно, самое ценное ушло к семейке Юленшерны, кое-что по доброте душевной вернули ван Дейку, но оставшееся требовало вдумчивой инвентаризации. Я принц небогатый, но хочу это дело исправить, а бережливость есть первый и необходимый шаг к тому! Первым делом решила судьба холодного оружия. Более-менее качественные абордажные сабли, тесаки и шпаги заняли место в корабельном арсенале, остальные, возможно, продам, там видно будет. Почти две сотни фитильных мушкетов – тоже неплохо! Пистолетов различных фасонов три десятка.

Равных моим допельфастерам нет, но и откровенного хлама тоже. Однозначно, в арсенал! Следующий экспонат трофейной кунсткамеры меня заинтриговал. Кремневое ружье вполне вменяемых размеров, несколько больше моей кавалерийской аркебузы и без излишних украшений. Не слишком большой вес и хороший баланс, можно стрелять без сошки. Хорошая вещь! Оставляю себе любимому, небось, Мэнни не надорвется. Покончив с оружием, перехожу к сундукам: с одним все ясно, он полон штурманских принадлежностей. Секстантов, астрольбий и бог еще знает чего. Увидевший содержимое шкипер только присвистнул. Оказывается, это полный штурманский сундук, вещь редкая и... в общем, очень дорогая! Правда, она тоже ван Дейка, но он ведь не в курсе? Тем более что у меня свой корабль – мне, короче, надо, и все тут. Есть еще инструменты россыпью, очевидно с других кораблей, захваченных пиратами, но качество однозначно хуже. В остальных сундуках мало интересного. Одежда, белье, опаньки, пропустили лишенцы, в платок завернуты украшения. Цепочка с крестиком, сережки, перстень, запонки. Отдельно завернуты обручальные кольца... Мне неожиданно становится очень мерзко на душе. Не знаю, что на меня нашло, но начинаю чувствовать себя мардером. Что я сделал хорошего с момента попадания в этот мир? Кому помог? Кого защитил? Только убиваю и граблю трупы. Так, надо заканчивать с этим приступом самоедства. Кого защитил? Панну Марысю Остророг. Кому помог? Кня-

гине Агнессе, пусть своеобразно, но помог. Убил, конечно, немало, но в основном защищаясь, да и кого? Пиратов, охаживавшего пана, пытавшегося опорочить девушку? Нашел о ком горевать. По привычке все доводить до конца заканчиваю осмотр. Несколько книг (в основном молитвенников), писчие принадлежности: бумага, чернильницы, песочницы, перья и перочинные ножи. Некоторые вполне изящные, надо Мэнни презентовать. Последним номером был какой-то струнный музыкальный инструмент. Вроде бы лютня, а может, сейчас гитары так выглядят, не знаю. Еще находясь под влиянием грустных мыслей, беру ее в руки и машинально перебираю струны. Стоп, а это еще что? Я в свое время знал только три аккорда, и то не слишком. А тут пальцы сами собой выдают довольно затейливую мелодию. Это что, опять умения принца прорезались? Интересно, а что я еще умею? Надо попробовать картины писать. Маслом!

На следующий день я и моя свита в полном параде заявили на королевский прием. Надо сказать, дворец меня не очень поразил. Бывал, знаете ли, в Эрмитаже в свое время. Но в общем и целом все прилично. Его величество Карл IX – довольно крепкий еще мужчина, смотрит благосклонно, ну а что ему. Я же службу приехал предложить, а не денег выпрашивать. К тому же Мекленбурги старинный и знатный род, не то что какие-то там Вазы. Что ни говори, а приятно, что такие люди ищут дружбы. Его высочество наследник то-

же улыбается, но как-то искреннее, что ли. Да, я же ему на морскую прогулку намекал, надо напомнить. Недалеко от наследника стоит Аксель Оксеншерна, а рядом с ним несколько испуганно озирается ван Дейк. А где мой добрый друг Карл Юхан Юленшерна? Что-то я соскучился.

После торжественной части объявили легкий перекус. Ну что сказать, шведский стол – он и в средневековье шведский стол. Потом заиграла музыка, и объявили танцы. Моя светлость интереса к танцам не проявила ни малейшего. Дамы при дворе какие-то все больше в возрасте и одеты с приличной скромностью, чтобы не сказать скупостью. Стою в сторонке, скучаю. Этаким Чайльд-Гарольдом на пикнике. Мои приближенные, напротив, оживлены и возбуждены. Ну, им простительно – они ребята практически деревенские, им и это в диковинку. Вдруг слышу, кто-то невдалеке нагло обсуждает мою светлейшую персону. Вот жалко, еще лорнетов не изобрели, обязательно посмотрел бы на этих невеж с видом крайнего недоумения. Впрочем, обсуждают меня две довольно симпатичные на фоне местных дам девицы, не стесняясь при этом хихикающие. Довольно вызывающее поведение на фоне местного пуританства. Лелик и Белек, глядя на них, зависают; впрочем, им много не надо. Ладно, смотрите на меня, лоси деревенские, показываю один раз! Подхожу к дамам и отвешиваю им самый куртуазный поклон, на который только способен. Дамы в ответ склоняются в реверансе.

– Милые дамы! Поскольку никто не удосужился меня

представить таким очаровательным особам, позвольте мне рекомендоваться самостоятельно! Я – принц Иоганн Альбрехт Мекленбургский! А вы, должно быть, ангелы, спустившиеся с небес, чтобы украсить землю своей несравненной красотой!

И в таком духе плету словесные кружева минут, наверное, десять без перерыва. Дамы не то чтобы поражены, но слушают меня более чем благосклонно. Ну так, чай, тут не каждый вечер холостые принцы отираются.

– Обратите внимание, прелестные дамы, на моих храбрых спутников, взирающих на вас со столь ясно выраженным благоговением. Увы, храбры они только с врагами на поле брани, а в присутствии дам, да еще таких красивых, как вы, теряются как дети. Я бы непременно представил вам их, но увы, вы так и не сообщили мне своих имен.

– Аврора!

– Ульрика!

– Ах, какие прелестные имена! А хотите танцевать?

Хотят, ой как хотят!

Танцы, впрочем, не затянулись. Оставив дам на попечение Лелика и Болека, я подошел к Акселю.

– Я смотрю, семейка Юленшерна не удостоила этот прием своим посещением?

– Увы, старый ярл в последний момент испросил разрешения удалиться в связи с делами.

– Его предупредили?

– Может, и нет. Господина ван Дейка многие видели, сложить два и два не такая уж большая задача. Юленшерны, возможно, и пираты, но отнюдь не дураки.

– Досадно, а впрочем, что господь ни делает – все к лучшему! Не бог весть какая радость видеть рожи этой семейки.

– Аминь! – отозвался Аксель. – Кстати, вы знаете, с кем только что танцевали, ваша светлость?

– Э... с Ульрикой?

– Ульрикой Августой Спаре, урожденной Юленшерна! Это сестра Карла Юхана. Как видите, не все представители этой семьи вызывают у вас отвращение!

Блин, а я-то думал, кого она мне напоминает! Ну надо же...

– Видите ли, любезнейший господин Оксеншерна, женщины вообще вызывают у меня симпатию, а такие красивые, как Ульрика и Аврора, тем более. Кстати, вы сказали Спаре? Это ее фамилия по мужу, не так ли?

– Именно так, ваша светлость.

– Любопытно, и кто у нас муж?

– У нас? Никак не могу привыкнуть, принц, к вашей манере выражаться. Впрочем, вы, пожалуй, правы, с этим браком не все благополучно. Кристиан Спаре ровесник ее отца и его большой друг. Кстати, Аврора – ее падчерица.

– Святая пятница! Бедняжку выдали замуж за старика, и теперь она в отместку эпатирует местную публику!

– Вы заметили?

– Да тут и слепой бы заметил! И что, увесистые рога украшают почтенные седины господина Спаре?

– Вот за сплетнями – это не ко мне, ваша светлость!

– Ну, господин Оксеншерна! Какие же это сплетни, это ценные сведения о противнике перед сражением.

– Вот как? Все-таки у вас очень оригинальный образ мыслей, принц. Кстати, а вы не хотите рассказать, что у вас случилось с молодым Юленшерной? Почему вы его так ненавидите?

– Друг мой, «ненавидеть» – это слишком громко сказано! У меня действительно есть некоторые претензии к Карлу Юхану, но никакой ненависти. Кстати, а у его рода действительно была привилегия брать дань с торговцев?

– Вот оно в чем дело! Ну да. Была такая много лет назад, так вы говорите...

– Я вам, господин Оксеншерна, ничего не сказал; кстати, а у вас какие претензии к семейству Юленшерна? Постойте-ка, а уж не хотели ли вы быть на месте господина Спаре? Святая пятница!

– О, нет! – засмеялся Аксель. – Тут ваша проницательность, принц, дала осечку! Наша вражда имеет куда более давние корни. Но давайте прервемся: король, кажется, собирается покинуть общество, нам надо быть в первых рядах, пойдемте!

Действительно, его величество Карл IX, видимо утомившись, встал и направился к выходу. Придворные прихлеба-

тели дружно склонились перед ним; уже выходя, он наткнулся на нас с Акселем глазами. Милостиво кивнув, он произнес:

– Через неделю состоится большая королевская охота, мы будем рады видеть вас на ней, принц Мекленбургский! Мы слышали, что вы отменный стрелок, надеемся, что эти слухи не преувеличение!

– Всенепременно, ваше величество! Почту за честь! – ответил я, поклонившись. Заметив, что наследник идет вслед за королем, я негромко, но вполне отчетливо добавил: – На моем корабле заменили артиллерию, послезавтра я выйду ее испытывать.

Густав Адольф, услышав это, резко обернулся. Наши взгляды пересеклись, как рапиры в учебном поединке. Улыбнувшись мне на прощанье, принц вышел вслед за отцом.

– Ох и ловкий вы человек, ваша светлость! – пробормотал Аксель, не то порицая, не то одобряя.

Вы когда-нибудь стояли на носу несущегося вперед на всех парусах корабля? Незабываемое зрелище. Острый форштевень разрезает волну, поднимая брызги до самого бушприта, держась за который, стоим мы с принцем Густавом. Умом я понимаю, что скорость в семь-восемь узлов, что мы идем сейчас, для двадцать первого века, в котором я некогда жил, – ничто. Но ничего не могу с собой поделать. Я

вновь семнадцатилетний мальчишка, и меня завораживает несущийся по волнам флейт. Меня пьянит бескрайнее море, расстилающееся вокруг. Я кажусь сам себе сказочным великаном, покоряющим стихию. Рядом со мной такой же мальчишка с горящими глазами и мокрыми от морских брызг волосами. Мы оба смотрим на море и оба счастливы.

Наконец мы находим скалу, одиноко торчащую из моря, и поворачиваем к ней. Надеюсь, мой шкипер знает, что делает, и мы не налетим на мель. Проходя правым бортом мимо скалы, мы по очереди разряжаем наши пушки. Выстрелы грохочут один за другим, пушки, выплюнув ядра, отлетают от порта и непременно пробивают бы противоположный борт, но хитрая система канатов и блоков гасит отдачу. Наш канонир не слишком старался попасть – ведь главное проверить работоспособность системы, – однако одно из ядер попадает в скалу, и каменные осколки разлетаются во все стороны. Глядя на это, сначала мы, а потом и вся команда разражаются радостными криками. Канонир молодец, и я, пожалуй, награжу его. Пройдя мимо острова другим бортом, даем залп одновременно из всех орудий. На этот раз канонир прицелился тщательнее, и уже три ядра из четырех поднимают каменный ураган. Не выдержав, я скидываю камзол и, засучив рукава, бросаюсь к одному из фальконетов. Хватаю банник и начинаю чистить ствол. Густав смотрит на меня широко открытыми глазами – такого фокуса он от меня точно не ожидал. Прочистив жерло пушки, я закладываю туда картузы с поро-

хом и забиваю пыж. Затем закатываю ядро. Орудие готово к стрельбе, я изрядно потренировался накануне и делаю все довольно сноровисто. Тщательно целюсь, точнее, делаю вид – как можно целиться с такими примитивными средствами, я, по совести говоря, не постигаю. Загоняю протравник в затравочное отверстие и, насыпав туда немного пороха, берусь за фитиль. Густав смотрит на меня как на апостола новой религии, и я, широко открыв рот, стреляю. Мы зачарованно смотрим, как ядро, кувыркаясь в воздухе, летит к цели. Как это ни странно, удача на моей стороне, и ядро задевает скалу. Я немного оглушен и плохо слышу, но вокруг меня беснуются от радости мои приближенные. Густав Адольф от них не отстаёт и прыгает, кажется, выше всех. Мне тоже надо радоваться: сегодня у меня удачный день, и я много сделал, чтобы подружиться с будущим великим королем. Но я рад не этому. Я радуюсь солнечному дню и свежему ветру. Волнующемуся морю и смолянному запаху от корабля. Я пьян от грохота пушек и своей молодости и силы. Я все могу и всего добьюсь, и горе стоящим на моем пути! Потом мы полезли по вантам на самую верхушку мачты. Забравшись в наблюдательную бочку, мы любовались морем, и хотелось, чтобы эта минута никогда не кончалась.

– Иоганн, друг мой, где вы научились стрельбе из пушек? – нарушает наше молчание шведский принц. – Неужто в Мекленбурге принцев учат этой премудрости?

– А почему нет, ваше высочество! Просто мне захотелось,

и я научился. Я рано задумался о своей судьбе, Густав. Сидеть на троне и носить корону, в сущности, может любая обезьяна. Все будут ей кланяться и оказывать почести, но перестанет ли она быть от этого обезьяной? Я хочу что-то представлять собой сам. Я хочу воинской славы, но как я пошлю солдат в атаку, если не знаю их ремесла? Поэтому я постоянно совершенствуюсь в искусстве стрельбы, фехтовании и вольтижировке. Поэтому я научился стрелять из пушек. Я хочу быть достойным правителем и учусь этому. Я начал с трех человек свиты, а теперь у меня свой корабль и рота мушкетеров. Правитель должен знать, откуда берутся окружающие его блага, и я не чужаюсь заниматься торговлей.

– Вы самый необычный человек, какого я только видел в своей жизни! Хотел бы я иметь такого друга!

– Ах, ваше высочество, нет ничего проще! Вы нравитесь мне, и я буду горд нашей дружбой, но есть одна тонкость.

– Какая же?

– Друзей надо не иметь, с ними надо дружить. Просто дружить, понимаете?

– Боюсь, что нет.

– Как бы вам объяснить... вы слышали о короле Ричарде Львиное сердце?

– Разумеется, это лучший образец рыцарства, какой только давала нам в пример история. Он был королем Англии и воевал за Гроб Господень.

– Бог мой, какого только вздора вам не наболтали ваши

учителя! Ричард был прескверным человеком. Он был плохим сыном, часто поднимавшим мятежи против своего отца и все же скинувшим его с престола. Он был никуда не годным правителем, мало заботившимся о процветании своего государства. Он неплохо сражался на святой земле, но войну эту проиграл. Так что военным он тоже был не очень! По сути, он умел только дружить, хотя и друг-то у него был только один. Вы знаете, о ком я?

– Нет, вы, Иоганн, рассказали мне столько удивительного, что я просто теряюсь. Нет, я не знаю, кто был его единственным другом.

– Султан Салах ад-Дин!

– Саладин? Но как это возможно?

– Вот такой выверт истории, мой друг! Они долго воевали друг против друга и, столкнусь на поле боя, сделали бы все, чтобы убить одного другого, но они дружили. Когда Ричард заболел, Саладин послал ему снег с горных вершин и фрукты. Когда под ним убили коня, он послал ему своего. Ричард даже был готов отдать мусульманину в жены свою сестру, настолько он уважал его.

– Мне кое-что рассказывали мои учителя, но...

– Но никогда под таким углом зрения, не так ли?

– Да, вы правы!

– Всегда полезно, мой друг, смотреть на ситуацию с разных углов.

– Но к чему вы это?

— Густав, со временем вы станете королем, а я герцогом. Может статься, что судьба нас разведет и на поле боя мы будем на разных сторонах. Готовы ли вы хранить дружбу и в таких условиях?

— Я... я никогда не думал об этом! Но я готов!

— Ну что же, вот вам моя рука, принц!

Мы пылко пожали друг другу руки, как жмут их только в юности, когда кажется, что жизнь прекрасна, любовь вечна, а дружба нерушима!

Вернувшись на рейд и проводив принца Густава, я отправился к ван Дейку. Он говорил мне, что уладил все дела и собирается вернуться в Голландию. Ван Дейк принял меня со всем возможным радушием.

— О, какая честь принимать вашу светлость на моем скромном корабле!

— Ну, ну, друг мой, я тоже рад быть вашим гостем. Я слышал, вы закончили подготовку к отплытию?

— Да, ваша светлость, мои земляки помогли мне, и я вполне готов.

— Прекрасно, надеюсь, на этот раз ваше плавание будет более благополучным. Тем более что у меня к вам просьба.

— О, мой принц, я тоже на это надеюсь. Что же до просьбы, то приказывайте! Я сделаю для своего спасителя все, что угодно!

— Полно вам, я не сделал ничего больше того, что был дол-

жен. И вам совершенно не за что меня благодарить. Я полагаю, все случилось по воле божьей, и кто мы такие, чтобы обсуждать его промысел?

– Аминь!

– Но вы действительно могли бы оказать мне одну услугу.

– Я весь внимание!

– Посмотрите, будьте любезны, на это ружье, – с этими словами я развернул сверток с пиратским трофеем. – Что вы можете сказать о нем, кстати, оно случайно не ваше?

– Нет, ваша светлость, это ружье не мое. Однако это очень интересный экземпляр. Я так понимаю, оно – ваш трофей?

– Ну да. Причем оно мне так понравилось, что я захотел узнать, откуда оно. К несчастью, на нем нет никаких клейм, так что узнать имя мастера довольно трудно.

– Мастера по клейму? Скорее невозможно!

– Отчего так?

– Видите ли, принц, мастера довольно редко клеймят свое оружие. Им это невыгодно, точнее, это невыгодно их клиентам.

– Боюсь, что плохо вас понимаю, друг мой.

– Ну, смотрите. Не знаю, как в иных местах, но у нас довольно строгие правила для цеховых мастеров. Одни делают стволы, другие замки, третьи делают ложа. Чаще всего их окончательно собирают уже торговцы.

– Никогда бы не подумал!

– Так вот, ваша светлость, торговцам совершенно не нуж-

но, чтобы кто-то узнал, откуда они берут свой товар. Поэтому мастера ставят свои клейма только в исключительных случаях, обычно же клеймо – это марка торгового дома. Что вполне естественно, у клиентов могут быть разные вкусы. Одному по душе ореховые ложки, другой довольствуется буковыми. Одни предпочитают колесцовые замки, другие кремневые, а третьим станет и фитильных. Одни желают инкрустацию драгоценностями, другие хотят серебряные оправы, а третьим достаточно простого ложка. Вы меня понимаете?

– Пожалуй, да.

– Вам, очевидно, понравилось ружье, и вы хотите заказать нечто подобное, но более подходящее вашему статусу?

– Не совсем, мне оно действительно понравилось, и я хотел бы вооружить такими своих людей. Статусного оружия в моем арсенале хватает, а вот свою гвардию мне хотелось бы видеть однообразно и эффективно вооруженными.

– Понимаю, ну давайте посмотрим еще раз. Ложка из ясеня, но вам, я так полагаю, ложка не главное?

– Абсолютно, хотя чисто эстетически я предпочитаю орех!

– Ствол сделан весьма тщательно, вы стреляли из него? Ах да, понимаю, глупый вопрос. Очевидно, бой недурен, раз уж вам так понравилось. И наконец замок. Н-да! Замок очень интересен, такие только начали делать во Франции. Вы правы, несмотря на аскетичность отделки, это весьма недурное

ружье.

– Так что, их надо заказывать во Франции?

– Разве я так сказал? У нас в Голландии есть немало мастеров, которые могут изготовить ничуть не хуже. Сколько вам надо?

– Минимум две сотни сейчас, но смотрите, у этого ружья калибр в семь линий. Я хотел бы, чтобы все были такого калибра. Если меня все устроит, то будут еще заказы.

– Это будет недешево, я, конечно, мог бы в благодарность...

– Господин ван Дейк, я уже говорил вам. Да, я не столь богат, как мне того хотелось бы, но не буду снимать с вас последнюю рубашку. Я заплачу за эти ружья, хотя, конечно, хотел бы, чтобы торговая наценка была минимальной.

– Я понимаю вас, ваша светлость. Что же, это можно устроить, но цена вряд ли будет ниже пятнадцати талеров за один ствол со всеми необходимыми принадлежностями. Как-то: шомпол, сумка, пороховница и прочее.

– Что же, это разумная цена. Как скоро я смогу их получить?

– У меня есть кое-какие связи, так что думаю, к осени они могут быть готовы.

– Может статься, что датчане перекроют шведские воды.

– Вы полагаете?

– Я ничего не предполагаю, однако многое вижу. Шведам до смерти надоели последствия Кальмарской унии. А король

Кристиан вряд ли захочет им уступить. Этот нарыв в любой момент может прорваться.

– Я понял вас, ваша светлость, сначала вы спасли мне жизнь, а теперь оказываете еще одну услугу. Я сделаю все, чтобы вы получили свой заказ.

– Вот и прекрасно! Что ж, мне пора! До свидания, господин ван Дейк, семь футов вам под килем!

Выезд моей светлости на королевскую охоту пышностью не отличался. Увы, не было у меня ни породистых натасканных собак, ни обученных соколов, ни загадочного заморского зверя пардуса¹⁸ для поимки дичи. Да что там, лошадей своих и то не было! Спасибо принцу Густаву, что замолвил словечко шталмейстеру, и нам прислали лошадей. Отправились на охоту мы вдвоем с Болеславом. Король накануне отправился в Померанию на «Благочестивой Марте». Я на последние деньги загрузил ее шведским железом: если все будет благополучно, корабль меня прокормит. Во избежание всяких нехороших случайностей с ним отправилась половина моих наемников – если что, отобьются. Кроме того, с ним отправились парни, нанятые мной в Дарлове. У них отдельная задача: пьянствовать во всех кабаках и рассказывать, как славно служится у Мекленбургского принца. Аксель намекнул мне, что дело с полком имени меня практически решенное. Торговать должны в Шецине, ну и в Дарлове, конечно.

¹⁸ Древнее имя леопарда.

Письма опять же передать фройляйн Катарине, сами знаете для кого. Манфред остался на хозяйстве: охотник из него так себе.

Денек выдался на редкость погожим. Весеннее солнышко радовало своими лучами. Всадники скачут, трубачи трубят, собаки лают. Лепота! Болек умчался как ураган, едва увидел что-то похожее на дичь. Молодец, мля! А если какие-нибудь негодяи начнут злоумышлять? Это я вас спрашиваю! Ладно, сами с усами. В доспехах на охоту, конечно, не заявишься, а кольчуга под охотничьим камзолом – самое оно. Допель-фастеры наготове. Господин Юленшерна, вы где прячетесь?

Увы, Карла Юхана нигде не видать, а его сестра с падчерицей нарисовались. Вот уж не знал, что амазонки уже в ходу! Но надо признать, девушки выглядят весьма импозантно! Они единственные дамы на охоте, и вокруг вьются все более-менее молодые придворные. Но только затрубили рожки – ухажеров как ветром сдуло. Ну и славно, пожалуй, вот тут я и поохочусь!

– Милые дамы, как я рад видеть вас! Вы просто не представляете себе, как я скучал по вашему обществу!

– О, ваша светлость! А вы не охотитесь?

– Увы, дамы. В разыгрывающейся драме мои симпатии однозначно на стороне оленей.

– Отчего так?

– Ну, посудите сами, красавицы! Олени – простые граци-

озные животные. У них нет ни когтей, ни зубов, ни мушкетов с кинжалами. А у охотников всего этого в избытке.

— Да вы просто святой!

— Нет, дамы, я отшельник, подвижник, страстотерпец, наконец, но не святой.

— Какая скромность!

— Это мое второе имя! Меня на самом деле так и зовут, Иоганн Скромность Альбрехт.

Так развлекаясь и смеясь, мы потихоньку двигались по лесу. Увы, если кому суждено быть повешенным, он не утонет. Как ни старался я избежать в этот день приключений, они меня все равно нашли. Уже потом выяснилось, что шведский бардак несколько не уступает великорусскому. Увидев дичь, вся великосветская кодла, напрочь забыв о своих придворных обязанностях, бросилась в погоню. Его королевское величество и не менее королевское высочество, естественно, не отставали. К несчастью, лошадь Густава захромала, и он все же отстал. В лесу же водились не только олени. Все знают, что медведи на зиму впадают в спячку, но мало кто в курсе, какое у них дурное настроение, когда они проснутся. Именно такой злющий косолапый и оказался на территории, где резвились охотники. Понятно, что весь этот шум несколько не улучшил и без того преотвратного настроения медведя. Когда мы выехали на небольшую поляну, я и мои прекрасные спутницы имели возможность наблюдать, как наследный принц шведского королевства драпает от разъяренного жи-

вотного. Надо сказать, медведей совершенно напрасно считают ленивыми и медлительными увальнями. В чистом поле на хорошем скакуне от медведя уйти в принципе можно. А вот в лесу и на захромавшем... Принц мчался прямо на нас, медведь, постепенно нагоняя, прямо за ним. Времени на раздумья не было, и я дал своему коню шенкелей. Дамы, сообразив наконец, что случилось, вполне предсказуемо начали визжать. Кричать принцу, чтобы он пригнулся или свернул, было бесполезно, и за секунду до того как наши лошади столкнулись, я выпрыгнул из седла с пистолетами в руках. Разрезая телом непривычно вязкий воздух, я попытался прицелиться и, с ужасом понимая уже, что не успеваю, нажал на курки.

Падение трудно было назвать мягким, воздух напрочь выбило из легких, и я кубарем покатился по земле. Немного отдышавшись, вскочил и поковылял к распростертому на земле зверю. Из-под него торчала нога в ботфорте – это принц. Я тщетно пытался повернуть тушу убитого мною зверя. Откуда-то взялись вокруг люди, и мы вместе вытащили Густава из-под медведя. Ко мне внезапно вернулся слух, и я услышал панический возглас:

– Его высочество не дышит!

Да что же это такое! Крикнувший это придворный полетел в сторону от удара в ухо. Наклонившись над телом Густава, я порвал на нем камзол и рубашку.

– Тихо вы, gospoda boga dushu mat!

Приложил ухо к груди – стучит! Тихо, слабо, но стучит! Слава создателю! Носилки, *mat washy!* И живее, *curvachi!* *Vorwürts!* Так, ругаясь на дикой смеси русского, польского и немецкого, я организовал изготовление носилок и эвакуацию наследника престола. Фух, а весело поохотились, блин! Выпить-то ничего нет? Ну кто же на охоту ездит без выпивки! Варвары! Ужасный век, ужасные сердца.

Как только весть о происшествии с принцем распространилась, охотников из леса как ветром сдуло. По крайней мере, когда я немного отошел от шока, вокруг никого не было. Если не считать, конечно, мертвого медведя и не менее мертвой лошади принца Густава. Не, я не понял, а где все? Я тут, понимаешь, вам наследника престола спас – и никаких фанфар! Ну да ладно, будем выбиратья сами. Первым делом надо зарядить пистолеты, но тут одна закавыка. Моя лошадь, едва я покинул седло, куда-то смылась. Хрен бы, как говорится, с ней, но в том-то и дело, что с ней не хрен, а пороховница и сумка с пулями. Идти с разряженными пистолетами я не согласен. Слишком много у меня врагов для такой легкомысленности. Но, кажется, выход есть: пошел к лошади наследника – и, о счастье, его сумка с огнеприпасами на месте! Пуль, правда, подходящего калибра нет – увы, у каждого ствола сейчас свой размер. Ладно, это не беда, это полбеда, заряжаю допельфастеры самой крупной дробью, какая только нашлась в сумке. Что же, будем выбиратья пешим порядком. В колонну по одному становись, шагом марш! Песню

запевай! Не смешно, блин! Пошел, ориентируясь по следам, стараясь держать туда, откуда меня черт принес в этот проклятый лес. Прогулка, вне всякого сомнения, взбодрила бы меня, не приземлился я несколько раньше со всего маху боком на землю. Так что никакой бодрости – ковылял потихоньку, не забывая оглядываться. Мало ли чего тут егеря пропустили, волки – они меньше медведя, вполне могли и проскочить с такой организацией. Волков, впрочем, встретить не удалось. Мне встретился более опасный зверь, а именно – Ульрика Августа Спаре-Юленшерна! Впрочем, оный зверь пребывал в весьма беспомощном и, можно сказать, пикантном состоянии. Бедняжка, очевидно, зацепилась за ветку и, сверзившись с лошади, лежала в кустах с задранной амазонкой. Видно, такая у меня сегодня карма – спасать людей. Следовало бы, конечно, грациозно подхватить пострадавшую на руки и отнести в безопасное место. Но – увы, все, на что у меня хватило сил, – это выволочь ее из кустов за ногу и уложить на остатки шлейфа. Ну что тут будешь делать! Приходится набирать снег и приводить даму в чувство, натирая ее милую физиономию. Слава богу, никаких серьезных повреждений у нее не было, только обморок.

– Где я? – слабо простонала спасенная, едва чувства к ней вернулись.

– В лесу, дитя мое!

– Принц?!

– Ну, хоть бы для виду обрадовались!

– Но как... и что с моей одеждой?

– Ваша одежда, Ульрика, не пережила встречи с кустарником. Как вы туда попали – не знаю, скорее всего, упали с лошади.

– Упала с лошади... да... я убегала от... медведя? А принц? Что с Густавом Адольфом?

– Полагаю, с ним все в порядке. Медведя я застрелил, и принца, хоть помятого, но живого, унесли на носилках. А вот нас с вами почему-то бросили, такая беда. Надо выбирать, вы сможете идти?

Едва я это произнес, неподалеку заиграл охотничий рожок. Я, недолго думая, вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил. Хватит на сегодня! Через несколько минут нас нашли королевские егеря, а вместе с ними мой верный Болеслав и Аврора Спаре. Я так обрадовался их появлению, что даже отложил выволочку Болеку до более подходящего момента. Тем более что Боек догадался привести заводную лошадь. Увы, только одну. Впрочем, во всем можно найти положительную сторону. Поскольку свободная лошадь была одна, я недолго думая посадил Ульрику, а сам вскочил в седло. Последний раз я так возил девушку много лет тому вперед на велосипеде.

Мы тихо ехали по лесу, и наши тела прижимались друг к другу, моя левая рука держала повод, а правая – талию молодой женщины. Пользуясь тем, что Боек и Аврора были заняты болтовней друг с другом, я шептал на милое малень-

кое ушко всякий вздор, а рука моя не только поддерживала Ульрику. Моя попутчица сначала немного смущалась, но потом явно освоилась и даже стала отвечать на особенно двусмысленные комплименты колкостями. Ей-богу, если бы не Болек с Авророй, мы бы еще раз упали в какие-нибудь кусты, но, как видно, не судьба. Впрочем, и без того, выехав из леса, мы представляли собой весьма любопытную картину. По крайней мере, люди на нас таращились.

К счастью, травмы, полученные принцем Густавом, были не слишком тяжелы, и уже через пару дней он начал выходить из своих покоев. Мы виделись каждый день, поскольку моей светлости выделили покои во дворце Трех корон. Дворец этот довольно новый и красивый, в стиле барокко. Построен он дядей принца Густава королем Юханом III на месте замка Биргера. Того самого, кому Александр Невский попортил в свое время физиономию мечом. Дядька этот был довольно интересным типом. Женился на простолюдинке, держал братьев в темнице, ограничивал власть дворянства. В общем, ничего удивительного в том, что его, в конце концов, попросили с трона, нет. При всем при этом человеком он был не лишенным вкуса и ценителем изящного, так что дворец впечатляет. Комнаты у меня три. Одна играет роль спальни, смежная с ней кабинет-гостиная – и отдельная для моей свиты. Это, кстати, по местным меркам довольно круто. Обычно придворные моего возраста живут по три-четы-

ре человека в одной комнате. Отдельные комнаты у людей рангом повыше, а чтобы сразу несколько – это только у самого короля, королевы Кристины и у наследника. Так что мои акции растут. Кроме того, дом в городе, который я снимал, король выкупил у хозяина и подарил мне. Есть у меня подозрение, что казна не шибко потратилась и домовладение у хозяина тупо отжали, но я тут не при делах. А халява – она и в Швеции халява. В королевской конюшне еще один подарок, но уже от принца, – пара прекрасных скакунов. Впрочем, прекрасные они только по местным меркам, в Швеции ситуация с лошадьми не очень. Но опять же дареному коню в зубу не смотрят, да и я не бог весть какой ценитель. Еще один подарок – прямо на мне. Это королева Кристина постаралась, в смысле напрягла придворных портных и придворных же ювелиров. Впрочем, костюм из лионского бархата с золотым шитьем и брабантскими кружевами – по нынешним меркам полный отпад. Как и массивная золотая цепь со вделанным в медальон крупным рубином. Вообще-то Кристина Голштейн-Готторпская славится своей скупостью, так что подарок действительно королевский. Не говоря уже о том, что вдовствующая герцогиня Мекленбургская София – ее родная сестра, а мои «доброжелатели» – ее дети – соответственно племянники, и «любить» меня у нее причин никаких нет. Если, конечно, не считать того, что я спас ее любимого сына. Ох, и тесная же эта деревня – средневековая Европа!

По случаю выздоровления наследника должен состояться грандиозный бал. Аксель тонко намекнул мне, что основная раздача слонов состоится там. Посмотрим, посмотрим...

Торжественный прием состоится вечером, а сейчас, пока есть время, мы с принцем Густавом позируем художнику. Дело это крайне утомительное, но куда деваться! Тем более что я в какой-то мере сам виноват. Наследный принц ужасно восхотел украсить свой кабинет моим парадным портретом. В такой просьбе, естественно, не откажешь, и я какое-то время мужественно стоял перед заезжим мастером кисти в своих самых парадных доспехах. Такая уж сейчас традиция – на картине стоять закованным в такие латы, в каких в натуре на поле боя и не увидишь. Портрет был уже готов, когда я ляпнул (иного слова и не подберешь), что надо бы нам на портрете быть с Густавом вместе. Тот, естественно, загорелся, прежний портрет пока отложили в сторону и стали писать новый. Поняв, что терять нечего, я предложил свое видение композиции. В центре ее ваш покорный слуга поддерживает раненого, но бодрого шведского принца. Оба мы стоим, попирая ногами поверженного зверя, в смысле медведя. Вокруг король с придворными смотрят на нас с видом крайнего восхищения, а на небе с не меньшим восхищением на все это безобразие смотрят покровители Швеции святой Эрик и святой Зигфрид. Художник воспринял всю эту ересь как руководство к действию – и понеслась. Не обошлось и

без художественных преувеличений, не считая того, что вся картина сплошное преувеличение. Медведь на картине величиной со средних размеров слона. Я почему-то в доспехах и с огромным двуручным мечом в руках, острие которого погружено в холку зверюги. Принц стоит так, что непонятно, кто кого спас. Но в целом картина весьма впечатляет. При том что нынешнее полотно размером примерно метр на два – это только набросок. Окончательный вариант будет совершенно гомерических размеров и займет одну из стен во дворце Трех корон.

Отбыв художественную повинность, мы отправились немного перекусить перед приемом чем бог послал. Господь послал наследнику дивный паштет из балтийских угрей, свежесдобитый хлеб и полный кувшин светлого пива. Кстати, пиво здесь не считается алкогольным напитком в нашем понимании, его тут разве что грудничкам не наливают. Утолив первый голод, Густав внимательно посмотрел на меня и, улыбнувшись, сказал:

– Друг мой, на нынешнем приеме тебя ожидает большой сюрприз!

– Да ладно! И какой?

– Не скажу, а то какой же это будет сюрприз. Скажу только, что тебе понравится.

– Густав, ты интриган!

– Что поделать! *Positio requirit*. Положение обязывает.

Блин! До приема еще пара часов, да я с ума сойду от лю-

бопытства. Ладно-ладно, Густав, я тебе это припомню!

Прием в целом проходил как обычно, разве что королю представлялись послы. Я не слишком прислушивался к происходящему, так как был занят болтовней с самой молодой придворной королевы Кристины графиней Эббой Браге. Об этой очень красивой и не по годам умной пятнадцатилетней девочке стоит упомянуть особо. Придворной дамой она стала совсем недавно, после смерти матери, получив ее должность по наследству. Юный Густав не на шутку увлекся ею, но ее королевское величество королева Кристина не одобряла этого увлечения. Узнав о любовных переживаниях своего друга, я немедленно пришел ему на помощь. Весь двор на полном серьезе полагает, что я волочусь за юной графиней. На самом деле я таскаю им записки друг от друга и устраиваю короткие свидания. Далеко их отношения еще не зашли, да если Густав будет и дальше корчить из себя галантного рыцаря, то и не зайдут. Сводить его к непотребным девкам, что ли? Так сказать, для расширения кругозора. Впрочем, Эбба, как я уже говорил, большая умница и если уж поддастся женской слабости, то так, что Густаву будет дешевле объявить ее королевой. Кстати, совсем неплохая королева выйдет, ну а то, что происхождение у нее не королевское, так Ваза ведутся родом тоже не от Карла Великого. Но это его дело, а пока я стараюсь не выпадать из образа. Что, впрочем, совсем нетрудно, поскольку с Эббой общаться интересно, а

до двора дошли слухи о моих похождениях, и репутация у меня соответствующая. Именно поэтому я не сразу расслышал представление следующих послов, и умничке Эббе пришлось привлечь мое внимание к происходящему.

– Послы их герцогских светлостей Адольфа Фридриха Мекленбург-Шверинского и Иоганна Альбрехта Мекленбург-Гюстовского...

Опаньки, в Стокгольме послы моих двоюродных братьев, а я не в курсе!

– С великим сожалением узнали мы о пропаже нашего брата, принца Иоганна Альбрехта Мекленбург-Стрелицкого, и с радостью – о его чудесном спасении и прибытии ко двору любимого дяди нашего короля Карла...

Нет, я сейчас расплачусь! Родственнички, оказывается, испереживались обо мне, бесприютном!

– И дабы окончательно удостовериться в его спасении, посылаем нашего камергера...

Так, я не понял: они что, опознание решили устроить?

– Узнав же от нашей любезнейшей тети герцогини Брауншвейг-Вольфенбютельской о неопровержимости и подлинности...

Ага, матушка подсуетилась, и так просто меня самозванцем не объявить.

– Мы с великой радостью сообщаем нашему брату принцу Иоганну Альбрехту Мекленбург-Стрелицкому о признании его незыблемых прав и посылаем ему...

О как? Права вспомнили! Кстати, чего посылаем?

– Наше герцогское благословение и напутствие, а также...
Деньги, деньги, деньги!

– Герцогскую корону, принадлежащую ему по праву, и объявляем его нашим братом и соправителем, равным нам во всех правах в его наследных владениях...

Корона тоже хорошо, но где мои денежки за два... хотя уже за три года? Нет, я вас спрашиваю!

Речь посла окончена, и король Карл, милостиво их выслушав, кивнул стоящему рядом камергеру; тот выступил вперед и провозгласил:

– Иоганн Альбрехт принц Мекленбургский!

Я вышел вперед и, коротко поклонившись в сторону короля, стал рядом с послами.

– Мы, Карл Девятый, божьей милостью король шведов, готов и вендов, сердечно рады согласию среди наших родственников герцогов Мекленбургских! Скажи нам, Иоганн Альбрехт, обязуешься ли ты соблюдать права и привилегии своих подданных?

– Обязуюсь! – несколько обалдело ответил я.

– Депутаты Мекленбурга, признаете ли вы Иоганна Альбрехта своим герцогом и обязуетесь ли вы повиноваться ему?

– Обязуемся и признаем! – эхом ответили послы.

– Преклони колено, герцог Мекленбург-Стрелицкий!

Я послушно склоняюсь, и на мою голову ложится корона,

привезенная посланцами.

Елки-палки! Сбылась мечта идиота! В голове неожиданно мелькает мысль: а не стал ли я сейчас вассалом шведского короля? Впрочем, додумать ее не получается, потому что принц Густав оглушительно кричит:

– Да здравствует герцог Мекленбургский! И придворные дружно за ним подхватывают:

– Да здравствует герцог!

Подождав, пока возгласы стихнут, отвечаю:

– Да здравствует король! – и изображаю почтительный поклон в сторону Карла.

Его величество определенно доволен. Милостиво кивнув, он вновь делает знак камергеру, и тот продолжает:

– В ознаменование данного счастливого события и за многие услуги, оказанные им шведской короне, награждаем любезного нашему сердцу герцога Мекленбургского чином полковника нашей гвардии и жалуем ему десять тысяч рикс-далеров на обзаведение, а также мызу Алатскиви с замком в Эстляндии.

Меня со всех сторон поздравляют, я благодарю и, улыбаясь, бочком-бочком ретируюсь в сторону. Густав Адольф довольно улыбается мне.

– Ну, как сюрприз?

– О, Густав, я даже мечтать о таком не смел!

– Вот видишь, ты уже герцог, а я все еще принц.

– Не завидуй, дружище, у тебя корона не хуже.

– Дай посмотреть.

Я снимаю корону и подаю ее принцу. Он внимательно рассматривает ее и возвращает. Я тоже раньше никогда ее не видел, поэтому мне интересно. Корона явно не золотая, очевидно позолоченное серебро. Восемь больших листовидных зубцов, между ними зубцы поменьше, украшенные жемчужинами. Ни перекладин, ни крестов, как на короне короля Карла, нет. Ну что же, корона как корона, будем носить.

В этот день произошло еще два интересных события. Во-первых, вернулась «Благочестивая Марта». Кароль и Ян блестяще выполнили все мои поручения: распродали железо, закупили на вырученные деньги зерно, завербовали четыре десятка молодых парней мне на службу. Посетили Щецин и Дарлов, привезли письма. Во-вторых, королева Кристина пригласила меня вечером в свои покои на беседу. Кроме нее я застал там Мекленбургского посланника камергера фон Радлова. Разговор предстоял явно о делах в герцогстве, и начала его королева.

– Милый Иоганн Альбрехт, как ты себя чувствуешь в новом качестве?

– Сказать по правде, ваше величество, еще никак. Тяжесть короны, конечно, приятно чувствуется на голове, но карманы мои по-прежнему пусты. Мекленбургские родственники явно забыли приложить к ней положенное мне содержание.

– Так уж и пусты, ваша светлость? Король Карл был весьма щедр к вам, – вступил в разговор фон Радлов.

– Его величество умеет ценить верную службу. Однако его щедрость не отменяет обязательств моих дорогих кузенов.

– Вижу, люди, описывающие вашу хватку, нисколько не преувеличили, – усмехнулся камергер. – Это и есть причина, по которой мы с вами встретились. Отправляясь в Швецию, я получил достаточно подробные инструкции.

– Вот как! И какие же инструкции, позвольте спросить?

– О, перечислять их все займет слишком много времени. Скажу лишь, что ваши двоюродные братья имели сомнения в том, что человек, объявившийся в Стокгольме, – именно вы. Поэтому прежде чем передать вам знаки герцогской власти, я должен был убедиться, что вы есть вы.

– И что же вас убедило в том, что я есть я?

– Вы меня не помните, ваша светлость?

– Нет, а должен?

– Я достаточно часто бывал в Стрелице при дворе вашего батюшки. Ваша матушка герцогиня Клара Мария упомянула о вашем недуге, но выразила надежду, что он скоро пройдет.

– Недуге? Я бы не назвал это состояние так. Напротив, я считаю это благословением божьим. Забыв свое прошлое, я забыл обо всех несправедливостях, допущенных по отношению ко мне. Обо всех фальшивых улыбках и неискренних словах. Так что я совсем не удивился тому, что угодил в тюрьму по надуманному обвинению, и тому, что моя родня не стала за меня заступаться. Не потеряй я память, это стало бы для меня ударом.

– Вы полагаете, что в ваших злоключениях виноваты их светлости?

– *Is fecit cui prodest!* Ищи, кому выгодно!

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что моим родственникам была бы выгодна моя безвременная кончина. Их финансы, насколько я знаю, в весьма неприглядном состоянии. Страна разорена, а коррупция превышает все мыслимые пределы, и они с ней, замечу, нисколько не борются. Мои любезные кузены тратят свою жизнь и финансы государства на пустые развлечения, так что моя скромная рента может представлять для них определенный интерес. Как и мои наследственные владения. Ну а поскольку в такой вещи, как совесть, их упрекнуть трудно, мои подозрения вряд ли можно назвать беспочвенными.

– А что вы собираетесь делать теперь, когда получили корону?

– То же, что и раньше. Теперь, когда мои права надежно защищены, я могу не бояться, что Стрелиц, Милов и Ивенак будут у меня отобраны.

Я намерен послужить его королевскому величеству Карлу Девятому, дабы получить необходимый опыт и положение. Затем я вернусь в свои земли, женюсь, начну новую ветвь династии, наконец.

– Увы, ваша светлость, в вашей оценке состояния Мекленбурга много горькой истины. И дурное управление, и совершенно запредельная коррупция действительно имеют место.

Но знаете, есть два островка спокойствия в этом хаосе. Один из них – это вдовьи владения герцогини Софии, а другой...

– Стрелиц, Мирон и Ивенак, не так ли? Причем владения герцогини процветают благодаря умелому управлению тетушки, а мои – напротив, потому что я не вмешиваюсь, и все идет своим чередом?

– Я вижу, вы недурно осведомлены!

– Еще бы, я интересовался этим вопросом, впрочем, к чему этот разговор?

– В Мекленбурге есть определенные круги, недовольные правлением ваших кузенов. И часть из них полагает, что вы могли бы стать им альтернативой. Если бы вы смогли предоставить определенные гарантии дворянству и городам, полагаю, вы смогли бы объединить страну под своим руководством... Кстати, вдовствующая герцогиня также недовольна своими сыновьями и при определенных условиях могла бы...

Вот тут я задумался. Я и впрямь интересовался происхождением на своей нынешней родине, и чем больше узнавал, тем больше удивлялся. Двоюродные братцы Адольф Фридрих и мой полный тезка Иоганн Альбрехт были людьми на редкость пустыми. Иной раз я задумывался – а чего ради я так тщательно скрывался? Может, надо было просто заявиться в Мекленбург и пинками выгнать их из дворца? Вряд ли кто стал бы сильно сожалеть об этих коронованных тунеядцах. Впрочем, моя репутация, и особенно репутация

папеньки – тоже, мягко говоря, не очень. Да и до Мекленбурга еще надо добратся, а патрули, ищущие меня вплоть до самой Баварии, вполне реальны. Как и Карл Гротте, разговор которого я так счастливо подслушал в свое время. Кстати, все забываю спросить Хайнца, не родственники ли они. Но если вся эта история не затея моих кузенов, а им такое явно не под силу, то кто мой враг? И чем я ему успел так насолить? А теперь мне открытым текстом предлагают выгнать родню из герцогства и занять их место. С чего бы такой аттракцион невиданной щедрости?

– Господин камергер, давайте условимся так. Как только позволят дела, я посету, ну, скажем, Росток, где я мог бы встретиться с людьми, о которых вы говорите. И обсудить все интересующие нас вопросы. Как вам такое предложение?

– Как будет угодно вашей герцогской светлости! – поклонился фон Радлов.

– Кстати, друг мой, – обратился я к нему. – А под каким именем я стал герцогом Мекленбургским? Ведь один из моих кузенов мой полный тезка.

– Как-то так получилось, ваша светлость, что в народе вы известны под именем «странствующий принц».

– *Wandernde Prinz*? Иоганн Альбрехт Странник?.. А почему бы и нет!

Ну что же, с посланником поговорили, и вроде как продуктивно. Моя паранойя, правда, шепчет мне, что все это

«ж-ж-ж» неспроста, но посмотрим. Надо бы прочитать письма, но мне предстоит еще один визит. К Ульрике Спаре...

Еще когда я вез ее из леса, после достопамятной охоты, она тонко намекнула мне, что скучает вечерами. А ее падчерица скоро уедет и оставит бедняжку мачеху совсем одну. И я совершенно естественно пообещал скрасить ее одиночество. Правда, несколько позже, когда возможность соображать вернулась в ослабленные спермотоксикозом мозги, моя любимая параноя стала во весь голос кричать, что это ловушка. Поэтому на свидание я заявился в кольчуге и до зубов вооруженным, а пути возможного отхода из охотничьего домика, служившего местом нашего свидания, прикрывали мои brave наемники во главе с капитаном Хайнцем. Когда до Ульрики дошло, чего ради я так вырядился и почему постоянно подаю знаки в окна, она жутко развеселилась и одновременно слегка обиделась. Как-то у женщин это бывает одновременно. «Только такой болван, как ваша светлость, мог не знать, что я терпеть не могу своего отца и брата!» – заявила она мне. Короче, чтобы извиниться, пришлось попотеть; причем Ульрика, зараза такая, специально раскрыла окна и развлекала моих brave мушкетеров своими криками. Хотел было даже сказать ей, что «так, как она кричит, не бывает», но воздержался. Теперь мои наемники поглядывают на меня с чувством глубокого уважения. А Хайнц Гротте, похоже, просто боготворит.

Как выяснилось, с мужем у нее чисто деловые отношения,

и все, чего он требует, — это соблюдения приличий. Вот уж не думал, что у термина «шведский брак» такая давняя история. Как бы то ни было, нас наши отношения вполне устраивают. Поскольку она тоже придворная дама, днем мы иногда встречаемся во дворце и обмениваемся колкостями на радость греющим уши сплетникам. Все убеждены, что мы друг друга на дух не переносим, и мой мнимый роман с Эббой Браге прекрасное тому прикрытие. Ульрика, кстати, активная участница этой интриги, что, впрочем, вполне объяснимо. Внутри каждой женщины сидит активная сводница, всегда готовая содействовать любви, особенно запретной. Ну, кроме тех случаев, когда на предмет страсти есть свои виды. Ночи же принадлежат нам, хотя организовать встречу во дворце бывает достаточно сложно. Все же до галантного века еще лет сто и дворцовый разврат в моду не вошел.

Когда поутру я заявился в штаб-квартиру, у меня наконец дошли руки до писем. Хотел было напрячь с чтением Манфреда, но потом прикинул, что именно мне могут написать из Дарлова, и стал читать сам. Первым прочел письмо от герцога Филиппа. Дядя ожидаемо писал, что очень рад, что я прижился в Швеции и заимел свой корабль. Обещал все возможное содействие и выражал надежду на... короче, дядя был рад, что я не буду висеть у него на шее. Я как бы и не собирался. Ладно, озадачу Манфреда написанием вежливого ответа. Дядя ведь не в курсе, что я уже герцог. Порадую родню.

Второе письмо было из Дарлова. Формально его писала фройляйн Катарина, но речь шла об Агнессе. Если коротко, молодая вдова чувствовала себя прекрасно, беременность протекала без осложнений. Родственники притихли и ожидали результатов. Так что все шло по намеченному плану. Тут буду писать ответ сам. Надо намекнуть, что очень страдаю в разлуке. Ночами не сплю и совсем-совсем не могу кушать от тоски. Причем не называя имени: мало ли кто прочитает. Мэнни тут точно не справится.

Третье письмо – от матушки герцогини Брауншвейг-Вольфенбютельской. Майн либер муттер сообщала мне о мекленбургских раскладах, косвенно подтверждая информацию фон Радлова. Это есть гут. Поиски невесты пока успехом не увенчались, но она старается. Это тоже гут. Хм, а не сообщить ли маме, что кандидатура уже есть? Сильно вряд ли она найдет мне кандидатуру с бесхозным княжеством. То, что Агнесса вдова с ребенком, мне как бы по барабану. Ребенок там чужой только по паспорту, а Дарлов ничего так городишко. Цинично? Согласен. Негодую вместе с вами. Впрочем, не буду забегать вперед. Письмо пока напишет Мэнни, на тему, как я стал герцогом и сколько получил плюшек от короля Карла. Опаньки, а это что за приписка? «Известная вам особа, состоящая на нашей службе, ждет ребенка... – Марта беременна? О, блин! – Если она благополучно разрешится от бремени, я намерена позаботиться о малыше, ведь он ни в чем не виноват». Благородно. Впрочем, сын у

нее один, то есть я. Дети, рожденные от Августа-младшего, не выжили, а тут намечается внук. Все понятно, а мне что делать? В прошлой жизни у меня детей не было, так уж случилось. А вот тут уже сразу два, причем ни одного я своим не назову, так уж легли карты. Но если с Агнессой все, скорее всего, будет хорошо, то Марте надо бы как-то помочь. Впрочем, ничего больше того, что делает матушка, я сделать не смогу... хотя кое-что сделать все же можно. Достал шкапу с конфискованным у пиратов добром и начал перебирать ювелирку. Ну что тут скажешь – украшения простенькие, Ульрике таких не подаришь, не говоря уж об Агнесе. Вот и пригодились. Перстень, правда, явно мужской, запонки тоже ни к чему, не говоря уж об обручальных кольцах, а вот цепочка с крестиком и серьги как раз в тему.

Ну что же, с эпистолярным жанром покончили, пошли знакомиться с новобранцами. Молодые здоровые парни, завербованные Каролом в Щецине и особенно в Дарлове. Что, ребятки, наслушались баек моих мушкетеров о привольной жизни у принца? А теперь в строй! Капитан Хайнц, кстати, времени зря не теряет, и его капралы вовсю муштруют непуганый молодняк. Оружия у меня, слава богу, в достатке. Значит, так и порешим: с утра учение с мушкетами, после обеда – с холодным оружием, главным образом с пиками. Вот получу ружья от ван Дейка – подумаю насчет багинетов, а пока прогресса не форсируем. Чин полковника, пожалованный мне Карлом IX, предусматривает командование полком,

а щедрая денежная награда недвусмысленно намекает, что этот полк надо еще и сформировать. С этим, увы, не все так просто. Шведы в войска нанимаются не слишком охотно, по большому счету чисто шведский состав только в драбантах. Прочие войска – это наемники, причем в основном французские гугеноты и шотландцы. И те и другие при деле, переманить их дохлый номер. Начинаю понимать, что безработный капитан Хайнц Гротте, так вовремя нанявшийся ко мне со своей бандой, – это большая, просто невероятная удача. Ладно, время пока есть, продолжим вербовку в Померании. «Благочестивая Марта» разгружается, сходим еще раз в Померанию, глядишь, и на вербуем необходимое количество. Надо бы и в родной Мекленбург наведаться – должны же там быть потенциальные солдаты удачи?

А это кто? Господи, Клим? Жив, курилка!

– Как здоровье, Карл? (На людях мы говорим с ним только на немецком.)

– А чего мне сделается, ваша светлость?

– И то верно. Готов служить дальше?

– Да, мой принц, засиделся я!

– Бери выше: уже герцог.

– Поздравляю вашу светлость. Вы зря времени не теряете.

– Время – деньги. Причем у нас толком ни времени, ни денег.

– Это уж как водится. У меня до вашей герцогской светлости просьбишка будет.

– Говори.

– Уж больно меня ярл этот, чтоб ему ни дна ни покрышки, хорошо приложил. Тяжковато мне в море будет, да и команду Ян, шкипер ваш, целиком набрал, и боцман у него есть. Может, у вас на берегу пока для меня дело сыщется, а?

– Что же, верные люди всегда нужны. А что ты, кроме морского дела, знаешь?

– Ну, про грамоту я вам говорил. В торговлишке маленько соображаю. Пушкарем приходилось быть.

– Пушкарем? Ну-ка поподробнее.

– Да чего там, еще в Колывани, до того как в море ушел.

– Значит, так, найдешь среди моих людей парней потолковее, научишь с пушками обращаться. Пока «Марта» здесь, потренируются на ней, а там будет видно. Будет день – будут и пушки.

– А многих ли учить, ваша светлость?

– А всех и учи, а там разберемся, кто на что годится.

Сколько раз замечал, что стоит только жизни хоть немного наладиться и войти в накатанную колею – тут же случится какая-нибудь хрень и все пойдет наперекосяк. Вот только в прежней моей жизни это дико бесило, а сейчас даже радует. Нравится мне этот драйв. Странное дело: вокруг вроде бы дремучие времена, жизнь простых людей крайне неспешна и размеренна, но ваш покорный слуга всегда находит приключения на свою обтянутую бархатными штанами часть тела.

Все началось одним прекрасным вечером, когда герцог Мекленбургский, то бишь я, улизнув из дворца под благовидным предлогом, направлялся в гости к Ульрике Спаре в надежде выплеснуть накопившуюся энергию в сумасшедшем сексе, до которого она большая охотница. Отправился я, естественно, не один, мои верные Лелик и Боек сопровождали мою светлость. Такой уж век вокруг, что даже на randevу с дамой герцогу нельзя отправиться одному. Впрочем, мои паладины отнюдь не в убытке. Камеристка и служанка Ульрики, сопровождающие свою госпожу в ее секс-вояжах, выглядят очень довольными, когда встречают нашу бравую троицу.

Все шло как обычно: утолив первую страсть, мы лежали на перинах, болтая о разных глупостях. Мы молоды и здоровы – чего еще нужно для счастья? Внезапно Ульрика прижимает палец ко рту, мы замолкаем и слышим, как с нижнего этажа охотничьего домика доносятся стоны приближенных госпожи Спаре. Услышанное нас так забавит, что от смеха мы едва не падаем с кровати.

– Интересно, они там не меняются? (Упс! Я что, сказал это вслух?!) Ульрика смотрит на меня с непонятным выражением на лице, и один рогатый знает, что за мысли бродят в ее хорошенькой головке.

– А вот это уже не Лелик с Болеком!

Со двора явно слышен стук копыт от нескольких лошадей и приглушенная ругань на шведском. Ульрика, совершенно

не стесняясь своей наготы, вскакивает с постели и аккуратно выглядывает в окно.

– Вот проклятье! Принесла же его нелегкая!

– Кого именно принесла, моя прелесть? О, ты, наверное, сейчас представишь меня достопочтенному господину Спаре?

– Если бы! Господин Спаре достаточно благоразумен, чтобы заблаговременно оповещать меня о своем приезде. Все гораздо хуже: это мой брат со своими головорезами.

– Карл Юхан? Вот уж некстати!

– И не говорите, ваша светлость! А знаете что, прячьтесь. Я поговорю с ним – вряд ли он задумал здесь ночевать.

Что же, пожалуй, Ульрика права. На ходу натягивая штаны и сгребая остальную одежду и оружие, я прячусь в небольшой комнатке, смежной со спальней. Ульрика тем временем набрасывает на себя нечто вроде халата и собирается выйти со свечой в руках, когда дверь распаивается и в комнату вваливается молодой ярл Юленшерна собственной персоной. «А он изрядная свинья!» – приходит мне в голову мысль.

– Доброй ночи всем присутствующим! Надеюсь, я тебя не потревожил, сестренка! – громко и развязно приветствует он Ульрику. – Тебя и того господина, ради которого ты торчишь в этой развалюхе, вместо того чтобы блистать при дворе!

– Пфуй! Какая ты грязная скотина, Карл! И чего тебе только понадобилось здесь в такое время?

– Ты не рада видеть своего единственного брата? Или я помешал тебе наставлять рога этому старому дураку Спаре? Не тревожься, я ненадолго. Только узнаю последние новости, и можешь развратничать далее.

– Какие еще новости?

– Ты знаешь какие! Я хочу знать, не подавали ли жалобу королю эти чертовы голландские торгаши! Если подавали, то ты не можешь этого не знать!

– Если бы они ее подали, то не сомневаюсь, что тебя уже схватили бы и повесили, как ты того заслуживаешь! И уж я бы не пролила ни одной слезинки по такому отпетому мерзавцу, как ты!

– Ах, вот ты как заговорила, маленькая дрянь! А когда-то тебе нравились мои объятия и поцелуи.

– Замолчи, скотина! Это неправда, неправда, неправда!

– О, это еще какая правда! А что ты так нервничаешь – боишься, что о нашей маленькой тайне узнает твой любовник? Кстати, где он прячется? – с этими словами ярл стремительно подошел к двери в мое убежище и распахнул ее. – Где, здесь или под кроватью...

Этими словами Карл Юхан подавился, поскольку прямо в лоб ему смотрели стволы моего допельфастера. Одеться я не успел, а вот заряженные пистолеты у меня всегда под рукой.

– Какая неожиданная встреча, не правда ли? Знаете, Карл Юхан, меня достаточно сложно удивить, но у вас получается. То, что вы пират и вор, я знал и раньше, но вот о том, что вы

такая низкая дрянь, даже не подозревал. Назовите мне хоть одну причину, чтобы я не прострелил вам голову.

– Э... во дворе мои люди, их пятнадцать человек!

– Вы знаете, дорогой ярл, мне приходилось слышать, что в английских колониях в Новом Свете есть такая поговорка: «Если ваш мушкет на дюйм дальше, чем вы можете дотянуться, то у вас нет мушкета!» Забавные ребята эти английские колонисты, не находите?

– Чего вы хотите?

– О, пошел серьезный разговор. Вообще-то я хочу вас повесить. Помните, я предлагал вам выбор между выкупом и веревкой, и вы выбрали выкуп, а потом меня обманули? Не так ли? Но веревки тут нет, и я вполне могу удовлетвориться свинцом!

– Иоганн, умоляю вас! Ради всего святого, не убивайте его! – Ульрика неожиданно бросилась передо мной на колени. – Если вы хоть немного любите меня, оставьте ему жизнь!

– Вы просите за этого негодяя, Ульрика? Впрочем, ваше желание для меня закон. Не постигаю, правда, причин вашего милосердия с учетом того, что я услышал, ну да ладно. Вот что, любезный, высуньтесь в окно и скомандуйте вашей банде убираться ко всем чертям. Ну, скажем, до утра! Утром нас здесь не будет, а вы будете гарантом нашей безопасности, и помните, ради кого я пощадил вашу трижды никчемную жизнь! Да поживее, черт вас возьми!

Карл Юхан сверкнул с ненавистью глазами, но подчинился. Выглянув в окно, он прокричал своим людям приказание. Чтобы ярл не выкинул при этом какого-нибудь фортеля, в его спину упирались стволы моих пистолетов. Когда его люди ускакали, Лелик и Боек, слегка обалдевшие от разворачивавшихся вокруг событий, кинулись седлать лошадей. И вскоре мы вшестером покинули ставший таким негостеприимным дом. Братец Ульрики остался связанным и с заткнутым ртом на первом этаже дожидаться возвращения своих подчиненных. Проверив, хорошо ли затянуты веревки, я сказал ему на прощание:

– Что-то наши встречи заканчиваются довольно однообразно. Знаете что, держитесь от меня подальше: боюсь, что в следующий раз я вас все-таки убью.

К стольному граду Стокгольму мы подъехали под утро. Заспанная стража смотрела на нас без малейшего дружелюбия, но я все-таки полковник, так что пустили. Пора было прощаться, Лелик и Боек со своими подружками деликатно отстали, и мы с Ульрикой остались наедине.

– Мне, наверное, надо что-то сказать вам, – помявшись, протянула она.

– Зачем? Я и так узнал больше, чем вы хотели бы мне рассказать, не так ли?

– Да, пожалуй.

– Ну и не надо ничего говорить, вы будете чувствовать се-

бя неловко. Слушать это мне будет не слишком приятно. К чему тогда эти разговоры? Давайте просто расстанемся сегодня, как будто все прошло как обычно. А когда встретимся в следующий раз...

– Следующего раза не будет.

– Это еще warum¹⁹?

– Так будет правильно, нам не нужно встречаться. Я не должна...

– Сударыня, вы меня бросаете – я правильно вас понял?

Ответом мне было глубокое и красноречивое молчание.

– Ну что же, это, прямо скажу, новый для меня опыт, но, полагаю, необходимый. Не смею задерживать вас, сударыня.

– Ганс, я...

– Прощайте, сударыня. Всего вам доброго.

Едва я зашел во дворец Трех корон, меня чуть не сбил с ног принц Густав.

– Иоганн, дружище, война!

– Да ладно! А с кем? Хотя дай угадаю. Одна с поляками, другая с русскими – ты про какую?

– С датчанами!

– Час от часу не легче! И кто на кого напал?

– Король Кристиан вторгся в наши пределы во главе шеститысячного войска!

– И только-то? Я уж подозревал, что дело и впрямь серьезное. Думаю, в такой стране, как Швеция, найдется чем

¹⁹ Почему (нем.).

отразить нашествие шеститысячной орды.

– Все не так просто, Иоганн. Наши лучшие войска на-
ходятся в Новгороде и Ревеле, и нам просто нечем сейчас
встретить датчан. Если они возьмут Кальмар, то наше поло-
жение окажется весьма скверным.

– Дай-ка подумать, друг мой. А перебросить войска мы не
можем, потому что этому мешает датский флот, правильно?

– Именно!

– А можно узнать, какого черта наши войска вообще де-
лают в Новгороде?

– Ну, они посланы туда помочь царю Василию выгнать по-
ляков.

– О, это важное дело! В ходе этой помощи Жолкевский
втоптал наши войска в землю при Клушине, а потом Волкон-
ский выгнал Делавиля из Старой Ладogi. Я ничего не упу-
стил?

– Понимаешь, Иоганн, в Московском царстве сейчас труд-
ные времена.

– О, это понятно! И вы решили откусить от ослабевшего
соседа небольшой кусочек земли, так? Тем более что при-
гласивший вас царь Василий в польском плену.

– Не совсем, я не знаю всех подробностей, но в Новгороде
есть умные люди, которые хотели бы отделиться от Москвы.
И они готовы позвать на свой престол моего брата.

– Карла Филиппа? Помилуй, он еще ребенок. К тому же
кто эти «умные люди»? На самом деле всех таких умных

в Новгороде вывел еще Iwan der Schreckliche²⁰ Как его правильно? Иоганн Ва-силь-евич! И насколько я знаю, в сам Новгород русские вас так и не пустили.

– А вы, герцог, довольно хорошо осведомлены! – вступил в разговор незаметно подошедший Аксель Оксеншерна.

– Увы, далеко не так хорошо, как мне этого хотелось бы, иначе бы я знал, что делать в данной ситуации. Однако я пока не вижу выхода, кроме одного.

– И какого же?

– Сражаться, Аксель! Сражаться! Другого выхода у нас все равно нет!

Стокгольмский рейд выглядит непривычно пусто. Все знающие голландцы и ганзейцы ушли еще до начала датской блокады. Немногочисленные шведские суда, кажется, жмутся друг к другу в опасении нападения. Зато чуть мористее выход в море запирает многочисленный и грозный флот датчан. Еще совсем недавно, каких-нибудь сто лет назад, голову датского короля украшали три короны: Дании, Норвегии и Швеции. Кстати, одним из первых таких королей был мой предок со стороны матери Эрик Померанский. Норвежская корона до сих пор на голове моего кузена короля Кристиана, а вот шведы от такой радости все же избавились. Но, как видно, фантомные боли не дают спокойно спать датско-

²⁰ Иван Ужасный (нем.) – так звали Ивана Грозного в Европе, с подачи англосаксов.

му владетелю, и он очередной раз осаждает Кальмар. Делать это, имея всего шесть тысяч солдат, довольно опрометчиво, но только на первый взгляд. Датский флот господствует на море и прочно блокирует доставку подкреплений. Он и есть главная проблема в этой войне. Нарастить шведские силы быстро невозможно, строительство кораблей дело нескорое. Надо уменьшать силы датчан, но как?

В ожидании шлюпки с «Благочестивой Марты» я хожу по пристани и обращаю внимание на небольшие барки, выглядящие совершенно брошенными. Интересно, а что с ними? Впрочем, не до того. На «Марте» меня встречает невозмутимый шкипер Петерсон и образцовый порядок. Я грешным делом ожидал, что мой флейт мобилизуют, но, как видно, такое небольшое судно никому особо не нужно. Да и я, находясь на шведской службе, не последняя шишка на ровном месте. Если датчане попрут на штурм, Мекленбургский штандарт нас не спасет, так что команда и отряд моих мушкетеров находятся в боевой готовности.

– Эх, как все не вовремя. Еще неделька – и «Марта» могла бы уйти с грузом в Померанию! – обращаюсь я к Яну.

– Кто знает, ваша светлость, может, успею мы выйти в море – нас уже взяли бы на abordаж датчане, – невозмутимо отвечает мне Петерсон.

Н-да, утешил, называется. Но он прав – все могло быть гораздо хуже.

– Слушай, шкипер, а что там за брошенные корыта в порту

вроде рыбацких?

– Брошенные и есть, ваша милость, рыбаки и каботажники опасаются, что их заберут на королевскую службу, и прячутся от греха подальше. Тем более что на рыбалку их датчане не пустят.

– Я думал, принудительно вербуют моряков только англичане.

– Да какое там! Все так делают, коли нужда припрет.

– А корабли без присмотра?

– Ну почему же без присмотра. Стоит датчанам уйти – и у всех найдется хозяин и команда, а до той поры сидит на барке какой-нибудь никому не нужный старик или мальчишка-юнга и присматривает. А может, и без того: снасти убраны, люки задраены, что им сделается? А если и сделается, то все лучше, чем сложить голову «за бога и короля».

– Понятно, послушай, а есть в городе запасы легкогорючих веществ?

– Конечно, на складах всегда есть запасы смолы, дегтя и прочего. А что вы задумали?

– Да так, есть одна мыслишка. Пожалуй, мне пора возвращаться в город, если что случится – ты знаешь, что делать.

Через два часа я стоял перед Акселем Оксеншерной и объяснял ему суть своей идеи. Как я и ожидал, сама идея была не нова, и Аксель горячо ее поддержал. С конфискацией мелких судов, чьи собственники попрятались, проблем никаких не было. По-настоящему реализации моей идеи могли

помешать только две вещи: запасы дегтя, смолы и других горючих материалов принадлежали местным купцам и порту, и для конфискации их нужен был королевский указ. Увы, здоровье Карла IX от печальных известий пошатнулось, и он никого не принимал. Вторая проблема была в отсутствии экипажей. Капитан над портом, вызванный Оксеншерной, прямо заявил, что охотники на столь опасную затею среди местных моряков вряд ли найдутся. Я, честно сказать, не понял этого пассажи. Хотя ладно, наберу добровольцев среди своих людей.

Увы, дело это оказалось совсем не простым. Когда я озвучил, для чего мне нужны добровольцы, мои немецкие мушкетеры подумали, помялись, и наконец капитан Хайнц Гротте, вздыхая и пряча глаза, заявил мне, что он и его люди готовы идти за мной хоть в преисподнюю, при своевременной оплате, разумеется, но лучше где-то на берегу или по крайней мере в строю на палубе. Померанские парни были согласны как один, но они слишком мало знают и умеют. Ян Петерсон внимательно выслушал меня и, покачав головой, сказал, что найдет вместе с собой человек пять, может десять, но не более. Манфред, Лелик и Болек также согласились, хотя видно было, что им не по себе. Вызвался в добровольцы и Клим. В конце концов, сошлись на следующем. Брандеров изготовим четыре, поведут их команды из померанцев, усиленные моряками с «Благочестивой Марты». Командовать ими будут Кароль, Болеслав и ваш покорный слуга

с Климом. Мои приближенные попытались меня отговорить, но я был непреклонен. Уж больно меня задела нерешительность моих людей. Надо показывать пример. Переоборудование каботажников в брандеры много времени не заняло. Потребные материалы закуплены также на мои деньги. Если вернусь живым, траты мне компенсирует казна. Если не вернусь... впервые в обеих жизнях сел писать завещание, но бросил, не начав. К черту!

Ближайшей ночью, благо она была безлунной, наша импровизированная эскадра двинулась в путь. Зачерненные паруса и отсутствие огней в какой-то мере обеспечивали скрытность. Главная надежда на ночь и на то, что привыкшие к пассивности шведов датчане немного расслабились. Целью выбраны два больших корабля, стоящие чуть обособленно от остальной эскадры, атаковать будем парами. Мне нужна гарантия успеха. В моей команде шестеро парней из Дарлова и трое матросов с «Марты», я десятый. На всякий случай у каждого по пистолету из моих запасов и по хорошему тесаку. Остальные брандеры укомплектованы так же, разве что моряков поменьше. Цели разобраны заранее, наша – крайняя справа. Господи, помоги нам, грешным!

Громада вражеского корабля все ближе, и матрос, стоящий на румпеле, убедившись, что столкновение неизбежно, закрепляет его с помощью каната. Командую своим орлам, чтобы начинали перебираться в буксируемую нами шлюпку. Внезапно поднимается шум на другом корабле: очевидно,

часовые на нем более бдительны и заметили один из брандеров. На «нашем» корабле часовые тоже забеспокоились, но сдуру все внимание уделяют происходящему у соседей. Все мои подчиненные уже в шлюпке, в последний раз бросаю взгляд на противника и поджигаю фитили. Пора сваливать, и я по натянутому канату на руках карабкаюсь в шлюпку. Ноги в ботфортах уже касаются воды, когда меня подхватывают матросы и втаскивают на борт. Ну, вот и все – даже ног не промочил. Канат тут же обрубают, и гребцы налегают на весла.

Но и я на корме, и все гребущие напряженно всматриваются в происходящее. Вот брандер, на котором уже разгораются огни, с грохотом наваливается на борт вражеского корабля. Багры, которыми утыкан его нос, впиваются в обшивку, а крючья на реях за такелаж датчанина. Слышен треск и гудение, внутри брандера все больше разгорается огонь, и наконец он с грохотом вырывается наружу. Все, дело сделано! У нас получилось! В избытке чувств я подпрыгиваю, едва не перевернув шлюпку, и восторженно ору. Когда эйфория немного улеглась, смотрю в сторону второго датчанина. Почему он горит слабее, чем наш? Наверное, на одном из кораблей опасность заметили раньше, и их борьба за живучесть протекает более успешно. Хотя нет, вон взрывается порох в одном из зарядов, и огонь разгорается с новой силой, хотя и существенно меньше, чем на нашем «клиенте». Все, уходим!

Наши шлюпки идут к берегу, но, похоже, нашему при-

ключению далеко не конец. На одном из датских кораблей сообразили, что произошло, и его капитан решил хотя бы отомстить. В отблесках пожаров видно, как нам наперерез идет кажущийся огромным датский пинас. Проклятье! Сейчас этот мерзавец будет догонять нас и топить корпусом, или займет место между нами и берегом и потопит нас из пушек. Впрочем, что-то такое я предполагал, и у меня есть сюрприз. Датчанин идет с огнями, он уверен в своей безнаказанности и почти прав. Почти, потому что я не зря не взял с собой Яна Петерсона. Он сейчас на «Марте» и прикрывает нас. Хорошо, что за нами погнался именно пинас. Они обычно используются как транспорты и поэтому не слишком хорошо вооружены. Я же не пожалел денег на перевооружение, и сейчас Ян громит из пушек датчанина. Потопить он его, конечно, не потопит, но внимание отвлечет. Все, гребем отсюда, орлы – пока большие дяди заняты друг другом, у нас есть небольшой шанс. Ого, как бахнуло, наш «клиент» взорвался! Это хорошо, а что со вторым? Держится, сволочь!

Внезапно слева по борту раздается крик:

– Ваша светлость! Смотрите, чего эти окаянные делают!

Это Клим, он в любой темноте видит, как кошка, и теперь рассмотрел, что «Благочестивая Марта» и этот проклятый датчанин сцепились в абордаже.

– Табань!²¹

Вот проклятье, только этого не хватало. Впрочем, воз-

²¹ Табанить – грести в обратную сторону, то есть кормой вперед.

можно, все не так плохо. Капитан Хайнц со своими мушкетерами сейчас там. Он хотел твердой палубы? Да за-ради господ бога! Довольно ясно слышится залп мушкетов. Очевидно, датские абордажники ринулись на «Марту» – и встретили теплый прием. Это мне нравится, готовая к бою сотня мушкетеров – это сила! Да еще матросов Петерсон не в монастырях подбирал, так что датчане наверняка неприятно удивлены. Кричу в сторону шлюпки Клим:

– Карл! Как ты думаешь, сколько датчан сейчас на этом борту?

– Да нисколько, ваша светлость, все сейчас на «Марте» дерутся. Разве пушкари на борту остались, так и те... это вы чего такое удумали? Свят-свят! Чтоб меня царица небесная...

– Не богохульствуй! А лучше правь на этот проклятый пинас, у нас там сегодня вечеринка!

«Счастье покровительствует смелым» – так говорили древние. И они не ошиблись: мы добрались до борта датского пинаса незамеченными. Очевидно, удачным выстрелом на нем разбило рею, и ее обломок свисал, запутавшийся в снастях. По этим снастям мы и забрались на борт. Клим не ошибся, на датчанине почти не осталось народу, а те, что остались, напряженно наблюдали за схваткой. Поэтому наше появление было для них совершеннейшей неожиданностью. Особенно для столпившихся на надстройке нескольких офицеров и матросов. Пора познакомиться поближе.

– Господа, не подскажите, как пройти в библиотеку?

Неуместность этой фразы, да еще на латыни, так резанула слух господ офицеров, что они, недоуменно развернувшись, вытаращились на меня. Надо сказать, зрелище того стоило. Жизнь, полная приключений и физических нагрузок, весьма укрепила мое тело, но выглядел я все равно мальчишкой. Однако допельфастеры в руках определенно говорили о деееспособности. Блин, а я их еще брать не хотел – дескать, громоздкие! Один из датчан резко потянул руку к заткнутому за пояс пистолету. Ну, в морг так в морг, спустил я курок, и в голове храбреца возникло непредусмотренное природой отверстие. Матросы, очевидно, в древних языках сильны не были и тоже попытались дернуться. Но только попытались: Клим и мои померанцы с моряками быстро пресекли попытки сопротивления.

– Послушайте, что же вы молчите, это в конце концов невежливо! Кто командует этой посудиною, полной грубиянов?

– Я! – пробормотал один из них, к которому вернулся дар речи.

– О, очень рад! Позвольте представиться: герцог Мекленбургский, и кстати, вы ни хрена ничем не командуете, поскольку я взял вашу посудину на абордаж. Так что или вы сейчас сдадитесь со всеми своими людьми, или... море глубокое!

Бедолага датчанин пытался уяснить смысл слова

«gabano»²² и совсем запутался. В который раз ловлю себя на том, что обширные знания Иоганна Альбрехта в языках играют со мной злую шутку. Я, несмотря ни на что, привык выражаться и мыслить, как житель России начала XXI века, и речевой аппарат Мекленбургского принца послушно выдает эти словесные перлы, шокируя окружающих. Мои приближенные уже привыкли к моей манере выражаться и не обращают внимания, а остальные нередко зависают. Что же, повторяю все то же самое на немецком. Красота! Недаром Ломоносов говорил, тьфу, скажет, что на немецком хорошо говорить с неприятелем. Все сразу становится понятно. Переоценил я образованность датских моряков.

Но дело сделано, и датский горнист играет отбой. Половина датчан слышит команду и дисциплинированно возвращается на свой корабль. Остальные в горячке боя его игнорируют, но капитан Гротте свое дело знает и, поняв, что враг отступает, усиливает натиск. Так что отступление превращается в бегство, а вернувшись на свой пинас, они обнаруживают, что он уже захвачен. Сейчас самый ответственный момент. Если кому-то из датчан придет в голову блажь сопротивляться, они нас сомнут. Но перелом уже произошел, и люди, только что отчаянно дравшиеся в абордажной схватке, повинувшись команде своих обезоруженных офицеров, послушно складывают оружие. На «Марте» торопливо рубят канаты, пытаются отцепиться от датчанина. Выскакиваю на фальшборт и ору

²² Здесь: хрен (лат.).

во все герцогское горло:

– Ян! Хайнц! Куда вы, черт вас дерит, собрались? Я что, один должен призы брать?

Еле успеваю пригнуться, ибо мои верные мушкетеры, не разобравшиеся, что происходит, пытаются подстрелить своего работодателя. Я в ответ отчаянно матерюсь и в утренних сумерках вижу, как вытягиваются лица Петерсона и Гротте.

– Ваша светлость, это вы?

– Нет, мать вашу! А кто же еще!

– Но как?

– Да никак! Вы что же это, и впрямь думали, что я буду спокойно смотреть, как какие-то обалдуи пытаются взять на abordаж мою собственность? Да вы там с ума сошли! Ну-ка, abordажную партию сюда, пока датчане не очухались. И поживее, вы, тараканы беременные!

Кое-как поставив паруса, начали движение к берегу. Значительную часть датчан во главе с офицерами я сразу, от греха, отправил на «Марту». Так что командовал пленными Клим. Капитан Гротте с тремя десятками мушкетеров помогал ему контролировать ситуацию. Хайнц сразу заявил, что меня одного теперь ни за что не бросит, и перешел на захваченный пинас. Похоже, ему стало стыдно, что он не вызвался участвовать в ночной авантюре. Ну-ну.

Когда остальные датчане поняли, что произошло, было уже поздно. Гнаться за нами никто не стал, и можно было немного расслабиться. Я стоял на кормовой надстройке

и слушал рассказ капитана Хайнца. Оказывается, датчане поздно заметили «Марту» и схлопотали безответный залп из пушек в упор. В принципе, заметно. Но датчанин ловко сманеврировал, и корабли сцепились. В этот момент датчане кинулись на абордаж, но наши мушкетеры очень удачно разрядили свои мушкеты в гущу атакующих. Первая атака была отбита, но враг не сдавался и продолжал атаковать. Завязалась, что называется, «кровавая сеча», однако засевшие на надстройках мушкетеры продолжали вести действенный огонь, да и какой конец у шпаги острый – тоже знали. Команда же во главе с Яном вообще дралась, по выражению Гротте, как черти, так что когда с пинаса пришла команда отступать, исход боя уже сомнений не вызывал. Ну а мое эффектное появление превратило просто удачный бой в триумф. На вопрос, какие потери, Хайнец поднял к небу глаза. Ну, понятно, когда бы он их считал!

Тут у меня возник вопрос: а кому теперь принадлежит захваченный корабль? С одной стороны, его захватил я и мои люди, так что он вроде как мой. С другой стороны, я на службе, так что вроде как «наш»! На мой вопрос Хайнец подумал и, прочистив горло, ответил, что морской специфики он не знает, однако на суше дело обстоит следующим образом. Подбирать трофеи до конца боя – смертный грех, причем «смертный» в прямом смысле, за это вешают. Однако после боя солдаты (и их работодатель, то есть я) в своем праве. И все, что взято в бою, свято. Правда, верховное командова-

ние (король в данном случае) – также участвующая сторона, и пушки, знамена и прочее безоговорочно принадлежат ему. Более легкое вооружение, если оно солдатам не нужно (а мушкетеру второй мушкет на фиг не нужен), теоретически выкупается казной, а по факту все обходится без выкупа. Ибо не фиг! Пленные, которые могут заплатить за себя выкуп, – тоже добыча захватившего (естественно, не рядового солдата). Если вышестоящее лицо желает отжать пленного, оно может это сделать, выплатив соответствующую компенсацию. Так что надо подумать. С одной стороны, мне второй корабль сейчас вроде как не сильно и нужен. Наоборот, из-за блокады и моя любимая «Марта» резко перестала приносить прибыль и стала ее поглощать. С другой, кораблик-то хорош! С высокими ладными надстройками, раза в полтора больше «Марты», с двенадцатью пушками большого калибра и четырьмя малюго. Плюс ко всему этому великолепию вместительный трюм, к сожалению, пустой. А не прогуляться ли мне в каюту капитана? А капитан-то живет с вызывающей, я бы даже сказал непозволительной, роскошью! Салон, спальня, каморка для прислуги – и все это шикарно обставлено. Буфет ломится от серебра, гардероб полон весьма недурной одежды, на стенах ковры. Блин, чего тебе дома-то не сиделось, болезный? Впрочем, было ваше – стало наше! А чего в сундуках? Так-так, очень интересно, а тут что... держите меня семеро! Если тут меньше восьми тысяч серебром, то плюньте в мою герцогскую физиономию! Беру свои слова

насчет «Марты» назад!

Ласточка моя, солнышко, кормилица ненаглядная! Вернись на борт – весь штурвал облобызаю!

Встречали нас как героев. Кричали барышни «ура» и в воздух чепчики бросали! Принц Густав примчался на пристань и встречал меня вместе со всеми. Война с Данией началась крайне неудачно. Кальмар взят, держался только замок. Король Карл IX готовился выступить с армией на помощь, и наш успех весьма воодушевил шведов. Надо сказать, король в последнее время сильно сдал. Когда Густав Адольф рассказывал ему о нашем успехе, он выглядел очень рассеянным, говорил невпопад, а под конец поразил мою светлость в самое сердце. Он спросил меня, готов ли мой полк к выступлению. Я несколько растерялся, но стоящий рядом с королем Густав Адольф кивнул мне, и я с поклоном сказал, что по первому зову буду в первых рядах, или что-то в этом роде. Уже после приема Аксель объяснил мне, что его величество в последнее время не всегда хорошо себя чувствует, к тому же у него недавно был господин Спаре и чего-то наплел по моему поводу.

– Все понятно, граф, однако слово дано, и мне срочно нужен полк. Кстати, каков минимальный состав полка в вашей армии?

– Вы очень вовремя поинтересовались, ваша светлость. Ну-ну, я все понимаю, у вас не было времени. Вообще пешотный полк должен иметь примерно тысячу – тысячу две-

сти человек. Однако война началась так неожиданно, что во многих полках нет и половины.

– И если я приведу отряд в шестьсот человек...

– Никто не посмеет сказать вам, что вы не выполнили свой долг! У вас есть шестьсот человек?

– Если честно, то нет и половины. У меня рота мушкетеров в полторы сотни стволов. Я могу наберу местных жителей?

– Только добровольцев. Вообще шведы не слишком охотно идут в армию, особенно в нешведские части. Однако вы стали популярны, так что дело, может, и выгорит. А оружие у вас есть?

– На шесть сотен хватит. Я думаю. Наверное.

Вечером был мозговой штурм, на котором присутствовали все мои приближенные и офицеры. Когда я сказал, что у меня есть полторы сотни мушкетеров – я безбожно преувеличил. Абордаж не прошел для моих людей зря, так что всего в строю было и немцев, и померанцев девяносто шесть человек. Еще шесть десятков команды на «Марте», но от них на суше мало толку. Едва выйдя из дворца, я объявил собравшимся окрест зевакам, что набираю отряд «истребителей датчан». Присутствующие разразились приветственными криками, но записываться не спешили. Если бы можно было смотаться в Германию, то, вероятно, я наберу необходимое количество искателей приключений. Увы, на

это не было ни времени, ни возможности. Хайнц, как самый опытный в вопросах вербовки, предложил завербовать пленных датчан. Мысль была интересной, но пока ее отложили. Тем более что все пленные были моряками, а не пехотинцами. Ян предложил поступить по-английски, то есть напоить в местных кабаках как можно больше народу, а утром объявить, как им повезло. В принципе тоже ничего, но так вербуют матросов – когда они утром просыпаются с похмелья, корабль уже в море и деваться им некуда. Больше конструктивных предложений не было. В задумчивости я вышел из трактира папаша Густава с целью подышать. Уж больно голова устала от шума, производимого моим «штабом». Мое внимание привлекла вереница людей в цепях, которых гнали в сторону порта вооруженные стражники.

– А это кто? – спросил я у вышедшего вместе со мной Клим.

– Известно кто, – ответил он мне. – Каторжников на галеры гонят.

– Какие к нечистому галеры? Нас же до сих пор блокируют датчане!

– Так-то оно так. Только куда их девать, каторжников-то, не солить же!

– И что, много тут каторжников?

– А кто их, окаянных, считал? Галер много, и на всех, почитай, каторжники. Вольного-то туда никаким пряником не заманишь.

– А за что тут на каторгу отправляют?

– Да кто же их знает. Кого за разбой, кого за иную какую татьбу. Должников, бывает, за весло сажают. Особенно тех, кто налоги задолжал, тут с этим строго. Ну и пленные слушаются, кто за себя выкуп заплатить не может.

На следующий день я с утра был у Акселя Оксеншерны. В двух словах я объяснил ему суть своей идеи. Тот если и удивился, то виду не подал. Еще через два часа я стоял перед толпой заросших и оборванных людей в цепях. Я предоставил право говорить Хайнцу, а сам всматривался в лица каторжников, пытаюсь понять, что они за люди.

Хайнц не подкачал, он говорил простыми рублеными словами понятные любому недоумку вещи. Хотите и дальше горбатиться на веслах – сидите на попе ровно. Хотите вырваться отсюда и жить как лучшие люди на земле, солдаты герцога Мекленбургского, – тогда вставайте и идите к нам. У нас таких, как вы, только и не хватает... Увы, ему не удалось достучаться до сердец будущих военных. Лишь безразличное молчание было ему ответом. Н-да, опять непруха... Опаньки, а что это? Один из сидельцев поднимает кудлатую голову и неожиданно противным голосом кричит: «А чего это немак гавкает?» И все это на русском, причем явно оживившиеся каторжане одобрительно ржут. Офигеть!

Выхожу вперед и, подпустив хрипотцы в голос, отвечаю:
– С тобой, свинья, не гавкает, а разговаривает капитан

Ж... Гротте. Слыхал про такого? Нет? Сочувствую! И предлагает он вам, лишенцам, бросить к черту эти весла и заняться более почетным делом. А именно – стать моим солдатом.

– А ты-то что за гусь?

– Я-то? Принц заморский, Бова-королевич, слыхал? А тебе не один хрен, кто тебя, такого красивого, из-за весла вытаскивает? Нет, если тебе на галерах нравится – так я не против, оставайся. А вот если кому надоело, то вставайте и идем со мной, только думайте быстрее – недосуг мне.

– А с кем хоть воюешь, королевич?

– А тебе не все едино? Ну, с датчанами.

– А кем верстаешь?

– Пикинерами, ну или копейщиками, по-вашему.

Тут из толпы вылез здоровый звероватого вида мужик и прогудел:

– Не по чину мне в пешцы, я сын боярский!

Ага, похоже, это и есть неформальный лидер этой тусовки.

– Да хоть княжеский, мне без разницы! Вот будешь на Москве – там и будешь хоть боярином, хоть архиереем. А здесь либо у меня копейщиком, либо на галере гребцом. Покажешь себя – пожалую и конем, и саблей.

– А верно ли ты королевич, чтобы жаловать?

– Я герцог, и отец у меня был герцог, и мать из княжеского рода. В своей земле я все равно что царь, никого надо мной нет, и даже за столом римского цесаря могу сидеть, не сни-

мая шляпы.

– На православных нас войной не поведешь?

– Сейчас у меня война с датчанами. Как она закончится – неволиť никого не стану: хотите – служите дальше, хотите – отпущу на все четыре стороны. Мое слово крепкое!

– А запивная деньга с собой? – опять вылез кудлатый с противным голосом.

– Какая-какая деньга?

– А задаток, герцог-батюшка! Мы мыслим так, что воинские люди без оплаты не служат.

– Верно говоришь, но только то воинские. Они на службу приходят одетые-обутые, со своим оружием. Строй воинский знают, а ты как, датчанина в драной рубахе и с голым задом воевать будешь? Вот то-то! Кто ко мне пойдет, того накормлю, напою, в баню свожу. Одену, обую и вооружу. Да только смотрю, не получатся из вас воины, вы только языком горазды!

– Подожди, князь, слова обидные говорить! Воинское дело мы знаем. Тут, почитай, все ратные люди, есть стрельцы, есть казаки, Анисим, с которым ты лаешься, – тот и вовсе пушкарь. Коли ты нас и впрямь от сей неволи ослобонишь и против православных не поведешь, я тебе крест на верность поцелую и в бой пойду. А там как бог даст!

– Ну, вот и договорились! Эй, Гротте, скажи стражникам, чтобы колодки сбивали.

На большой поляне неподалеку от памятного охотничьего домика мы встали лагерем. В четырех больших котлах рядом с небольшой речушкой кипятили воду для импровизированной бани. В нескольких котлах поменьше варилась каша для моих новоявленных солдат. Пока бывшие каторжники добирались до места под руководством капитана Хайнца, я сделал небольшой крюк к лагерю королевских войск. Въехав в расположение, сразу же направил коня к маркитантам. У них явно было затишье, что, впрочем, понятно. Войска готовятся к выступлению, все, что нужно, уже купили, добычи еще нет и не ясно, будет ли. Все застыло в напряженном ожидании – и тут я, такой весь из себя. Одна отменно безобразная старуха, увидев меня, оживилась и закричала на весь лагерь противным голосом:

– Вы только посмотрите, какой красавчик пожаловал к нам! Что вам угодно, молодой господин? Вы только скажите, мы для вас все сделаем.

– Благослови вас господь, добрая женщина! У меня большое горе, не знаю даже, как вам и сказать.

– Уж вы, молодой господин, скажите как есть, а мы-то придумаем, чем вам помочь, – загалдели вокруг отовсюду вылезавшие из своих кибиток маркитанты.

– Меня бросила моя любовница-графиня, и я плакал три ночи напролет, а теперь думаю: может, вы, добрая женщина, поможете моему горю? – проговорил я самым постным голосом, подняв глаза к небу.

Громкий хохот, зазвучавший со всех сторон, был мне ответом. Старуха, сначала опешившая, смеялась громче всех, а потом, скрючившись в подобии реверанса, заявила, что «готова хоть сейчас». Дождавшись, пока смех стихнет, я, поседев, объявил:

– Слушайте меня все! Я герцог Мекленбургский! Никто из шведов не хочет идти в бой под моим знаменем, поэтому я нанял каторжников. Но поскольку мне не хочется вести в бой оборванцев, их надо переодеть. Кто у вас старший?

– Я, ваша светлость! – отозвался тучный мужчина, одетый в разодранный на спине колет не по размеру. – Вы обратились по адресу, но есть ли у ваших людей чем заплатить?

– Идите за мной! Там почти двести человек, и всех нужно одеть. Мой секретарь запишет каждую вещицу, а мушкетеры проследят за тем, чтобы вещи были стоящими. Потом я оплачу все сразу!

С этими словами я снял с пояса кошель и потряс им, гремя серебром.

– Да здравствует герцог Мекленбургский! – раздались крики. – Да здравствует Странник! Слава победителю датчан!

Поев, бывшие каторжники отправлялись в палатки, превращенные в бани. Тут же цирюльники стригли и брили желающих, а маркитанты бросали им по очереди детали гардероба и, стараясь перекричать друг друга, диктовали писарю,

что за вещь и ее стоимость. Пытавшимся безбожно задрать цену люди Гротте тут же без разговоров били в ухо, или куда попадет.

Через какой-то час гребцы стали немного похожи на людей. Казаки отнеслись к одеванию в иноземные шмотки индифферентно. Одежда – она и есть одежда. Остальные, видно было, втихомолку плевались, но выбора у них все одно не было.

Потом следовала церемония крестоцелования. Православного священника, к сожалению, не было, а вот библия, как это ни странно, нашлась. Клим откуда-то приволок. Похоже, его лютеранство сильно преувеличено. Присягнув мне, каждый получал шлем, кирасу, копье и тесак или шпагу, тут уж как повезет. Хватило почти на всех, остальным выдам завтра, в городском арсенале по приказу Оксеншерны обещали помочь.

Наблюдая за всеми этими движениями, капитан Хайнц спросил меня:

– Ваша светлость, зачем вы связались с каторжниками?

– А разве был другой выход? Ты думаешь, они совсем безнадёжны, Хайнц?

– Ну, судя по всему, с какой стороны братья за саблю – они знают. Но для боя этого мало: надо уметь держать строй, надо маршировать...

– Хайнц, дружище, ты знаешь, что такое бой стенка на стенку?

– Нет, а что?

– Это такая русская забава. Зимой они собираются на своих промерзших до дна реках, строятся друг напротив друга и дерутся. В строй может стать любой, богатый боярин или горожанин, купец или смерд, приближенный русского царя или последний холоп. В этом строю все равны. В драке можно все, кроме одного. Нельзя дать разорвать свой строй! Стой и держи удар и бей в ответ. Проигрывают те, кто не сдержал ударов и дал разорвать свой строй. Так что поверь мне, с этим проблем не будет.

– Странный обычай. А как быть с маршированием?

– А ты думаешь, просто из капитанов выйти в майоры?

– Ва... ваша светлость!

– Ну а ты что думал? Полковником буду я. Лелик и Болек пока только лейтенанты. Твой лейтенант Клюге пусть принимает мушкетеров. Ну а ты будешь майором!

– Ваша светлость, я не пожалею ни себя, ни палок, чтобы выучить их маршировать!

– А куда же ты денешься, дружочек!

Тем же вечером Ян Петерсон привел ко мне одного человека, которого представил как знакомого. Я внимательно посмотрел на него. Немолодой, но еще крепкий мужчина, одетый как зажиточный крестьянин. Диссонансом выглядел пистолет, заткнутый за пояс, и довольно дорогой кинжал на перевязи.

– Говорят, что вы, ваша светлость, хотите воевать с датчанами? – спросил он меня.

– Верно, а тебе что до этого?

– Я не хочу, чтобы датчане вернулись. Я не хочу, чтобы король Кристиан назначал тут везде своих фогтов. Я хочу воевать с ними.

– Ты один этого хочешь?

– Нет, со мной люди из моего дискрита, и из соседнего тоже есть. Нас почти две с половиной сотни, и мы уже воевали с датчанами. Но мы не хотим, чтобы, когда мы выгоним датчан, нас послали воевать куда-нибудь еще. Мы просто крестьяне, у нас много своих дел.

– Я понял, а от меня ты чего хочешь?

– У вас есть оружие, но нет людей. У меня есть люди, но мало оружия. Крестьянам нельзя иметь оружие. Вы даете нам оружие, и мы воюем с датчанами. Война кончается – и кончается наш контракт.

– А вы умеете им пользоваться?

– Немного.

И так это говорит, что я понимаю: умеет, стервец. Не знаю, где научился, но умеет. И вот что тут будешь делать? Хороших солдат из них быстро не получишь, тут время нужно. А времени-то как раз и нет. А если подумать, то все не так плохо: мотивация у этих людей есть. Наемнику в принципе по барабану, кому служить, нередко проигравшие тут же нанимаются к победителю. А у этих людей есть дом, семьи. Им

есть за что воевать.

– Как тебя зовут?

– Юрген Кноппе, ваша светлость.

– Я хочу видеть твоих людей. Если они такие же, как ты, я вас найму.

– До зимы?

– Хорошо, до зимы. Кстати, а почему вы не занимаетесь хозяйством, разве вам летом нечего делать на своих участках?

– Большие семьи послали отца или одного из сыновей. Одиноким помогают соседи. Одно лето и одну осень мы справимся.

Я подсуетился, и мой полк выдвинулся последним. Король обо мне, слава богу, забыл, а остальные военачальники понимали, что от моего полка толку мало. Шли потихоньку, впереди Юрген со своими партизанами. Для представительства у них номинальный командир Болек. Затем отряд бывших каторжников, командовал ими майор Гротте лично. И замыкали нашу колонну мушкетеры во главе с бывшим лейтенантом Ключе. Тот очень рад, что стал капитаном, и очень старался. Замыкал движение небольшой обоз. Я взял с собой кое-какие припасы – так, знаете ли, на всякий случай. Ну и несколько маркитантских повозок, куда же без них!

Люди Юргена и впрямь партизаны. Многие из них уже сталкивались с датчанами в прошлых войнах. Я выдал им

сотню мушкетов, таким образом, рота почти настоящая. Были и мушкетеры, и пикинеры. Копья, правда, у них коротковаты. Такое впечатление, что люди туда постоянно подходили. Видимо, датчане местным и впрямь не нравились.

Имелась у меня и небольшая кавалерия. Два десятка моих померанских драбантов экипированы по-рейтарски и составляли мою свиту. Лошадей дал Густав Адольф. До настоящих рейтар им, конечно, как до Китая пешком, но вид бравый. Эх, где же ты, мой «любимый» капрал Шмультке! Ты бы из них людей сделал. Но Шмультке у меня не было, и командовал «конницей» Кароль.

Я ехал вровень с «каторжанской» ротой и расспрашивал обо всем, стараясь узнать их получше. Здоровяка боярского сына звали Аникита, и с бывшим пушкарем Анисимом они были почти друзья. Почти – потому что вредный Анисим постоянно кого-нибудь донимал. Если некого, то Аникиту. Другая причина в социальном происхождении. Аникита, ни много ни мало, действительно «сын боярский». Не в том смысле, что его папа боярин, а в том, что принадлежал к категории служилых людей по отчеству. А Анисим происходил из посадских и на службу попал по прибору. То есть, исходя из европейских реалий, Аникита рыцарь, а Анисим из третьего сословия. Но общая беда их все равно как-то сплотила, и держались они вместе. Кстати, бывшим стрельцам и пушкарям я также выдал мушкеты. Так что здоровенный боярский сын шел с пикой, а намного более жидкий пуш-

карь тащил на плече довольно тяжелый карамульдук. Всего вооруженных огненным боем получилось четыре десятка. С устройством мушкетов они разобрались достаточно быстро, хотя, по их словам, у русских пищалей более простое устройство. Правда, куда проще-то? Немного поворчали об отсутствии бердышей, но я предложил заменить их веслами. Намек поняли и больше не возникали. Кстати, бердышами можно и озаботиться, вещь хорошая.

Главное, что меня интересовало, – откуда на шведской каторге взялось столько русских. Ответ оказался прост: большинство из них были сторонниками Лжедмитрия. Когда Василий Шуйский затеял переворот и человек, которого они искренне считали сыном Ивана Грозного, погиб, им ничего не оставалось, как присягнуть новому царю или бежать. По каким-то причинам Шуйский их в качестве царя не устроил. Почему именно – я не спрашивал, но судя по тому, что я знал, человек царь Василий был препоганый. Когда шведы вступили в войну на стороне Шуйского, они в плен и попали. Выкупать их было некому, и шведы не нашли ничего лучшего, как усадить их за весла. В принципе, могли и перебить.

– Так, значит, Василий Шуйский плохой, а Гришка Отрепьев в самый раз? – спросил я, дослушав историю злоключений русских в Швеции до конца.

– Не говори неподобающего, князь! – сверкнул глазами в ответ Аникита. – То был истинный царевич, о том каждому ведомо! – и обиженно замолчал.

– Ну посуди сам, герцог-батюшка! – вступил в разговор Анисим. – Беглого чернеца Гришку на Москве каждая собака знала. Он у бояр Романовых, еще до того как сан принял, долгонько отирался. Как его с Дмитрием Ивановичем перепутать? Чай, в Москве люди-то не дураки!

– Стало быть, то был истинный царевич?

– Истинный!

– И Шуйские его убили?

– Как есть убили, герцог-батюшка!

Надо сказать, большинство русских переименовало мой титул на свой манер и звало меня князем. Если хотели подматься, то «пресветлым». Но Анисим, не иначе как в пику остальным, именовал меня «герцог-батюшка».

– А если его убили, то кто сейчас в Тушине сидит?

– А кто же его знает, герцог-батюшка! Господь не без милости – может, и спасся царь от иродов.

Вот чует мое сердце, что Анисиму вопрос о престолонаследовании по барабану. Если и были какие мысли о «природном государе», то тяжелая работа гребца и плетка профоса выбили эту дурь из головы начисто. Другое дело Аникита – для него это вопрос первостепенный. Но крыть ему нечем. Хоть самозванец Дмитрий, хоть нет, а его убили! Так что тушинский вор самозванец точно, но что ему делать в этой ситуации и кому служить – непонятно. Хотя тут я ему помогу разобраться. Служить надо мне, здесь и сейчас! А там видно будет.

Как ни медленно мы шли, но Кальмар был все ближе. По словам Юргена, еще несколько миль – и мы, выйдя из леса, увидим замок. Грохот канонады уже слышался. Пора остановиться и оглядеться, а то, чего доброго, выйдем под удар латной конницы или еще чего похуже. Так, а это кто?

К нам бежали разведчики из числа партизан Кноппе. Опаньки, пока я не торопился в бой, бой поторопился ко мне. Нам навстречу двигалась кавалерия, причем, скорее всего, датская. И что тут прикажете делать?

– Вот что, Юрген, раздели своих и отведи по обе стороны дороги. Да так, чтобы вас видно не было! Если это датчане – они атакуют нас, и когда завязнут, бейте их с обеих сторон. Хайнц! Стройте наших «каторжан» посреди дороги! Ключе, где вы, черт вас дерит? У вас вторая линия! Vorwärts!

Сам со своими импровизированными рейтарами занимаю позицию в центре. Если это враг, а в этом я почти не сомневаюсь, то будем драться. Если все же свои, то буду выглядеть импозантнее, потому как понты в нашем герцогском деле дороже денег!

Непонятные кавалеристы мчались во весь опор, но увидев нас, перегородивших дорогу, остановились. Один из них настороженно приблизился и вдруг приветственно замахал руками.

– Ваша светлость! Слава богу, это вы!

Елки зеленые! Это же один из камергеров Карла IX, а я уж было хотел приказать стрелять.

– Что случилось? Вы мчались так, как будто за вами гнался сам дьявол!

– Хуже! За нами гонится король Кристиан! Сражение проиграно, его величество ранен, и мы пытаемся спасти его! Прикройте наше отступление, ваш долг спасти короля!

Вот не надо мне рассказывать, в чем мой долг!

– Где король?

– Он на носилках, скорее дайте нам проехать!

– Эй! Православные! Ну-ка расступись! – команду я.

Кавалькада проезжает мимо нас на рысях. Между двух лошадей импровизированные носилки с телом короля. Он в забытьи – похоже, его крепко зацепило.

– Отправляйтесь с богом! Спасайте короля и не беспокойтесь. Здесь сегодня датчане не пройдут!

– Храни вас бог, герцог!

– Что будем делать, Хайнц?

– То, что и планировали, ваша светлость! Эй, Клюге! Перегородите дорогу телегами. И маркитантскими тоже! У вас будет вторая линия. Фон Гершов! Отведите вашу горе-кавалерию назад.

– Может, их тоже на баррикаду?

– Нет, ваша светлость, толку тут от них будут немного. Пусть будут нашим резервом... ну или прикроют ваш отход. Кто его знает, как оно сложится. И раз уж вы понимаете варварский язык ваших новых солдат, переводите им мои команды.

По команде Гротте бывшие каторжане перегородили дорогу плотным строем в виде полумесяца. Получился огромный ошетилившийся пиками еж. В центре в глубине строя стояли немногочисленные стрельцы в две шеренги. Вскоре показался авангард датчан, численностью примерно в две сотни кавалеристов. Мы с Гротте как раз заканчивали инструктировать своих бойцов, и я, присмотревшись, решил, что они рейтары. Увидев нас, враги разделились. Одна половина осталась в резерве, а вторая бросилась в атаку. Узкая дорога не слишком удобна для караколя, но датчане, похоже, готовы были проделать его безукоризненно. В нескольких шагах от пик моих «каторжан» они слаженно остановили коней и приготовились открыть огонь из пистолетов, но именно в этот момент по команде капитана Хайнца, продублированной мною, первые шеренги пикинеров, уперев свое оружие в землю, опустили на одно колено, и по вражеским рейтарам хлестнул залп наших стрельцов. Нельзя сказать, что маневр был безупречен, но в общем и целом удался. Все же мушкет и пистолет обладают несопоставимой огневой мощностью, да и стоят стрельцы плотнее, чем в принципе возможно сомкнуть ряды кавалерии. Кстати, знают они свое дело туго, и едва первая шеренга разрядила свои ружья, их место заняла вторая. Пороховой дым мешает видимости, но деваться датчанам сильно некуда. Так что следует второй залп, и судя по крикам раненых, не менее эффективный, чем первый. А вот сейчас опасный момент: фитильный мушкет заряжа-

ется долго, а у следующих шеренг рейтар оружие наготове. Оборачиваюсь и вижу, что стрельцы, не дожидаясь команды, зажав фитили в левой руке, споро заряжают свое оружие. Двух залпов в минуту они, пожалуй, не дадут, тут тренировка нужна, но видно, что навыка на веслах не растеряли.

Дорога завалена трупами и ранеными людьми и лошадьми, однако датчане упорно рвутся вперед. Из клубов уже рассеивающегося дыма на нас вновь скачут рейтары. Остановка, залп – и разворачивают коней. Следующая шеренга, остановка, залп, разворот. Неожиданно в голову приходит мысль, что если бы датчане не разворачивали коней, а сходу атаковали палашами – они бы, пожалуй, нас смяли. Но вот мушкеты заряжены, фитили горят, и стрельцы готовы. Залп! Следом другой! Хорошо дали! Но датчане упорно караколируют. От ружейного и пистолетного грохота ничего не слышно, и Хайнц знаками показывает мне, что пора. Горниста у нас нет, но строй невелик, и мы с ним только что не пинками гоним стрельцов назад. В баррикаде между телегами оставлены небольшие проходы. Лошадь с ходу не пройдет, а пехотинцу в самый раз. За телегами стоят мои мушкетеры и ждут своего часа. Датский командир не видит нас в дыму и пыли, но, очевидно, считает, что достаточно проредил своим огнем обороняющихся, и командует атаку. Рейтары с лязгом врубаются в шеренги пикинеров, те в ответ с почетом принимают их на пики. Блин, ну кто же так делает, это же не рогатина! Аникита пытается поднять рейтара пи-

кой, черт его дери! У него получается! Тут Хайнц с силой толкает меня в бок и что-то кричит, страшно разевая рот. Да понял я, понял!

– Раздайся в стороны! – ору я, срывая голос. И пикинеры, как и было задумано, раздаются по сторонам от дороги, освобождая путь вражеским рейтарам.

Они с радостными криками продолжают атаку и с ходу упираются в баррикаду. Что, не нравится? Караколируйте теперь сколько вам угодно, пока мои мушкетеры, находясь в укрытии, будут вас расстреливать. Мои немцы действуют как единый механизм. Прицел, выстрел по команде – и отходят назад заряжать. Следующие, прицел, залп. Следующие. Страшная машина убийства себе подобных действует без сбоев. Датские кавалеристы понимают, что попали в засаду, и пытаются отойти, но не тут-то было. Хайнц опять командует, и мы с дикими криками атакуем, выставив вперед пики. Передовой отряд датчан обречен, осатаневшие русские бросаются на них, стаскивают с седел и убивают.

Датский командир пытается ввести в бой вторую половину рейтар, но неожиданно их начинают обстреливать из леса «партизаны» Юргена и Болеслава. Потеряв полтора десятка человек, те на рысях уходят из ставшего столь негостеприимным леса.

– Остановить резню! – команду я. – По крайней мере, доставьте мне хоть пару живых, чтобы допросить!

Вдруг с огромным удивлением наблюдаю рядом с собой

Аникиту. Он, очевидно, стащил какого-то датчанина с коня и теперь, подбооченившись, гарцует на нем. Красавчик, блин! Но ничего не скажешь – герой!

– Аникита!

– Да, княже!

– Отбери пару десятков человек и в темпе соберите все датское оружие, доспехи, всех уцелевших коней и вообще все, что найдете ценного, пока шведы Юргена не налетели. Пусть грабят тех, кого сами ссадили. Быстрее, говорю! – «В темпе» он не понимает!

Пока мои подчиненные занимаются благородным обща- риванием трупов, пытаюсь разобраться с потерями. Немцы, похоже, их вообще не имеют. Ну не удивительно! Шведов хрен разберешь, но, видимо, их потери также невелики. На рожон они не лезли. Основной удар пришелся на русских, и основные потери у них. Вот же черт! И всегда ведь у нас так, в чужом пиру похмелье! Стоп, а что это я разозлился? Вроде уже привык себя немецким аристократом ощущать, а вот по- ди ж ты! Просто животная злоба накатила. Так, надо срочно искать позитив. Если подумать, то все хорошо. Необученные толком солдаты показали в бою стойкость и, в общем, непло- хие боевые качества. Дрались жестко и умело против пре- красно обученного, передового по нынешним меркам про- тивника и победили! Не в одиночку, конечно, но все же! Вон Аникита уже прибарахлился, паразит! Шлем на голове и пи- столеты за поясом, кирасу, правда, не надел, так таскает. На

моих глазах заколол минимум двоих. Да еще коня отобрал у датчанина!

– Эй, сын боярский! Отбирай из своей каторжной банды людей, которых на трофейных лошадей посадим. Буду вас настоящему конному бою учить!

Тот в ответ недоуменно пожал плечами.

– Да нас учить – только портить, князь-надежа! Мы и сами хоть куда!

– Вот как, а скажи мне тогда, мил человек, чего же вас бьют-то все кому не лень? Ведь не дураки, и руки откуда надо растут, и дело воинское знаете, а только вас какие-то поляки по всей Руси-матушке гоняют! – вновь завожусь я. – Что, мать вашу, вылупились? Ну, хреновый вам царь Шуйский! И Годунов негож! И Дмитрий самозванец, да и хрен бы с ними со всеми! Но почему у вас какие-то казаки воровские, какие только и могут, что от татар бегать, хозяйничают как в Диком поле? Тьфу, глаза бы мои на вас не смотрели!

И я быстрым шагом прохожу сквозь толпу бывших каторжников, расталкивая их. Да что же это такое! Опять завелся с полуоборота. Нет, нервное это дело – война.

Едва закончили подбирать трофеи, как я услышал звук трубы. Похоже, парламентары от датчан. Ну что же, пойдем, пообщаемся. Эй, Кароль, Хайнц, поехали!

Парламентеров четверо: два офицера и горнист со знаменосцем. Знамя, кстати, не абы какое, а королевское. Один из офицеров держится чуть в стороне и настороженно зыркает

на меня. Другой, поклонившись в мою сторону (понимает, стервец, у кого тут статус высокий), представляется полковником датской гвардии Гунаром Фенсбю и доводит до нас волю своего монарха:

– Его величество Кристиан Четвертый восхищен вашей храбростью и милостиво разрешает вам покинуть поле боя с оружием и знаменами!

О как! А его величеству нимб не давит? Хотя шведская армия разгромлена и он, очевидно, чувствует себя главным петухом в скандинавском курятнике. Если же он поторопится и захватит сейчас короля Карла, то победа у него в руках. Понятно! Зачетная попытка, но не сегодня.

– Передайте моему кузену королю Кристиану, что я также восхищаюсь его храбростью и воинскими талантами. Но сегодня он по этой дороге не проедет!

Мое заявление вызывает ступор у господина Фенсбю. Он растерянно оглядывается на своего спутника и явно не находит, что сказать. Надо заметить, что мы с королем Кристианом действительно довольно близкие родственники. Его мать королева София Мекленбург-Гюстровская и мой папаша Сигизмунд Август – двоюродные брат и сестра. Так что мы с ним троюродные. К слову, его старшая сестра замужем за королем Англии и Шотландии Яковом Стюартом. Так что Карл, которому Кромвель в свое время оттяпает голову, мне как бы племянник.

– Так это вы – принц Иоганн Альбрехт Мекленбург-

ский? – нарушает молчание второй офицер.

– С вашего позволения, герцог Мекленбург-Стрелицкий. – с легким поклоном подтверждаю я. (А чего это Фенсбю таращится с таким пиететом на своего спутника?)

– Так это вы сожгли мои корабли под Стокгольмом? (Ах, вот оно что!)

– Увы, ваше величество!

– Дорогой кузен! А как вы вообще оказались в Швеции?

– Превратности судьбы, ваше величество!

– Да, я слышал кое-что о ваших злоключениях. Но почему вы отправились в Швецию, а не, к примеру, в Данию?

– Так уж получилось!

– Когда у вас в следующий раз что-то случится, вспомните о своих датских родственниках. Мы умеем ценить талантливых людей.

– Всенепременно.

На лице самодержца всея Дании и Норвегии между тем, несмотря на любезную речь, написано горячее желание удавить невесту откуда взявшегося родственника. (Фи, ваше величество, какой у вас дурной вкус!) Понимаю, понимаю: победа уже была в кармане, оставалось только захватить вражеского короля – и на тебе. Ничего-ничего, привыкайте.

Раскланявшись со всей возможной учтивостью, высокие договаривающиеся стороны разъехались к своим отрядам.

– Что будем делать, kameraden²³? – спросил я своих офи-

²³ Товарищи (нем.).

церов.

На лице Гротте и Ключе было написано «что прикажете». Кароль же, выпучив глаза, спросил:

– А разве вы, ваша светлость, не пообещали королю держаться тут до последней крайности?

– Ну, во-первых, не королю! Его величество, дай ему бог здоровья, был без памяти! Во-вторых, я не обещал, что буду торчать здесь себе на погибель. Я сказал, что сегодня тут датчане не пройдут, и они не прошли. Так что свою задачу мы выполнили, надо и о себе любимых побеспокоиться!

Кароль, сделав глаза еще больше, оглянулся на остальных, но наемники всем своим видом выражали полное согласие с моей светлостью.

– Кароль, что тебя беспокоит?

– Но ведь датчане могут еще раз...

– Господи! Дай мне сил! Послушай, Кароль, что там происходило под стенами Кальмара последние трое суток?

– Сражение!

– Правильно, молодец! И как ты думаешь, дружок, датчане сильно устали? И чем они сейчас, по-твоему, занимаются? Чтобы сбить нас с этой дороги, королю Кристиану нужна пехота. А она сейчас отдыхает и азартно делит то, что награбила на трупах и отняла у пленных. И раньше, чем завтра, он их не поднимет. Кроме того, не вся же шведская армия разгромлена? И как они будут отходить, если не по этой дороге? Кристиан, кстати, изрядно рисковал, бросившись пре-

следовать Карла. Он мог, конечно, выиграть войну, захватив своего противника, а мог и все проиграть, попавшись сам.

Мой монолог прервал человек, присланный Юргеном.

– Ваша светлость, датчане уходят!

– Ну вот видите, моему кузену или его приближенным пришла в голову та же мысль. Ну, поскольку «светлых» мыслей ни у кого больше нет, делать будем так. Хайнц, собирайтесь и будьте готовы к отступлению. Если на нас будут выходить остатки шведского войска – ставить в строй без разговоров! Манфред, садись и пиши победную реляцию! Я потом прочитаю, а Кароль отвезет ко двору. Что значит «не умеешь»? Да это проще простого. Нас сколько датчан атаковало, две сотни? Пишешь две тысячи. Сколько залпов мы сделали, прежде чем они отступили? Вот-вот, пишешь, что бились до вечера. Сколько вражеских трупов? Правильно, перебили всех на хрен! Так, что еще? Значит, так, если рядом ручей – пиши, что река, если холм, то гора. И, тьфу, нечистый, чуть не забыл самое главное: обязательно напиши, что король Кристиан был так восхищен нашей стойкостью, что лично салютовал нам шпагой!

Ну что же, всех вроде озадачил – пойду посмотрю, что там мои «каторжники» делают. Главные потери пришлись как раз на них, но вроде как не унывают. Аникита морду воротит. Обиделся! Ничего-ничего, привыкай, тебе полезно будет, боярский сын.

– Ну рассказывай, всех на коней посадил?

– Тех, кто на ногах стоит, – всех, княже. Стрельцы только пешие остались, но им и ни к чему.

– А сколь получилось?

– Семь десятков и еще трое.

– Погоди, это что же – почти восемьдесят побитых?

– Ну, княже, не всех до смерти. Господь не без милости – может, и оклемаются кто.

– Сколько?

– Два десятка и еще семь насмерть поубиты, еще с десятков тяжело поранены, вряд ли выживут. А прочие должны встать.

– Вот оно как. Ну, упокой господи душу новопреставленных рабов своих. – Мы с Аникитой перекрестились, каждый на свой лад. – Ладно, показывай своих конных. Да-да, своих, будешь у них хорунжим пока, а там поглядим. Что за люди, какого звания, роду-племени?

– Да разные. Есть дворяне, есть дети боярские, есть холопы боевые, казаки опять же.

– Казаки запорожские или донские?

– Все больше городовые, княже. Хотя и такие, как ты сказал, есть.

– Саблю-то хоть держать умеют?

– Княже! Христом-богом тебя молю, не срами нас так более! Все мы люди служивые и дело ратное знаем. Немецкому строю, может, и не обученные, но и с ляхами, и с татарами не раз переводывались, и не только они нас били, а бывало,

и мы их.

— Ладно-ладно, прости, Аникита, ежели чего в сердцах сказал. А все же строю я вас немецкому выучу, если живы останетесь, конечно!

Тем же вечером основная часть моего «полка» пошла назад под командой майора Хайнца. Раненых постарались разместить на телегах. Мушкетеры и стрельцы в боевом охранении. Я остался с людьми Юргена и со своей новоиспеченной «кавалерией». Кароль слезно умолил меня не посылать его ко двору, а оставить воевать. Болеслав, быстро смекнув, в чем дело, тоже наотрез отказался быть посыльным. Так что с победной реляцией пришлось ехать Мэнни. Поначалу я и сам собирался отступить, но вид большой свежевскопанной братской могилы навел меня на кровожадные мысли.

Оставив лошадей с коноводами в укромном месте, мы глубокой ночью вышли к лагерю датчан. Загодя высланные на разведку шведские крестьяне доложили, что более-менее тщательно лагерь охраняется со стороны Кальмарского замка. Артиллерию тоже стерегли крепко, так что первоначальный план взорвать пороховой склад и заклепать пушки был пересмотрен. Вместо громкого и эффектного нападения мы решили по-тихому подойти к бивуаку наемной пехоты и перерезать, сколько сможем, спящих. Дело осложнялось полным отсутствием темноты. Белые ночи, чтоб их! Но к утру задремали самые стойкие часовые, и мы двинулись вперед.

Часовых, грубо нарушивших устав гарнизонной и караульной службы, сняли казаки. Юрген, очевидно в силу своей крестьянской натуры, встретил предложение перебить врагов спящими со всем пониманием. Казачки тоже. Аникита поморщился, потом рассудил, что татары так делали им, и они татарам тоже. А датчане те же басурмане и ничуть татар не лучше, так что урону чести не будет. А вот Лелика и Болека с драбантами я оставил в резерве. Парни молодые, сердца еще не зачерствели спящих как баранов резать. Сам сначала тоже не хотел идти, но потом мое дурацкое шило в известном месте сыграло, и я, обманув своих приближенных, сказал, что пойду посмотреть караулы.

Сначала все шло как по маслу. В легких сумерках ополченцы и казаки как привидения скользили по лагерю датчан, подбираясь к спящим. Увы, мало кому из них суждено было проснуться этим утром. Вот вижу, как казак нагибается над своей жертвой. Одна рука зажимает рот, а вторая отточенной сталью вспарывает трепещущее горло. Короткий всхрип – и все кончено! А убийца уже ищет новую жертву. Вот крестьяне осторожно вспарывают полотно палатки и как тени проскальзывают внутрь. Буквально через минуту они выбираются оттуда. Все кончено! Боже мой, за каким рогатым я поперся с ними! Меня сейчас вывернет от этой убийственной деловитости. Ведь ясно же было, что я так не смогу! Ну в бою, ну застрелить, ну зарубить, но не так же... Что это? Какой-то не вовремя проснувшийся датчанин смотрит

на меня ошалевшими глазами и собирается закричать. Еще не поняв, что случилось, я на одних реффлексах выхватываю дагу и втыкаю несчастному в горло, одновременно подхватывая начинающее оседать тело, чтобы оно, падая, не разбудило остальных. Из разрезанного горла с бульканьем льется кровь, обильно меня орошая. Ну что, чистоплюй, допрыгался? Терпи теперь. Ничего, не обрыгаешься!

Ну все, хорошего понемногу – надо уходить сейчас, пока есть возможность. Яростно машу руками своим башибузукам, других слов нет после увиденного, чтобы возвращались. Скоро подъем, пусть датчане сами додумывают, что здесь произошло, а нам пора. Я смотрю, многие вошли во вкус и уходить не торопятся, но нет, потянулись, заразы. Некоторые не просто возвращаются, но и тянут на себе что подвернулось под руку. Хозяйственные, мля! Правда, в основном крестьяне, но и казачки не отстают.

Едва мы углубились в лес, в датском лагере поднялся шум. Крики ужаса сменились выстрелами, потом еще большими криками. Но мы уже уходили. Когда достигли лошадей, шум был почти неразличим.

– Юрген, мы возвращаемся, ты с нами?

– Ваша светлость, мы хотели воевать с датчанами. А датчане остаются здесь, и мы бы хотели...

– Я так и думал. Что же, ты знаешь теперь, что делать. Только запомни одно и передай своим людям.

– Да, ваша светлость, – Юрген, повинуйся моему знаку,

наклонился ко мне.

– Не дай бог ты или кто другой под пыткой или на исповеди кому-то расскажете, что это я вас надоумил резать спящих... – яростно шепчу ему на ухо.

– Я понял, ваша светлость! – с поклоном говорит мне партизанский вождь и удаляется.

– Эй, brave кавалерия! Ну-ка, все на конь и уходим отсюда! – командую я своему воинству.

– Ваша светлость! – шепчут мне, опасливо поглядывая, братья фон Гершов. – Вы весь в крови!

– Разве? А, вот это! Это я упал неудачно!

Когда мое brave воинство подходило к стольному граду Стокгольму, вид у нас был самый что ни на есть впечатляющий. Гротте с мушкетерами я оставил позади. Пока я вовсю веселился, то есть сначала занимался ночным разбоем, а потом уходил от порядком озверевших датских рейтар, он довольно успешно на вербовал из бежавших от разгрома шведских наемников больше сотни солдат, и теперь под его командой, включая стрельцов, две сотни мушкетеров и восемьдесят пикинеров. Чем вам не батальон? Мои драбанты следовали в арьергарде, а впереди гордо дефилировала краса и гордость шведской королевской армии – хоругвь (кажется, так сейчас такое подразделение кавалерии называется) бывших каторжников, одетых в трофейные латы и пугающих обывателей своими бородами. И все это с песней!

Сначала я просто спросил, какого черта едем как на похоро-

ронах. Одолевавшие меня минорные мысли просто просили какого-то выхода. Люди не заставили себя просить и затаили какую-то заунывную хрень. В ответ я приказал им заткнуться, а то у окрестных коров молоко попропадает. Что же, музыка за прошедшие столетия сильно изменилась, и моей светлости такими песнопениями было не угодить. На вопрос «а какого рожна тогда герцогу-батюшке надо?» моя светлость запела самостоятельно. Будь у меня иное настроение – я бы осчастливил окружающих песнями из незабвенного «Ивана Васильевича», но поскольку на душе было грустно, я завел «Когда мы были на войне» из творчества Пелагеи.

Песня моим орлам понравилась, особенно казакам, которые сопровождали каждый куплет совершенно разбойничьим свистом. Аникита хотя и кривился от упоминания табака, но все равно подпевал.

Леденящие кровь слухи о «Кальмарской резне» обогнали мой отряд и, судя по всему, достигли ушей двора. Во всяком случае, когда я вошел в тронную залу в сопровождении верных Лелика и Болека, все разговоры стихли, а глаза как по команде повернулись в нашу сторону. Никто, впрочем, не поспешил подойти, чтобы по обыкновению перекинуться парой фраз. Понятно, выжидают. О, Манфред! Нарисовался мой верный секретарь, которого я не видел с тех пор, как послал с реляцией! Ты где был, паразит, кто мне должен придворные расклады докладывать?

– Ваша светлость герцог Мекленбургский! Вас ожидает его королевское величество! – провозгласил камергер.

Ну что ж, пойдем поздороваемся. Пока шли, Мэнни вкратце обрисовал картину. Карл IX откровенно плох, хотя разум его тверд. Власть потихоньку переходит к наследнику и Оксеншерне, но «старая гвардия» сопротивляется как может. Вот и сейчас старому королю господин Спаре усердно капает на мозги на тему, что поторопись герцог (то бишь я) к армии – никакого разгрома и не случилось бы! Принц, кстати, верный дружескому долгу, меня защищает. А моя реляция сыграла в этом смысле злую шутку. Дескать, если я так славно бился в лесу, то под стенами Кальмара и вовсе всех одолел бы! Ну-ну.

Его величество лежал на кровати с балдахином. Рядом суетились несколько человек в темных одеяниях, походу врачи. Чуть поодаль стояли придворные во главе с господином Спаре. Ну, вот и познакомимся. В стороне, явно дистанцируясь, принц Густав Адольф и граф Оксеншерн. А где же... ах, вот в кресле с другой стороны кровати королева Кристина.

Я обвел диспозицию взглядом и отвесил его и ее величеству почтительный поклон. Чуть менее торжественно поклонился принцу, тот ответил с улыбкой. Господа придворные получили просто кивок, а я начал докладывать. Дескать, прибыл и готов к новым свершениям.

Его величество внимал мне... ну, скажем так, почти бла-

госклонно. Впрочем, стоящему поодаль господину Спаре этого не было видно, и он начал атаку.

– Как случилось, что ваша светлость со своим полком опоздал к началу сражения?

– Ну, вас там и вовсе не было! – спокойно парировал я.

– Однако...

– Однако я со своими людьми атаковал превосходящие силы датчан днем и ночью. Не давал им ни минуты передышки и заставил отступить! У меня не было времени сформировать настоящий полк, и я повел в бой каторжников, вооруженных дрекольем. А теперь они вооружены датским оружием и одеты в датские же доспехи. Каждый из моих людей убил минимум пятерых датчан (ой, что это я так скромно-то!), и никто не смеет упрекнуть меня в том, что я плохо выполнил свой долг!

– Мы довольны вами, герцог, – слабым голосом подвел итог нашей перепалке король. – Я устал сейчас, но у меня еще есть к вам дело. Однако его мы обсудим позже, а теперь ступайте.

Выйдя от короля, мы напрямик отправились к принцу.

– Дружище, ты все больше и больше меня поражаешь! – восторженно воскликнул наследник. – Ты задержал железную лавину датской кавалерии (молодец Мэнни). Ты отверг щедрые посулы короля Кристиана (какие, какие посулы?). Право, ты просто герой из античных времен.

– Полно, Густав, ты заставляешь меня краснеть. Я просто оказался в нужное время в нужном месте.

– О нет, друг мой, там была чертова прорва народу, но ни один не сделал и половины...

– Умоляю, хватит восторгов. Давайте лучше поговорим о делах. Кто сейчас командует армией?

– Экгхм... сейчас, – прокашлялся Аксель, – сейчас никто.

– Это плохо. Нам нужно взять на себя командование и выигрывать эту войну.

– Выигрывать? Ваша светлость знает как?

– Я знаю, как ее не проиграть. Сиречь выиграть. Итак, господа, слушайте! И не говорите, потом что вы не слышали. Ваше высочество, для войны необходимы три вещи. Вы знаете какие?

– Э... я полагаю, армия, пушки, припасы...

– Н-да, ваши учителя, как я и говорил раньше, учили вас всякому вздору. Не хмурьтесь, Аксель. Итак, первая вещь, необходимая для ведения войны, – это деньги! Вторая вещь – это тоже деньги. И третья, как бы вам это ни показалось странным, – тоже деньги. Потому что если у вас есть деньги, вы можете нанять войска, купить пушки и все необходимые припасы. А если денег нет, то ваши солдаты разбегутся, припасы, не будучи пополняемыми, кончатся, а пушки достанутся противнику.

– Интересный взгляд на войну, хотя, пожалуй, верный, – улыбнулся Оксеншерн. – Беда в том, что у нас нет ни пер-

вого, ни второго, ни третьего.

– Тогда нужно лишить средств ведения войны короля Кристиана.

– Но, черт возьми, как?!

– Давайте рассуждать логически. У датчан есть армия и есть необходимые припасы. Армия понесла значительные потери, но они смогут их восполнить, потратив еще какое-то количество денег. А вот если их лишить еще и припасов, то денег им, пожалуй, уже не хватит. Значит, нужно ударить по их магазинам.

– Что же, план неплох, осталось только узнать, где они.

– Тоже мне бином Ньютона!

– Что, простите?

– Я говорю, элементарно! – Блин, да когда же я за языком следить научусь! – Помните, я при атаке брандерами датского флота захватил пинас?

– Это тот, который стоит у причала под вашим флагом и на который не пускают королевских чиновников? – с невинным видом уточнил Аксель.

– Ну да, так о чем это я, ах, вот он-то пинас занимался доставкой всяческих припасов в один интересный городок под названием Кристианополь. Где, собственно, и находятся магазины армии короля Кристиана.

– Это вам капитан захваченного пинаса рассказал? Ну, тот, которого вы, в отличие от рядовых матросов, не сдали в крепость.

Голос графа Оксеншерны можно было мазать на хлеб вместо меда. Если он хотел своими намеками возбудить любопытство наследника престола, то ему это вполне удалось.

– О чем вы, граф?

Так, надо срочно пресечь этого любителя подначек. Так сказать, во избежание.

– Любезного графа Акселя мучает совесть, ваше высочество! Он внезапно вспомнил о том, что я на свои деньги организовал атаку брандерами датского флота, и шведская казна мне до сих пор не возместила этих трат. Господин Оксеншерна крайне сожалеет о том, что я несу на плечах значительную часть затрат королевства Швеция на войну с Данией. И скорее всего, пытается плавно подвести вас к мысли, что нехудо было бы эти траты возместить. Не так ли, любезный граф?

Любезный граф поперхнулся – очевидно, у него все-таки была несколько иная цель. Но Густаву Адольфу высказанное мной показалось не лишенным оснований, и он вопросительно взглянул на своего друга.

– Вне всякого сомнения, ваша светлость, вам в самом скором времени возместят ваши потери, – торжественно провозгласил Оксеншерна. – Вам надо будет только представить смету ваших затрат...

– Нет ничего проще! – воскликнул я, перебив его. – Кстати, этот документ давно составлен и совершенно случайно сейчас со мной. Благоволите, любезный граф!

Любезный граф с кислой улыбкой принял документ, который я совершенно случайно таскал с собой третью неделю, и поклонился.

— Кстати, герцог, мы организовали атаки брандерами еще трижды, но ни одна не достигла цели! Как вы полагаете, почему? — спросил меня Густав Адольф.

— Потому что всякий сюрприз бывает сюрпризом только один раз, ваше высочество, — с улыбкой ответил я. — Если бы ваши люди, руководящие флотом, сразу поддержали мое начинание, мы бы спалили весь датский флот. Увы, теперь они настороже, а средства, потраченные на последующие атаки, вылетели в трубу!

— Ну, кое-какие последствия все же были. Датская эскадра прекратила блокаду Стокгольма и ушла к берегам Норвегии.

— Вот как? (Петерсон, не будь я герцог, получит по самое не могу за то, что не доложил!) Тогда давайте вернемся к нашим баранам, сиречь к датским припасам в Кристианополе. Если мы нанесем успешный удар по их магазинам, то кампания будет за нами.

— Все, что вы говорите, герцог, очень заманчиво! Но вряд ли рейд к Кристианополю будет успешен. Датчане понимают его важность не хуже вас и смогут легко парировать наши небольшие силы. К тому же город недурно укреплен и находится на острове. Даже если мы прорвемся к нему, взять с налета вряд ли удастся, а на осаду у нас нет ни времени, ни сил, — задумчиво произнес Аксель.

– Разумеется, граф, если мы попытаемся прорваться к датским магазинам по суше, удачи нам не видать. Однако я полагаю, что рейд на суше должен носить отвлекающую роль, а главный удар надо нанести с моря. Раз уж флот моего дорогого кузена перестал нас блокировать, этим грех не воспользоваться!

– Но это будет очень трудное и опасное предприятие. Не знаю даже, кому это можно поручить...

– Вот совсем-совсем не знаете?

– Вы хотите сказать...

– Вот именно, но у меня есть пара условий.

– Я вас слушаю, герцог.

– Первое: никто не должен знать о нашем маленьком предприятии, включая его величество. Второе: после окончания дела мне нужно время навеститься в Мекленбург.

– Это все?

– Ну, если не считать некоторого количества серебра на подготовку экспедиции, то все.

Через неделю форштевни моих кораблей резали морскую волну по направлению к Кристианополю. Моих – это «Благочестивой Марты» и «Святой Агнессы», именно так я назвал захваченный и под разными причинами, одна кривее другой, зажатый мною пинас. Уж больно понравился мне этот кораблик. Вышли мы под мекленбургскими флагами, а в стольном граде Стокгольме были заблаговременно распущены слухи

о том, что герцог Мекленбург-Стрелицкий, убоявшись господ после Кальмарской резни, отправился... куда-то отправился, как бы не в святую землю, босой и с пеплом в волосах.

На молитву со мной отправились, помимо экипажей, заботливо нанятых Яном Петерсоном, еще почти шесть сотен паломников. Забиты мои «ласточки» по самое не могу, благо идти недалеко. Следом за нами на приличном расстоянии шли еще четыре больших шведских корабля с десантом. Едва выйдя в море, я приказал спустить гордый штандарт Мекленбурга и поднять датский флаг. Шведские офицеры приданных мне войск отнеслись к этому без одобрения, но, проинструктированные Оксеншерной, помалкивали. Впрочем, в море мы никого не встретили, похоже, датчане действительно ушли. На рейд Кристианаполя мы пришли под вечер. Подав условный сигнал, любезно сообщенный мне датским капитаном, мы встали на якорь. К нам немедленно направились шлюпка, очевидно, с представителями датского командования, любопытствующего о цели прибытия. Встречали датского офицера пленный датчанин и Ян, у которого был скорее норвежский, а не шведский выговор. Увы, разговора не получилось. До датчан дошли слухи о случившемся на рейде Стокгольма, и бывший капитан «Святой Агнессы» был немедленно опознан. Первоначально я полагал запудрить мозги местной таможне. Все равно до утра осматривать они не будут, а ночью я атакую. Увы, датчанин проявил несовместимую с жизнью прыть и, схватившись за шпагу,

попытался поднять тревогу. Выполнить свое намерение ему не удалось, поскольку кричать с горлом, перехваченным навахой Петерсона, оказалось несколько затруднительно.

— Час от часу не легче! — сказал я, наблюдая за всем этим безобразием. — Ну-ка гребцов наверх, пока не расползлись как тараканы!

Дождавшись, когда испуганных гребцов под дулами пистолетов перегонят из шлюпки на палубу, я обратился к ним с незамысловатой речью. В которой предположил, что им известен условный сигнал о том, что на осматриваемом корабле все в порядке, и если они мне его любезно сообщат, то я не стану их вешать, четвертовать и расстреливать. Причем все это одновременно. Гребцам мои доводы показались убедительными, и вскоре один из них просигналил фонарем на берег необходимую информацию. Благо сигнал был незамысловат. Тем временем я и несколько бывших каторжан заняли место в шлюпке. Импровизировать так импровизировать!

— Вот что, Ян! Как только я подойду к причалу, а это случится весьма скоро, сажай во все шлюпки эту банду висельников, по ошибке называемой мушкетерами шведского короля, и пусть гребут что есть мочи. Сами к пушкам и поддержите нас огнем, если возникнет такая необходимость. Ну, с богом!

Почему я взял с собой бывших каторжников? Сам не знаю, просто после той памятной ночи в окрестностях Кальмара мне казалось, что для диверсий, связанных с массовой

резней, лучше людей не найти.

Моя уловка почти сработала. Отряд солдат, выстроенных на причале, отправили назад в казармы, как и пушкарей, задушивших свои фитили. На нас тоже никто не обратил внимания, лишь когда с моих кораблей к берегу направились шлюпки и один из датчан, забеспокоившись, подошел ко мне что-то спросить, он обнаружил, что кроме плаща и шляпы ничто в моем облике не напоминает о датском таможеннике.

– Пора! – скомандовал я своим архаровцам и, выхватив шпагу, воткнул ее в датчанина. – Не пускайте их к пушкам! Умрите, а не пускайте!

Повторять не пришлось – всякий понимал, что успех всего дела и наши жизни целиком зависят от этого. Мнимые гребцы, ловко орудуя ножами и абордажными саблями, спрятанными до поры под банками, в мгновение ока перебили всех датчан в районе причала. Это дало нам еще пару минут, пока кто-то из бдительных часовых, привлеченный непонятными движениями, не пальнул в воздух, подняв тревогу. Очевидно, стражники и пушкари недалеко ушли или располагались рядом, поскольку довольно быстро вернулись. Но что происходит, они не знали, фитили их мушкетов не горели, и дружный залп из пистолетов, которым мы их встретили, оказался полной неожиданностью. Оправившись от первого замешательства, они кинулись в бой. Но к нам уже подошло подкрепление с кораблей, и бой закипел. С кораблей, поддерживая нас, гремели фальконеты, и, обернув-

шись, я увидел, что на флагштоках датский белый крест на красном поле сменился шведским золотым на синем.

– Вперед, *survachi*, вы что, собрались жить вечно? – крикнул я и кинулся в гущу схватки.

Когда я только попал в тушку принца и мне пришлось драться в лесу со стражниками Кляйнштадта, мне показалось, что ничего страшнее этого боя в моей жизни не будет. Потом я так же подумал о той страшной ночи под Кальмаром, когда я вместе со своими «каторжанами» резал глотки спящим датским солдатам, а потом уходил лесными тропами от их разъяренных товарищей. Но все эти воспоминания померкли в Кристианополе...

Перебив стражников на пирсе, мы ворвались в крепостной двор. Ошалевшие датчане лезли со всех сторон, но на наше счастье не нашлось никого, чтобы их организовать. Сначала я стрелял, однако вскоре на зарядку просто не стало времени, и я схватился за свою кавалерийскую шпагу. Для изящного фехтования не было места, и я просто лупил лезвием и гардой направо и налево, нанося ужасные раны, кровь из которых хлестала во все стороны. Рядом со мной бок о бок бились отобранными у датчан алебардами Аникита и Анисим. Вскоре весь двор был завален трупами, но мы с нашими противниками осатанело продолжали кромсать, скользя и спотыкаясь в лужах крови. К счастью, шведские офицеры не поддались всеобщему безумию, и пока мы сражались, они с солдатами заняли ключевые башни, ворота и батареи. В ка-

кой-то момент я понял, что моя шпага сломалась, да и силой размахивать больше нет. Но это и не нужно, поскольку враги кончились. Нет, мы не перебили их всех, на это нас вряд ли хватило бы, но вражеские солдаты, поняв, что проиграли, стали сдаваться.

Я сижу посреди крепостного дворика и блаженно шурюсь на выглянувшее солнце. Рядом со мной хлопчут Лелик и Боек и что-то рассказывают. Я их не слышу и только устало киваю. Потом, проведя языком по пересохшему небу, понимаю, что ужасно хочу пить. Показываю знаками своим верным драбантам, и Кароль понятливо протягивает мне какую-то баклагу. Жадно выхлебав половину содержимого, оглядываюсь и сую ее в руки Аниките, тот, ни на секунду не забывая о вежестве, изображает поклон, степенно пьет и делится остатками с Анисимом. Что мне вместо поклона изобразил он, я уже не вижу, ибо немного отключаюсь от реальности. Пред глазами встает последняя ночь перед нашим отпавлением, когда меня вновь позвали к королю Карлу.

Его величество лежал на своей кровати, и в полумраке его лицо казалось особенно бледным. Никого рядом, кроме королевы Кристины, не было, что довольно странно.

– Подойди ближе, герцог Иоганн, мне трудно говорить.

– Да, ваше величество, – ответил я, приблизившись вплотную.

– Я умираю... Что же ты не разубеждаешь меня, как мои

придворные?

– Я вижу, что вы говорите правду. Кто я такой, чтобы спорить с человеком, который скоро предстанет перед господом.

– Ты странный парень, Ганс... честный... храбрый... и очень непростой. Я рад, что не ошибся в тебе.

– Не ошиблись в чем, ваше величество?

– Подожди задавать вопросы, у меня мало времени. Король не всегда может быть хорошим христианином, такое уж это ремесло. Еще реже он может быть хорошим родителем для всех своих детей. Да-да... только один унаследует корону, а чем меньше получают остальные, тем лучше для блага государства. Ибо благо государства превыше всего! У меня есть дочь... старшая дочь... ты видел ее...

– Вы говорите о принцессе Катарине?

– Да, о ней. Я хочу, чтобы она вышла за тебя замуж.

– Простите, ваше величество, но это так неожиданно. Я заштатный герцог, а ваша дочь – принцесса крови.

– Ты потомок древнего рода и дельный человек. Кроме того, у моей девочки не ладятся дела с помолвкой. Я ведь отнял трон у Сигизмунда, а у него куда больше прав на престол, не говоря уж о том, что мы, Ваза, не так давно стали королями. Так что Катарину мало кто полагает достойной партией в королевских семьях, хотя она богатая невеста. Да-да, согласно «закону о приданом», она богатейшая наследница в Швеции. Ты беден, я знаю, но ты доказал, что знаешь счет деньгам и не просадишь приданое моей дочери. Будучи мо-

им зятем, ты вполне можешь стать единственным герцогом в Мекленбурге, и никто не скажет, что ты недостойн быть зятем короля.

– Ваше величество, чтобы стать единственным герцогом в Мекленбурге, мне надо изгнать племянников ее величества, – ответил я умирающему королю и посмотрел на королеву. – Вряд ли подобный произвол понравится моей потенциальной теще. Не говоря уж о том, как это воспримут в империи. Вы, ваше величество, отнеслись ко мне по-отечески, когда я был жалким изгнанником. Именно благодаря вам я стал герцогом, и я готов принять любую вашу волю, как если бы это была воля моего отца. Но...

– Что «но», Ганс? Обычно ты не столь нерешителен. Что тебя беспокоит?

Ну и что прикажете делать? Рассказать умирающему, что я огулял вдову еще не остывшего дяди и имею виды на ее княжество?

– Захочет ли ваша дочь выйти за меня? Я ведь мальчишка по сравнению с ней!

– Очень красивый и обаятельный мальчишка! – вступила в разговор королева Кристина. – Все мои придворные дамы без ума от вас, а последние ваши подвиги просто приводят их в безумный восторг. Или вы хотите сказать, что Катарина стара для вас?

– Вовсе нет, ваше величество она, конечно, несколько старше меня, но разница в возрасте совсем невелика (ага

блин, подумаешь, десять лет), да и в браках коронованных особ такие пустяки редко играют роль.

– Но вот и прекрасно, если у вас нет других возражений...

– Только одно, ваше величество: моя матушка, дай ей господь долгих лет жизни, как раз занимается поисками подходящей невесты для меня. Я вполне отдаю себе отчет в том, что лучшей партии ей не найти, однако было бы сущей непочтительностью с моей стороны не спросить ее мнения на сей счет.

– Пожалуй, в ваших словах есть резон, дорогой Иоганн Альбрехт. Мы найдем способ известить вашу почтенную матушку о наших матримониальных планах, и при ее положительном ответе...

– В котором я нисколько не сомневаюсь!

– ...При ее положительном ответе мы немедленно объявим о вашей с Катариной помолвке.

– Я рад, что нам удалось обо всем договориться, – тихим голосом проговорил Карл. – А теперь я устал и хочу спать, ступайте, Иоганн.

Я, коротко поклонившись, собирался выйти, но королева сделала мне знак рукой, чтобы я ее подождал. Буквально через минуту она вышла из королевской спальни и попросила меня проводить ее. Мне ничего не оставалось, как предложить ее величеству руку, причем обернуть ее плащом мне даже в голову не пришло. Некоторое время мы неторопливо прогуливались, потом ее величество нарушила молчание.

– Иоганн, вы хороший друг моему сыну.

– Я счастлив, ваше величество, заслужить такую высокую оценку от вас!

– Да, настолько хороший, что я иногда этого не одобряю.

– Простите, но я вас не понимаю.

– Вы довольно долго морочили мне голову вашим мнимым романом с Эббой Браге, но недавно я узнала, кто именно увлечен этой несносной девчонкой и чей грех вы так искусно прикрывали. Да-да, вам вполне удалось меня провести, но недавно я все узнала.

– Мне очень жаль, ваше величество.

– Вам жаль, что вы нагло водили меня за нос, или что вы попались на вашем вранье?

– Помилуйте, ваше величество, ну какое уж тут вранье? Со времен Адама мы, мужчины, устроены так, что имеем охоту к прекрасному полу. И на пути к достижению этой цели можем дойти до бог знает каких непотребств. Ну, право же, чего дурного в том, что ваш сын немного увлекся этой красивой девочкой? Разумеется, он наследный принц и ему необходимо думать о своей репутации. Но он еще и мальчишка! Ему надо влюбляться в красивых женщин, осыпать их путь цветами и залезать к ним ночью в окно. Это более чем нормально, и наоборот, если мужчина не будет всего этого делать в юности, то бог знает, что из него вырастет в будущем.

– И вы не нашли ничего лучше...

– Вы полагаете, что было бы лучше посетить с ним веселый квартал? Увы, ваше величество, при всей своей репутации я плохо ориентируюсь в таких местах.

– Пожалуй, вы правы, это не самый лучший выход в такой ситуации. Но я хотела поговорить не об этом.

– Я весь внимание! – с готовностью откликнулся я на возможность уйти от щекотливого разговора и уставился на королеву с самым наивным видом, какой только могла изобразить моя физиономия.

– Несносный мальчишка! Не думайте, что меня теперь хоть на минуту обманет ваш постный вид! Так вот, я не родная мать принцессе Катарине, но я питаю к ней самые нежные чувства и не хотела бы, чтобы вы разбили ей сердце.

– Как можно, ваше величество!

– Боже мой, какой искренний вид! Вам бы комедиантом быть, а не герцогом! Не заставляйте меня в очередной раз пожалеть, что я дала себя уговорить на этот брак. Я прекрасно осведомлена о ваших похождениях и не намерена их терпеть. Вы немедленно должны порвать отношения с вашей любовницей и обещайте мне, что никогда их не возобновите!

– Увы, ваше величество склонно преувеличивать мой успех у дам. У меня нет никакой любовницы... мы расстались еще до начала войны!

– Вот как? Ладно, пожалуй, я поверю вам на этот раз. Но предупреждаю вас, Иоганн, что буду пристально следить за каждым вашим шагом. – Сказав это, королева решительно

высвободила руку и направилась к своим покоям, благо мы почти дошли до них. Уже в дверях она обернулась и спросила меня: – А вы знаете, что моя придворная дама госпожа Спаре ждет ребенка?

В ответ я только развел руки, выражая полное недоумение. Дверь за королевой закрылась, и я, стоя посреди коридора, только и смог сказать себе: «Вот бык-производитель».

– Вот бык-производитель!

– Что вы сказали, ваша светлость?

Вопрос Кароля вернул меня к реальности. Я сидел посреди заваленного трупами крепостного двора, и вокруг меня с беспокойным видом толпились мои приближенные. Блин, я что, отключился?

– Что вы сказали, ваша светлость? – повторил мой верный Лелик.

– Моя светлость интересуется: как обстановка?

– Все просто прекрасно. Крепость взята, датчане прекратили сопротивление. Победа, ваша светлость!

– Потери?

– Пока не могу точно сказать...

– Среди наших, почитай, четыре десятка побитых, да столько же раненых, – встрял в разговор Аникита. Он уже привык, что я всегда первым делом интересуюсь потерями.

– Это только у московитов или вообще?

– У всех, княже, чего уж, вместе на рать шли – вместе и

перед господом предстанем.

– И то верно. Что удалось захватить?

Из-за огромной спины боярского сына бочком протиснулся Мэнни и бодро стал докладывать о пушках, складах с припасами и прочем добре, доставшемся нам в качестве трофеев.

Молодец, зря времени не терял. Однако богатство добычи мало радовало, вывозить его будут (или не будут?) люди Оксеншерны, идущие за нами. Но это шведские дела, я свою часть уговора выполнил. Теперь надо побеспокоиться о себе любимом.

На самом деле даже странно, что на рейде не оказалось ни одного вражеского корабля. Будь здесь даже самая захудалая галера, наше положение серьезно осложнилось бы. Я даже колдовал над миной, которую можно было бы подвести под вражеский корабль на предмет подрыва, но, слава богу, обошлось.

Что ж, пора уходить, меня ждут дела на родине. Пусть шведы дербанят захваченное как хотят. Без меня. Сво-олоочи! Впрочем, совсем пустым я не уйду, кое-чем разжиться все же можно – вон пушки стоят, вполне годные к перевозке. Запасы на кораблях опять же пополнить. Кстати, а где крепостная казна? Вот ни разу не поверю, что в такой важной крепости нет некоторого количества звонких монет на текущие расходы.

Шведских кораблей все не было, и пришлось на некоторое

время задержаться. Все проверить, организовать уборку трюпов и караульную службу. Некоторое количество датчан сбежало, и наверняка они подняли тревогу. Так что надо быть готовыми к визиту. Пока я нагружал шведов работой, мои люди не теряли зря времени. «Марта» и «Агнесса» крепко просели бортами от нагруженного на них добра. Брали в основном оружие, которого немало припас король Кристиан, готовясь к войне. Теперь у меня есть возможность вооружить небольшую армию, и еще останется. Запас, как говорится, не тянет. Прихватили также довольно много пороха в бочках: армию мало вооружить, надо еще и обучить, так что пригодится. Тут шведы стали немного возражать – дескать, самим надо, – но мы договорились. Казну так и не нашли, точнее, ее не нашли шведы, потому что искать начали слишком поздно. Ну, а что поделаешь, кто первый встал, того и тапки!

Наконец появились четыре корабля с основными силами. Оказывается, они в проливах встретились с датчанами и не придумали ничего лучше, как сойтись с ними бортами и хорошенько измолотить ядрами, а потом свалиться в старом добром абордаже. В принципе им это удалось – одного датчанина утопили, двое спустили флаг, и лишь одному удалось удрать, – но датчане тоже мух не ловили, и, несмотря на скоротечность боя, у шведов дикие потери среди десантников. Слишком уж переполнены были корабли, и каждое ядро, подняв рой щепок, собирало обильную кровавую жатву.

По моему мнению, шведам следовало как можно скорее

вывезти что возможно, а остальное сжечь и взорвать, пока не поздно. О чем я немедленно сообщил командовавшему экспедицией адмиралу Хольмквисту. Но тот посоветовал мне не лезть не в свое дело — дескать, мы, шведы, сами знаем, что делать, а всяким иным и прочим, будь они хоть трижды герцогами, лучше под ногами не мельтешить. Честно сказать, я сразу не понял причины наезда, но повод обидеться и уплыть был замечательным, чем я немедленно и воспользовался. Пока Хольмквисту не пришла в голову блажь поинтересоваться — что все-таки было в пороховых бочках на самом деле.

Едва мы вышли в море, штандарт со шведским крестом был заменен померанским грифом, благо от дяди Филиппа было на то соизволение и соответствующие документы (правда, только на «Марту»). Путешествие протекало без особых приключений, разве что немного штормило на подходе к Ростоку, но не так чтобы сильно. Через несколько дней моя импровизированная эскадра бросила якорь на рейде старинного ганзейского города. На флагштоке вновь был гордый синежелто-красный мекленбургский штандарт с бычьей головой в герцогской короне. На палубу «Святой Агнессы», ставшей моим флагманом, выкатили мнимую пороховую бочку, и моя светлость лично выбил ей дно топором. Высыпавшееся серебро было встречено восторженным ревом моих подчиненных. Потом Манфред вытащил списки, и

я от герцогских щедрот отсыпал каждому двойное жалованье за полгода вперед в качестве награды за верную службу и доблесть. Слава тебе господи, в Скандинавии и у нас в северной Германии нет обычая целования руки сеньору. Иначе бы они мне всю руку сгрызли. Вместо этого я из второй бочки, стоящей рядом, наливал каждому чарку датского ак-вавита, также захваченного нами из Кристианаполя. Следом я направился на «Марту» и повторил церемонию награждения там. Отдельно награждены были не получавшие жалованья русские. Манфред торжественно зачитал, а Клим не менее торжественно перевел им мой герцогский указ о зачислении на службу и о причитающемся жалованье, каковое и было немедленно выплачено вместе с неременной чаркой. Атракцион невиданной щедрости (ну да, скуповата моя светлость) был затеян неспроста. Этим же вечером мои матросы и солдаты должны отправиться во все портовые кабаки и рассказать, что вернувшийся домой герцог щедр, удачлив и вообще славный малый.

Герцогский штандарт наконец привлек к себе внимание на берегу, и к борту «Марты» подошла шлюпка с портовым комиссаром – узнать, какого черта тут происходит. Моя банда была уже изрядно навеселе, и когда я образцово-показательно объяснил чиновнику, кто я вообще такой и откуда берутся дети, встретила это действо громким хохотом. Ибо не фиг! Впрочем, чиновнику тоже кое-что перепало, но позже. Отправившись в сопровождении комиссара в город, я посе-

тил ратушу, университет и, разумеется, церкви. Самыми почитаемыми в городе были церковь Святой Марии и Святого Петра, где некогда проповедовал местный сторонник Лютера некий Слютер, впоследствии то ли отравленный, то ли еще как злодейски умерщвленный папистами. Везде, естественно, пришлось пожертвовать. Ну а куда деваться? В Швеции я не больно ходил по храмам, разве что вместе со всем двором, так что уже иной раз косились. Ну, а тут моя вотчина, надо соответствовать. Росток, кстати, хотя и входил в Ганзу, статуса вольного города так и не приобрел. Так что он действительно моя собственность, как одного из герцогов Мекленбургских. У города, конечно, случаются разногласия со своими правителями, и иной раз довольно острые, но в целом все пристойно.

Обошел я и городские укрепления – ну что сказать, давненько тут войны не было. Привыкли люди к безопасности и думают, что так будет всегда. Надо избавлять их от этой вредной иллюзии, и чем скорее, тем лучше. Для них же самих. Надо будет заняться несколько позже, а сейчас – главное дело.

– Господин бургомистр, боюсь, торжественный обед в мою честь надо немножечко отложить! У меня срочные дела в Гюстрове. Скажите, у вас есть лошади?

– Ваша светлость, вы можете воспользоваться моей каретой, она, конечно, не столь роскошна, как полагается для столь высокородной особы, как вы, но вполне удобна.

– Я предпочитаю верхом, тем более что Гюстров ведь совсем недалеко, не так ли?

– Да, ваша светлость, всего около пяти миль.

– Всего? Ах, да, немецких миль. Прекрасно, мне надо две сотни лошадей под седлом. Для меня и моей... кхм... свиты. Засиделись мои приближенные, все на море да на море.

– Боюсь, такого количества, ваша светлость, в магистратских конюшнях нет.

– А сколько есть? Да не жмитесь, грех это – сюзерену жалеть лошадей. К тому же я верну, обещаю.

Какое-то количество успели купить Лелик и Болек, пока я шлялся по местным достопримечательностям, какое-то пожертвовали местные шишки во главе с бургомистром, но тем же вечером отряд в сто двадцать всадников помчался в сторону герцогской резиденции в Гюстровском замке. Я чертовски соскучился по своей родне и хотел им задать несколько щекотливых вопросов. Отряд примерно поровну состоял из моих драбантов и новоявленных русских рейтар. Лошади были, правда, не очень, но к утру мы должны были поспеть. Я мало что знал из прежней жизни о Мекленбурге, кроме известной шутки Бисмарка, что если случится конец света, он переедет в Мекленбург, ибо там все события запаздывают на сто лет.

Герцогский замок мне понравился – чувствовалось, что у его владельцев есть вкус и деньги. То, что часть этих денег была моей, добавляло решительности. Когда мы подъе-

хали, замковая стража бдительно спала. Ворота были, конечно, закрыты, но у прислуги утро начинается рано, и никем не охраняемая вспомогательная калитка была открыта нараспашку. Там как раз что-то привезли. Мои драбанты вежливо, но твердо проследовали к главным воротам и открыли их. Фанфар, когда я прошествовал внутрь замка, не было, но это я успею исправить.

— Кароль, расставить караулы! Местную стражу... не будить. Если проснутся, просто не пускайте к оружию, а то мало ли что им со страху придет в голову. Займите кордегардию и вежливо улыбайтесь. Аникита, на тебе внешняя охрана. Твои люди все равно немецкого не знают, так что инструкция простая: всех впускать, никого не выпускать. Клим, ты с Аникитой будешь переводить, если что. И кто-нибудь, да хоть ты, Мэнни, узнай, чем тут герцогов кормят, а то я готов съесть быка с герба, до того проголодался.

Когда мой кузен и полный тезка Иоганн Альбрехт II проснулся, его удивил непривычный шум в покоях. Без толку позвонив колокольчиком и так и не дождавшись слуг, он в отвратительном настроении вышел, запахнувшись в халат. Пройдя в тронный зал, он, оторопев, уставился на удивительную картину. Посреди зала было сдвинуто несколько столов, и на принесенных отовсюду стульях и скамейках сидели непонятные вооруженные люди и торопливо поглощали принесенную им еду и напитки. Прислуживали им его слуги, поглядывавшие на пришельцев с явной опаской.

– Что здесь происходит! – начал он было громогласно выяснять, но к концу фразы сбился на дискант.

Я внимательно осмотрел своего двоюродного брата. Больше этот жирный боров никем другим быть не мог. Кроме того, в зале висел его парадный портрет, хотя и безбожно льстивший, но передававший внешность достаточно выразительно.

– Доброе утро, кузен! А мы тут завтракаем, не возражаете? У вас чудесная телятина, передайте при случае повару мою благодарность. Присоединяйтесь!

Моему тезке был всего двадцать один год, но изрядное брюшко выдавало в нем завязтого чревоугодника, а взор интеллектом не блистал.

– Кто вы такой? – спросил он испуганным голосом.

– Господи боже! Вы меня не узнаете? Я – герцог Мекленбурга Иоганн Альбрехт.

– А я тогда кто?

– Вы – мой кузен, насколько я понимаю, Мекленбург-Гюстровский, а я – Стрелицкий! Друг мой, вы никак не проснетесь. Эй, вы, обалдуи, ну-ка подайте кресло герцогу. Мы с ним славно позавтракаем. Да садитесь же!

– Вы – Иоганн Альбрехт Странник! – осенило наконец моего родственника. – Но вы же в Швеции, воюете с датчанами.

– Увы, я уже победил всех датчан, и мне стало скучно. Охота к перемене мест, знаете ли, ну и ностальгия заодно.

Вот решил навестить vaterland²⁴. Вы что, не рады?

– О... очень рад.

– Ну, вот и прекрасно! Угощайтесь, – с этими словами я вынул дагу и, не обращая внимания на побледневшего кузена, отхватив изрядный ломоть мяса, подал ему. – Ах, какая все-таки занятная штука жизнь! Еще вчера я резал этим прекрасным кинжалом датчан, а сегодня режу им эту превосходную телятину! Кушайте, кушайте!

Кузен слегка позеленел от моего радушия, но отказаться не посмел и осторожно двумя пальчиками принял кусок. Я тем временем взялся за кубок и, набулькав в него пива, поднял и провозгласил:

– За мое возвращение домой!

Присутствующие с энтузиазмом подхватили мой тост и дружно выпили. Герцог тоже не смог воздержаться и, поморщившись, отхлебнул.

– Так дело не пойдет, вы как будто не рады мне, дорогой кузен. Впрочем, я вас понимаю, в походах я привык к грубому питью вроде этого пива. Но вы, ваша светлость, другое дело. Вы, верно, привыкли к более благородным напиткам, и я вполне одобряю это пристрастие. Эй, парень! Да-да, ты, в ливрее! Ну-ка принеси своему господину самого лучшего вина из ваших погребов, ну и нам заодно. Да живет ты!

Когда вино принесли, я провозгласил тост за своих кузенов, потом за процветание Мекленбурга, потом еще за что-

²⁴ Отечество (нем.).

то. Сам я едва прикасался губами к напиткам и хорошенько закусывал, а вот моего кузена от выпитого и страха скоро развезло.

Тут в зал стражники втокнули богато одетого господина. Он, испуганно озираясь, подошел и робко поинтересовался, что здесь происходит.

– Здесь, почтеннейший, происходит воссоединение семьи. Мы с моим кузеном празднуем мое возвращение, – любезно пояснил я ему. – А вы, сударь, собственно, кто?

– Это мой канцлер, – пьяно хихикнув, сказал кузен.

– Немедленно кубок канцлеру! – торжественно провозгласил я. – Я желаю выпить с этим досточтимым господином!

– Вы – Иоганн Альбрехт Стрелицкий? – робко поинтересовался канцлер.

– Он самый, а скажите мне, любезный, скоро ли состоится заседание сеньориального суда?

– Как... какого суда?

– Сеньориального, друг мой. Это, как бы вам объяснить, такое действо, когда сеньор судит своих нерадивых вассалов за проступки.

– В ближайшее время такого суда не запланировано, ваша светлость.

– Почему?

– Очевидно, вассалы не совершили никаких проступков...

– Вздор! Вы еще скажите, что мне повесить некого и не

за что!

– Господи боже, вы кого-то хотите повесить?

– Непременно, друг мой, непременно.

– Но за что?

– Видите ли, друг мой, мне уже несколько лет не выплачивают моего законного содержания. Я усматриваю в этом, ни много ни мало, государственную измену.

– И... измену?

– Ну, посудите сами, господин канцлер, вы ведь человек, несомненно, сведущий в законах, не так ли?

– Я магистр права Геттингенского университета.

– Превосходно, совершенно превосходно! Так вот, посмотрите на моего кузена, разве можно предположить, что этот добрейшей души человек мог бы лишиться своего любимого родственника законного содержания? Совершенно очевидно, что нет! Следовательно, имеет место злой умысел на измену и злостное неповиновение законной власти. Осталось только выяснить виновного и предать его справедливому возмездию.

– Но, ваша светлость!

– Никаких «но», мой друг, справедливость превыше всего! *Dura lex sed lex!*²⁵ Наливай!

Вскоре герцог и его канцлер выпали из реальности и, судя по всему, не собирались в нее возвращаться. Впрочем, в данный момент это не нужно было ни им, ни реальности.

²⁵ Суров закон, но это закон (лат.).

Следующим посетителем был некий всклокоченный субъект в кирасе и ночном колпаке. Как выяснилось, сей доблестный муж командовал охраной замка. Я не стал даже узнавать его имени, с ходу объявив о его отставке.

– Что за порядки, черт вас подери! Хорошо, что о недостатках охраны моего дорогого кузена узнал я. А если бы это были какие-нибудь злоумышленники? Или, не приведи господь, паписты! Просто страшно подумать! Эй, кто-нибудь, гоните его в шею!

– Сын мой, именем господи! Что вы творите! – патетически вскричал ворвавшийся в зал настоящий католический падре в сутане.

– Это еще что за явление? Опаньки, папист! Сам пришел! Блин, совсем забыл – ведь мой кузен еще католик. Надо сказать, после некоторых обстоятельств я отношусь к католикам несколько предвзято. Не нравится мне их пиромания. Нет, я понимаю, что протестанты тоже грешат этим невинным увлечением, но они, по счастью, не пытаются отправить меня на костер.

– Любезный, а вы кто? Хотя дайте угадаю – вы, очевидно, духовник моего кузена, не так ли?

– Так, сын мой.

– Печально, весьма печально, святой отец, что вы столь небрежно выполняете свои обязанности! Посмотрите на своего духовного сына – он нажрался как последняя свинья, а ведь еще раннее утро. А как же воздержание, а где же, поз-

вольте спросить, умерщвление плоти? Кстати, вы не знаете, где в замке камера для пыток? Ну, ничего страшного, мы люди не гордые, можем и на свежем воздухе. Увести, но отнюдь не отпускать – сдастся мне, падре знает много интересного.

Окинув взглядом своих приближенных, я пришел к выводу, что они достаточно подкрепились и дальнейшее продолжение чревато попойкой.

– Ладно, подкрепились – пора заняться делами. Где тут кабинет моего светлейшего родственника?

Вольготно расположившись в кресле, я диктовал Мэнни несколько посланий. Первое – в Шверин, второму своему кузену-герцогу Адольфу Фридриху, в котором в самых изысканных выражениях сообщал о своем приезде и просил о встрече с целью обсудить некие важные вопросы. Второе – своей тетке, матери Иоганна Альбрехта и Адольфа Фридриха герцогине Софии с практически идентичным содержанием. Кузены, дорвавшись до власти, сослали свою матушку, чтобы не мешала куролесить добрым молодцам, и я имел основания рассчитывать на ее поддержку. Третье письмо отправилось в соседнее герцогство Брауншвейг, в славный город Вольфенбютель, уже к моей матушке и ее нынешнему мужу высокородному Августу-младшему. Брауншвейгское герцогство входит с Мекленбургом в один и тот же имперский округ, так что люди они здесь не чужие и могут пригодиться в делах моих скорбных. Да и по Марте я соскучился,

чего уж там. Следом несколько писем во все крупные города — дескать, герцог вернулся, желает справедливости, и если у кого какие жалобы, то милости просим.

День незаметно пролетел в заботах, и когда наконец появилась свободная минутка, я с удивлением обнаружил, что день окончен и пора бы поужинать. Беспорядок, вызванный нашим появлением, постепенно утих, и привычная жизнь взяла свое. Семейство моего кузена и их приближенные заняли свои места за столом согласно этикету, и я обнаружил, что для меня достойного места там нет. Не говоря уж о моих офицерах. Так, я не понял, кому-то спяну безопасность приснилась? Впрочем, нет, помятая физия моего кузена выражала полное непонимание происходящего, так что это не его фронда. Ага, моя кузина герцогиня Маргарита Елизавета сердито зыркала глазами. Надо сказать, она мне кузина не только потому, что жена двоюродного брата. Она младшая дочь герцога Кристофа, брата нашего общего деда. Надо сказать, этот Кристоф был той еще сволочью. Светский епископ, бурно поддержавший Реформацию и жадно хапавший все секуляризированное имущество, до которого мог дотянуться. Когда часть этого имущества досталась не ему, а моему отцу, пришел в ярость и всячески пытался оттягать ее. Так что распря у нас старая. Доченька, видать, пошла в папашу и будет строить козни. Ну ладно, пусть строит. Я подошел танцующим шагом к столу и уселся с противоположной стороны от герцога. Мои офицеры заняли места по бокам,

и я, выразительно посмотрев на подающих еду слуг, придал им необходимое ускорение. Стол мгновенно сервировался, и мы приступили к трапезе. Какое-то время с аппетитом поглощали пищу в тишине, но невестке, видимо, не сиделось на попе ровно, и она громко, ни к кому не обращаясь, произнесла:

– Ах, какой невкусный сегодня суп! Наверное, его готовил не наш повар, а эти ужасные варвары, занявшие наш замок!

– Ну, это вряд ли! – немедленно ответил я так же громко. – Мои люди не приближались к вашей кухне. К тому же вы напрасно придираетесь, суп весьма неплох!

– Для вас, кузен, привыкшего в своих странствиях к пище простолюдинов, он, может, и неплох, но я не желаю принимать столь дурно приготовленной пищи!

– В своих странствиях я много где побывал, но даже при шведском дворе я не ел ничего вкуснее. Так что ваши намеки беспочвенны, дорогая кузина. Кстати, дорогой кузен, вы плохо едите, вам нездоровится?

Дорогой кузен смог в ответ только помотать головой и что-то невнятно промычать.

– Вам, любезный герцог, надо следить за здоровьем, нельзя запускать болезни.

Мы сидели достаточно далеко друг от друга, поэтому диалог велся на повышенных тонах и был хорошо слышен всем, включая слуг. Видимо, герцогиня сообразила это и заткнулась. Я же со своими офицерами хорошенько подкрепился

и, лучезарно улыбаясь, отправился в занятые мной и моей свитой покои.

Следующий день был не менее насыщен. Во-первых, по-дошел Гротте с остальным отрядом и несколькими пушками, захваченными в Кристианаполе. Во-вторых, были получены известия из Шверина, Адольф Фридрих в панике собирал своих сторонников. Как и следовало ожидать, сторонники его, с удовольствием принимавшие участие в пирушках и празднествах, резко заболели и вспомнили о разных неотложных делах. Иначе говоря, «сказались в нетях», по меткому выражению Аникиты. В-третьих, посыпался огромный ворох жалоб на герцогских чиновников от мекленбургских жителей. Причем не только от крестьян и горожан, но, что совсем уж удивительно, и от некоторых дворян. Поистине мои кузены обладали даром наживать себе врагов. Хотя, если припомнить мои злоключения, может, это у нас семейное?

Кроме того, я начал вербовку людей в свои войска. В Мекленбурге, как и во всяком другом немецком княжестве, было немалое количество третьих, четвертых и так далее сыновей во всех слоях общества, которым не грозило наследство. Майорат – это вам не тетка. И вот представьте себе, что эти молодые люди видят мужественных, красиво одетых военных, щедро тратящих деньги и рассказывающих о своих подвигах. Естественно, остаться равнодушными к этим рас-

сказам молодым людям не грозило, и они стали записываться ко мне на службу.

Кстати, о красивой форме. Если солдаты Гротте были одеты вполне на уровне, то на моих русских стрельцов и рейтар было без слез и не взглянуть. Особенно когда они снимали доспехи. Поэтому я первым делом озаботился их формой. Среди приносивших мне жалобы были и представители портняжных цехов. Сочувственно выслушав их представителей и сокрушенно покачав головой, я перевел разговор на бедственное состояние одежды своих верных воинов и напряг подданных изготовлением обмундирования. По моему заказу для них были пошито что-то вроде стрелецких кафтанов, а также более привычные для русских рубахи и штаны. Полного аналога, конечно, не получилось, уж больно разные традиции, но в общем и целом затея удалась. Основной формы был длиннополый, по немецким меркам, кафтан красного цвета. Основным отличием от русских кафтанов той поры было наличие отложных воротников и накладных карманов на полах. Кстати, карманы для портных оказались новинкой. Цвет воротников и клапанов на карманах был зеленым. По бортам кафтанов витые шнуры с кистями, и кушаки желтого цвета. В общем, цветовая гамма выдержана в мекленбургских традициях. Сапоги, правда, были обычными, как и у прочих наемников. Сложнее всего оказалось, как ни странно, с шапками. То есть сшить сам колпак сложностей не представляло, а вот где взять опушку... В России

даже самый бедный крестьянин мог носить меховую шапку. Обычно овчинную или заячью, зажиточный – лисью. Рядовых стрельцов можно было одеть и в овчинные, но начальные люди в Москве носили собольи, на худой конец бобровые. Обо всем этом мне без обиняков заявили Аникита с Анисимом. Ну, где я вам бобров наловлю? Чтобы вы знали, в бобровых шапках в Европах ходят нотариусы, а не наемники. Блин, будете мне мозги пудрить – прикажу всех окрестных собак переловить вам на шапки!

Заказали также и оружие. Огнестрела у меня хватало и трофейного, а вот бердыши я стрельцам заказал. Уж больно выигрышно смотрелись большие топоры на фоне протазанов герцогской стражи. У рядовых стрельцов на боку висели палаши – Анисим, как начальный человек, получил шпагу. Конники под началом Аникиты были обмундированы так же, но вооружены как рейтары.

Через две недели состоялся большой герцогский суд. В качестве судей выступали мы трое. То есть я и мои кузены, Иоганн Альбрехт и Фридрих Адольф. Последний довольно долго скрывался от меня, но когда приехали приглашенные мной его мать и брауншвейгцы, появился как ни в чем не бывало. В принципе молодец, умеет держать марку. Мы все такие из себя важные и красивые, в мантиях и коронах, сидели на трех равновеликих креслах. Это важно, что кресла одинаковой высоты: так подчеркивается наше равенство. Сцена-

рий подготовлен заранее, канцлеру и казначею крупно не повезло. Многочисленные жалобщики по очереди подходили и свидетельствовали против них. Взятничество, казнокрадство и прочее лихоимство. Подсудимые вяло оправдывались. Будь дело только в свидетельствах простолюдинов, да и мелких дворян, – никакого судилища просто не случилось бы. Но главный их проступок в другом, и все это знают. Моей светлости уже три года не выплачивалось содержание, и тут им не отвертеться. То есть они, конечно, с удовольствием возместили бы ущерб сторицей, но не тут-то было. Я представил дело так, что оные прохиндеи обокрали меня бедного по своей инициативе. И таким образом обокрали весь род Никлотичей. Мои кузены, естественно, открестились от своих приближенных и сдали их со всеми потрохами. Так что отвечать придется по полной. Но мне этого мало, надо еще, чтобы весь народ Мекленбурга свято уверовал, что чинуши огребли за издевательство над ним и странствующий принц наказал злодеев, радея о справедливости. Мои же кузены, сдав своих приближенных, покажут свою слабость перед сторонниками и отобьют желание сражаться за их интересы, если возникнет такая необходимость. Такой вот тридцать седьмой год в миниатюре.

Мой тезка, похоже, ни о чем не догадывался, а Фридрих Адольф помалкивал. Наконец приговор утвержден, казнь и полная компенсация имущества в пользу пострадавшего, то есть меня. Но это не конец, я настаивал, что мне положе-

на компенсация за не вовремя полученную ренту в размере сорока восьми тысяч золотых гульденов. Гюстровский герцог только хрюкал от неожиданности, но возражать не смел. На него плохо действовали блестящие бердыши моих стрельцов. Шверинский владыка замечал только, что недостача составила самое большое восемнадцать тысяч.

– Любезный кузен, вам о чем-нибудь говорят такие термины, как пеня, неустойка, упущенная выгода? Очень жаль, если нет. Но перенесенные мною тяготы совершенно определенно говорят мне, что эта сумма будет справедливой.

Возражений у кузенов больше не нашлось. Фридрих, правда, пытался смотреть на мать, но герцогиня София отводила взгляд. Кузены не знали, что я накануне встречался с ней и сумел убедить ее, что ни одного мекленбургского медяка не потрачу на разные глупости. Я показал ей шведские векселя, на которые нанимал и снаряжал своих солдат. Произнес взволнованную речь, посвященную бережливости и разумному ведению дел. До конца, конечно, не убедил, но пока она на моей стороне.

Еще я встречался с камергером фон Радловом и другими дворянами, недовольными правлением моих двоюродных братьев. Надо сказать, я немного перестарался со своим эффектным появлением в Гюстрове и слегка напугал потенциальных сторонников. Пришлось по мере сил успокаивать их.

Единственная, с кем не удалось поговорить заранее, – это

моя мать, герцогиня Клара Мария. Она с моим отчимом герцогом Вольфенбютельским Августом приехала лишь накануне. Но я надеялся, что она по-любому будет на моей стороне.

Как и ожидалось, мне удалось полностью настоять на своем.

Тем же вечером за торжественным ужином, где собрался весь местный бомонд, когда мы сидели и натянуто улыбались друг другу, Август Брауншвейгский произнес долгую речь на тему «непоколебимости прав сословий». Я сначала не понял, к чему он клонит, но когда все вопросительно уставились на меня, моя память включилась.

Каждый человек, отучившийся в советской (русской) школе, твердо знает, что сословий в средневековой Европе было три. Духовенство, дворянство и прочие простолюдины. Но в империи, а мы, как ни крути, сейчас в ней, есть еще такая вещь, как имперские сословия, и их шесть! Курфюрсты, имперские князья светские и духовные, целая свора аббатов и приоров, имеющих право голоса в рейхстаге, ничуть не меньшая свора имперских баронов и графов и имперские города. Есть еще имперские рыцари, ну да бог с ними, ху-досочными. Я, как и мои кузены, ни много ни мало имперский князь. У меня по этому поводу хренова туча прав, но не меньшая туча ограничений. В данном случае интересно то, что один феодал не может сожрать другого. То есть вое-вать, отжать город (не имеющий статуса имперского), обло-

жить контрибуцией – это пожалуйста, а выпереть из вотчины и наложить на нее лапу – нет! И вот в этот благородный террариум влез я, такой весь из себя красивый, и всем интересно – буду ли я играть по правилам. Причем все более-менее в курсе моих приключений и прекрасно понимают, что у кузенов в этом смысле рыло в пуху, но вот поди ж ты! Если я их выпру или, того хуже, немножко убью, это будет с моей стороны неправильно, а то, что им это почти удалось, так еще доказать надо. И вообще сор из избы выносить нехорошо. Семья – это святое. Мир! Дружба! Жвачка! И сейчас хотят от меня гарантий, что я не стану все здесь ломать через колено, ибо всех все устраивает. И что прикажете делать?

С другой стороны, я чего хотел, добился. Права мои признаны, денежное содержание практически вернул, да еще с процентами. Надо бы его, конечно, пересмотреть в сторону увеличения, но это вопрос технический. Выгнать племянников королевы Кристины – не самое умное деяние, вне зависимости от того, женюсь я на принцессе Катарине или нет.

– Глубокоуважаемый герцог Август! – встал я во весь рост, чтобы меня видели и слышали все присутствующие. – Мои дорогие кузены и не менее уважаемое благородное собрание Мекленбурга! Долгое время находился я вдали от своей родины, не имея из нее вестей и поддержки (да-да, кузены, это вам, не ерзайте). Но именно находясь в разлуке, я понял, как мне дорога эта земля и моя семья, – и так кратенько, минут на двадцать, без подготовки.

Вообще умение красиво говорить в приличном обществе в нынешнее время дорогого стоит. Глядишь, еще пошлют в имперский рейхстаг представителем имперского округа. В ходе речи красочно обрисовав свою любовь к отеческим гробам, я перешел к своей службе у короля Швеции и, как водится, не жалел красок.

– ...После чего король Карл пожаловал мне чин генерала и шаутбенахта королевского флота (насчет шаутбенахта чистая правда, перед самым рейдом на Кристианополь) и наградил землями в Эстляндии. Служба моя королю не окончена, и мой долг повелевает мне, сформировав войско, отправиться на войну. Сия служба никоим образом не затрагивает нашего герцогства, ибо осуществляю я ее как частное лицо.

В зале явственно послышался радостный выдох. Странствующий герцог отправится дальше странствовать.

– Однако эта служба не будет слишком уж долгой, и, исполнив свой долг, я вернусь!

Так что не слишком радуйтесь, оглоеды! Карлсон улетит, но еще вернется.

После ужина я наконец-то смог встретиться с матерью. Август сказался уставшим и отправился почивать, так что мы смогли без помех все обсудить.

– Сын мой, вам действительно необходимо вернуться на службу королю Карлу?

– Увы, матушка, его величество посчитал меня крупным

знатоком в одном непростом вопросе.

– А вы не слишком молоды, чтобы быть знатоком?

– Ну, матушка, уверяю вас, этот недостаток быстро пройдет. Что касается моих талантов, то вы видели моих русских гвардейцев? Так вот, глядя на то, как ловко я с ними управляюсь, в Стокгольме решили, что я не менее ловко управляюсь со всеми остальными русскими. Или, по крайней мере, с теми, которые живут в Новгороде, и Карл Филипп все-таки станет герцогом Новгородским.

– Вы полагаете это возможным?

– Напротив, я сразу сказал, что из этой затеи ничего не выйдет, но королю трудно возражать. Особенно когда у него на тебя виды.

– Виды – что вы имеете в виду?

– Матушка, вы уже нашли мне подходящую невесту?

– Пока, к сожалению, нет. Ваше положение было слишком неопределенным, чтобы можно было рассчитывать на партию, достойную вашего происхождения.

– Ну и хорошо, теперь в ваших поисках нет необходимости. Напротив, есть две кандидатуры, и я надеюсь на ваш совет в этом деликатном вопросе.

– Продолжайте, Иоганн.

– Король Карл пожелал меня видеть своим зятем.

– Неожиданно, очень неожиданно. Принцесса Катарина старше вас, но это пустяки. Она кронпринцесса и очень богата. Этот брак весьма поднимет ваше положение в мире,

вам, вне всякого сомнения, следует согласиться. Тогда ваша распря в Мекленбурге потеряет всякий смысл, поскольку вашим кузенам никогда не достичь и половины того значения, какое будете иметь вы. А что вы имели в виду, говоря о второй кандидатуре?

– Вы помните мою тетю Агнессу Магдалену?

– Вдову Георга? Но как вам в голову могла прийти такая дикая мысль!

– Ну, матушка, она молода, красива... я тоже не за печкой родился...

– Боже правый! Иоганн Альбрехт, это невозможно! Господи, я должна была догадаться, когда узнала, как вы называли свои корабли! Боже мой, вы неисправимы, как и ваш отец! Постойте, но ведь Агнесса... это невозможно... беременность... это тоже ваших рук дело?

– Ну, не совсем рук...

– Не смейте говорить мне гадости, я все-таки герцогиня!

– Матушка, умерьте свой гнев и попробуйте рассудить, как герцогиня. Согласитесь, вопрос непростой, и ошибки допустить никак нельзя.

– Что же, давайте попробуем рассудить. Увы, мои братья не имеют потомства мужского рода, и если у Агнессы родится сын, он будет единственным прямым потомком Богуслава Тринадцатого по мужской линии с хорошими правами на все герцогство.

– Неужели вы будете внука любить меньше, чем племян-

ника?

— Помолчите, Иоганн, вы мешаете мне думать! Итак, я полагаю, что вам не удастся жениться на княгине Агнессе Магдалене.

— Отчего так?

— Мой брат Филипп, возможно, и не семи пядей во лбу, но сообразить, что нельзя отдавать Агнессу замуж за такого человека, как вы, он сможет. Ведь в таком случае вы станете опекуном единственного наследника всей Померании, и, принимая во внимание вашу активность и удачливость, это верный способ ввергнуть страну в междоусобицу. Он никогда не даст согласия на этот брак.

— А если я не стану...

— Подождите, Иоганн! Если вы не станете спрашивать его мнения, ваш брак будет недействительным. Кроме того, семью шведского короля ваш выбор также может оскорбить. Так что забудьте об этой связи. По крайней мере, пока. Чем больше я смотрю на вас, тем более непредсказуемой мне кажется жизнь. Все может перемениться, но сейчас вам нельзя сделать опрометчивый выбор. Ступайте, сын мой, вы вывалили на меня слишком много новостей. Мне нужно подумать.

— Один вопрос, матушка!

— Что вам еще?

— Где Марта?

— Боже мой, вы неисправимы! Неисправимы и непости-

жимы!

– Матушка!

– Да успокойтесь вы, герцог... Все в порядке с вашей Мартой. Я не хотела брать ее с собой, поскольку путешествие – не самое лучшее занятие в ее положении, но она такая же упрямая и взбалмошная, как и вы. Единственное, в чем удалось ее убедить, – это не появляться в Гюстрове. Она в небольшом фольварке в трех милях от города.

– Матушка...

– Что вам?

– Спасибо! Спасибо вам за все!

Я выскочил из покоев, отведенных брауншвейгским герцогам, как ошпаренный. Пролетел на одном дыхании до конюшни и только там выдохнул в лицо перепуганному конюху:

– «Коня мне! Полцарства за коня!»

Потом была бешеная скачка в начинающихся сумерках, ветер в лицо, топот копыт коней Аникиты с рейтарами за спиной.

Пока не изобрели электричества, люди ложились спать рано, будь то крестьяне или нобили. Обитатели этого фольварка тоже собирались спать, когда мы, разгоряченные скачкой, ворвались во двор, изрядно перепугав обитателей. Женщины встревоженно прятали детей, а мужчины брали в руки что поувесистей. В воздухе явно запахло дымом от фитиля мушкета, когда между нами и местными жителями встала

хрупкая фигурка Марты.

— Принц! Мой принц! Остановитесь все!

Я соскочил с коня и бросился к ней.

— Марта! Моя Марта! — Потом обернулся к жителям фольварка и весело крикнул: — Это Марта, слышите вы! Моя Марта, а я ваш герцог, черт бы вас всех взял!

— Странник! Герцог Иоганн Странник! — прошелестел шепот в толпе, и мужчины, отложив в сторону свое оружие, опустились на одно колено.

Женщины, вынашивая ребенка, часто дурнеют, отдавая свою красоту еще не родившемуся малышу, но, бог свидетель, я никогда не видел никого прекраснее Марты, готовящейся стать матерью. Я смотрел на нее и не мог налюбоваться. Ничего не осталось от той прежней девочки, переодетой в мужской наряд. Сейчас даже такой круглый остолоп, как моя светлость, не смог бы принять ее за мальчика, столько было во всем ее облике женственности и неизъяснимой прелести.

Мы не виделись целую вечность, а у нас была только одна ночь, чтобы повидаться. Мы не успели сказать друг другу и половины слов, каких хотели, когда забрезжил рассвет. Пора было расставаться. Меня ждал Гюстров, мои войска, мое герцогство. Мог ли я взять с собой Марту? Наверное, мог, но вот в чем парадокс: я мог одним взглядом довести до обморока своих кузенов и их приближенных, но никакими силами никогда не смог бы защитить Марту от косых взглядов и унижений от светлейшей родни. Люди, никогда не осмелив-

шиеся бросить вызов мне, с удовольствием отыгрались бы на ней.

С утра я был в лагере своих войск. Хайнц Гротте, ставший подполковником, или, как говорят немцы, оберст-лейтенантом, очень ответственно подошел к своим новым обязанностям. Порядок в лагере был образцовым, новобранцы под чутким руководством ветеранов, ставших капралами, маршировали и разучивали оружейные приемы. Дело у них явно спорилось.

Поскольку вербовка шла успешно и недостатка в кандидатах не наблюдалось, было сформировано восемь рот численностью примерно двести человек каждая. Сто двадцать из них были мушкетерами, шестьдесят пикинеров, два десятка гренадер. Изготовить «гренады» оказалось делом непростым, но решаемым. Останавливала лишь высокая стоимость одноразового снаряда. Пока в запасе было только по паре гранат на гренадера, и увеличивался запас крайне медленно. Помимо метания гранат, в обязанности гренадеров входила установка «испанских козлов» в случае атаки вражеской кавалерии. Была также сформирована артиллерийская рота. Среди других пушек, вывезенных из Кристианаполя, было несколько относительно легких, четырехфунтового калибра. Для них сделали легкие лафеты с постромками. В походном положении они перевозились лошадьми, а на поле боя в постромки впрягались люди из расчетов. Пехоту приучали прикрывать свои пушки, а пушки должны были

прикрывать пехоту. Командовал моей артиллерией Клим, ну и Анисим частенько терся рядом, присматривался. Форма, придуманная мною для стрельцов, неожиданно стала популярной среди моих военных. С определенными изменениями, конечно. Кафтан покороче, никакой шнуровки по бортам, но отложной воротник, обшлаг и карманы с клапанами строго определенных цветов явно были заимствованы. В конце концов я махнул рукой, и «мекленбургский мундир» стал официальной формой моего полка. У мушкетеров, grenадер и пикинеров она была синего цвета, воротник, обшлаг и клапана были красными. У артиллеристов – наоборот, кафтаны красные, а все остальное синее. Кушаки у всех желтые, это святое. (Просто их слишком много заказали сразу, и я велел не умничать.) Когда мои орлы маршируют, зрелище просто завораживающее. Во всяком случае, зрители собираются со всего герцогства.

Отдельная песня – кавалерия. У местных дворян довольно много отпрысков, и спихнуть младших сыновей на службу герцогу-страннику показалось им делом перспективным. Более-менее грамотные стали юнкерами и фендриками в пехоте – глядишь, пообтешутся, будут толковыми офицерами. Увы, были и такие, что только на коне скакать и шпагой махать. Правда, последнее, без балды, реально умеют. Вот такие и стали кирасирской ротой. Критически осмыслив свою службу в рейтарах и куций военный опыт, а также рассказы людей бывалых, я рассудил за благо с рейтарами не за-

морачиваться. Пока научишь местных недорослей длинному караколю, с ума сойдешь. Поэтому никаких одиннадцати шеренг, только четыре, причем стреляют, подготавливая атаку, только первые две, а потом шпаги и палаши. Вторую конную роту я предполагал сделать драгунской, основой ее стали мои драбанты, прошедшие Кальмарскую кампанию. Я их все равно уже реально загонял. Seriously, все умеют и из мушкетов три залпа в минуту как с куста, и колюще-режущим оружием как заправские ландскнехты. И конный караколь изобразить в лучшем виде, и из пушек в случае необходимости палят ничуть не хуже заправских пушкарей. Спецназ, блин! Ружьями, заказанными в Голландии, я планировал вооружить как раз их, то есть драгун. Будет у меня такая эрзац-мотопехота.

Отдельный regiment составляли стрельцы и рейтары Аникиты. На полноценные роты их все равно не хватало, разбавлять их местными смысла также не было, поэтому они стали моей личной охраной. Ну а что, вид непривычный, языка не знают, по крайней мере, пока.

Вернувшись вечером в замок, я привычно отдал поводья конюху, дал, как обычно, распоряжения и уже собрался идти к себе, как вдруг вспомнил, где я уже видел эту рожу. В смысле конюха. Именно ему я кричал ночью «полцарства за коня». А еще я вспомнил, что зовут его Михель, он сирота и хочет жениться, но кандидатуры подходящей нет, ибо беден добрый молодец как церковная мышь. Это не считая того,

что рылом не вышел и не особенно умен. Вы спросите, откуда я все это знаю? Привычка у меня такая еще со времен Дарлова – все обо всех знать. Там поговоришь, там похвалишь, там посочувствуешь. Доброе слово и кошке приятно, не только прислуге, так что у меня много информаторов.

– Михель! Я тебе вчера что сказал?

– Когда, ваша светлость?

– Когда коня требовал?

– Полцарства за коня, ваша светлость.

– Ну и где ты был до сих пор, дурья башка? Полцарства не такой товар, чтобы дожидаться, пока ты за ним придешь. Пришел бы утром – было бы у тебя свое полцарства. Глядишь, и жениться можно, а теперь что? Кончились у меня все полцарства, что ты будешь делать.

– Грешно вам, ваша светлость, смеяться, – забубнил Михель, а на глазах слезы.

Пожалуй, я перестарался, – ободряюще потрепал его по щеке и тихо сказал на ухо:

– Не огорчайся, парень. Полцарства у тебя не будет, не годишься ты для этого ремесла, а вот жену я тебе найду, уж будь уверен.

Я уходил, а бедолага Михель стоял и хлопал глазами, глядя на золотой гульден в ладони, который я ему сунул. Впрочем, далеко уйти мне не удалось: в ближайшем коридоре на мою светлость просто налетел посыльный от герцогской четы Иоганна Альбрехта и Маргариты Елизаветы – дескать, их

светлости желают видеть. О как!

Дело, по которому меня хотели видеть родственники, было весьма интересным. Ее герцогская светлость обвиняла одного из моих людей в циничном совращении ее горничной. Заплаканная горничная прилагалась в качестве вещественного доказательства. Надо сказать, моя кузина, очевидно, опасаясь за нравственность супруга, держала в ближней прислуге лишь отменно некрасивых представительниц прекрасного пола. Представленная горничная исключением не была, формы еще более-менее, но вот личико совершенно лошадиное. Нет, ну правда, у моей кобылы посимпатичнее будет. Я задумчиво оглядел жертву распущенности моей свиты и спросил, кто же польстился на этот образец «чистейшей красоты»? Ответ меня не то чтобы удивил...

– У этого вашего офицера совершенно варварское имя Anisim! – прошипела моя кузина, как заправская кобра. – Как, впрочем, у всех ваших варваров-московитов!

Надо сказать, я поверил сразу же. С тех самых пор как в состав моего отряда вошли бывшие каторжники, я моментально уступил звание первого сердцеда бывшему пушкарю. Трудно сказать, что привлекало всех встречаемых и перечных женщин в этом невысоком и начинающем лысеть плохо одетом и не знающем языка мужичке, но факт, как говорится, налицо. Где бы мы ни останавливались, в лесном хуторе или большом городе, этот секс-террорист находил жертву своей неистовой сексуальности. И горничная моей кузи-

ны Гертруда была как раз во вкусе этого доморощенного Казановы, в смысле было бы за что подержаться, а «с лица воду не пить». Ну и что прикажете делать?

– Йорген, голубчик, – обратился я к лакею. – Пригласи-ка сюда господ Аникиту, Анисима, ну и Клима заодно, чтобы два раза не бегать.

Мои офицеры вскорости явились и отвесили церемонный поклон мне и моим кузенам. В смысле Клим по-европейски помахал, склонившись, шляпой, а русские изобразили поясной поклон.

– Кайся, грешник, – обратился я к Анисиму без обиняков.

– Не ведаю за собой никаких грехов, герцог-батюшка! – пошел в отказ стрелецкий полусотник.

– А это что? – показал я на Гертруду. – Лишил девку чести – и в кусты!

– Поклеп, герцог-батюшка! Любились – было дело, не отпираюсь, а чести там никакой и не было!

– То есть как это не было? Ты что же это, курицын сын, хочешь сказать, что у моей, можно сказать, сестры прислуга порченная? Сказано тебе – девка, значит, девка! Была в смысле, ну пока ты...

Аникита с Климом только что не ржали, наблюдая за тем, как их товарищ выкручивается из неожиданной западни. Ничего-ничего, из этих цепких лапок еще никто не вырывался!

– Значится, так, урону герцогской чести допустить никак нельзя, а потому ты, разгильдяй этакий, на сей девице же-

нишься и грех свой прикроешь!

– Да как же это, герцог-батюшка! Она веры-то лютеранской!

– Ой, беда-то какая! А ты к ней, когда под подол лез, неужто разницы не приметил?

– Да какая уж там разница!

– А раз никакой – женись, вот и весь сказ. А я потом Константинопольскому патриарху грамотку отпишу, пусть он тебе, ироду, епитимью назначит.

– Да женатый он! – пришел на помощь Анисиму Аники-та. – Вот тебе крест, пресветлый князь, был я у них на венчании. Оно хоть и не по чину мне, а случилось так. Все честь по чести было, и поп, и венчание, и аналой в церкви!

Вот это препятствие так препятствие, тут и патриарх с папой не помогут. То есть мне-то было в принципе параллельно – где она, Москва с законной женой? Но коренным обитателям семнадцатого столетия это было совершенно непреодолимое препятствие. А тут еще Гертруда высунулась.

– Ваша светлость! – горячо заговорила она. – Вы уж простите меня, а только если вы хотите отдать меня замуж за этого человека, то помилуйте.

– А что так? Не понравился?

– Ах, ваша светлость, он чужак здесь, и вера у него другая, да и ведь он с вами в поход уйдет, а мне что, одной оставаться? (Блин, а ноги раздвинуть тебе эти обстоятельства не помешали!)

– Чего она говорит? – встревоженно поинтересовался у Клима Анисим.

– Жалуется на тебя, обалдуя! – немедленно ответил я. – Старался, говорит, ты плохо, так что просит ослобонить, не хочет всю жизнь маяться.

Тут уж Аникита с Климом не выдержали и заржали, как стоялые жеребцы. И то правда – когда еще будет случай высмеять въедливого и острого на язык полусотника.

Герцогиня, решившая, что смеются над ней, разразилась громкими криками, а я опять поманил Йоргена и велел позвать конюха Михеля. Когда крики поутихли, я обратился к Гертруде:

– Скажи мне, добрая... кхм, девушка, ты знаешь конюха Михеля?

– Знаю, как не знать, ваша светлость.

– Ну и как он тебе?

– Ваша светлость, но он гол как сокол.

– А если я скажу тебе, что у него в Стрелице жил, ну, скажем, двоюродный дед, который недавно умер и оставил ему крепкий дом и десять моргов²⁶ земли?

– Уж коли так, да если еще и служба за ним останется, я скажу, что лучше жениха и не надо. Парень он смирный, набожный, работающий и непьющий. Чего еще-то?

– И вправду, чего еще? Да вот и он, кстати. Михель, дружок, скажи мне, нравится ли тебе Гертруда?

²⁶ Устаревшая земельная мера в Германии и Польше, равная 0,56 га.

Склонившийся в поклоне Михель несколько подзавис от вопроса, но природная обстоятельность взяла верх, и он ответил:

– Она хорошая девушка, ваша светлость! Она никогда не смеялась надо мной, как другие девушки, служащие у госпожи герцогини.

– Как ты думаешь, из нее получится хорошая жена?

– Думаю, да, господин герцог, но вряд ли она выйдет за меня, ведь я беден.

– Ну, не так уж ты и беден. Еще утром у тебя почти было полцарства, – хмыкнул я и сказал, уже обращаясь к герцогине: – Милая кузина, я полагаю, мы можем уладить это недоразумение. Мой человек нанес урон репутации вашей девушки, значит, мой человек на ней женится! Ну, а то, что это будут два разных человека, это такие пустяки!

– А Михель ваш человек?

– Да, он мой конюх, у него есть дом под Стрелицем и десять моргов земли. А на свадьбу я подарю ему коня, да вот хоть этого, – ответил я и показал рукой в окно. – Надеюсь, вы также не оставите свою любимую горничную без приданого?

Когда я собирался было уходить, кузен Иоганн Альбрехт, немного стесняясь, сказал мне в спину:

– Милый кузен, мне, право, неловко вас беспокоить, но лошадь, которую вы подарили конюху на свадьбу, моя.

– Да, я знаю, кстати, а как вы думаете, кто действительно подарил Михелю дом и землю?

Это была веселая свадьба, на ней гуляла вся замковая прислуга. Герцогская чета и я оказали честь своим присутствием, а стрельцы поразили всех своей плясовой в честь молодых. Приятно причинять людям добро, да вот как-то редко получается. Век, может, такой жестокий?

Но ни одно доброе дело не может остаться безнаказанным! Именно тогда я окончательно убедился в правоте этого древнего утверждения. Когда я после свадьбы немного хмельной поднялся к себе в покои, меня встретила Гертруда, вся увитая цветами. Ну кто же знал, что в Мекленбурге все еще есть право первой ночи, а эта сволочь гюстровский кузен уступит ее мне!

Против обыкновения, следующим утром мы с семьей кузена завтракали вместе. Вообще Маргарита Елизавета старалась ограничить наше общение по максимуму, делая исключение, лишь когда хотела закатить скандал. Но этим утром скандала никакого не ожидалось – напротив, кузены смотрели на меня вроде бы доброжелательно.

– Как вам почивалось, дорогой кузен? – почти вежливо спросила меня Маргарита Елизавета.

– Прекрасно, лучше и быть не может, – буркнул я в ответ.

– Рад за вас, – добавил масла в огонь моего плохого настроения кузен.

– Все-таки эти старинные обычаи – суть пережитки и варварство, – задумчиво проговорила герцогиня. – Мы живем

в просвещенном семнадцатом веке, а соблюдаем какие-то ужасные, просто гадкие обычаи.

– Ну, дорогая, все не так плохо. Прогресс берет свое, и нравы повсеместно улучшаются. Еще каких-то полсотни лет назад сеньору действительно было необходимо проделывать эти непристойности. Сейчас же перед брачной ночью достаточно просто возложить руку на невесту в знак власти и положить платок в качестве подарка.

Так, я не понял! Я что, не должен был... Кузен, suka, a ranshe raskazat?..

– Иоганн, дорогой мой, вы что-то плохо едите, вам нездоровится?

– Доктор мне... завтракать... запретил... Говорит, что ножом и вилкой мы копаем себе могилу. Шарлатан проклятый!

– Сочувствую, кузен, прямо не знаю, чем вам и помочь.

Помог уже, нечего сказать. Впрочем, нужно отдать должное тезке, я доставил ему немало острых ощущений своим приездом, и он хотя бы попытался отыграться. Причем получилось у него изящно. А вот Фридрих Адольф что-то затих, паразит. Не иначе козни строит.

Наступил конец лета, мне было пора выдвигаться. Полк набран, более-менее обучен, и теперь практика покажет, чего он стоит в деле. Родственники построены по ранжиру, подданные уведомлены, кто в доме хозяин. Напоследок надо бы устроить родным и близким праздник – пусть пораду-

ются, что я уезжаю. Праздник, так или иначе, крутился вокруг моих войск. Пехота прошла стройными рядами, мушкетеры дали залп из мушкетов в честь прекрасных дам. По крайней мере, я так и объявил. Кавалергарды показали атаку, а мои драбанты караколь. Потом конники Аникиты продемонстрировали джигитовку. Странно, я раньше думал, что это кавказское развлечение, но и природные великороссы, как оказалось, прекрасно скачут, мечут в мишени дротики и рубят чучела саблями на радость визжащей от восторга публике. Постепенно перешли к индивидуальным умениям. Пушкари Клима разбили ядрами нарочно для того построенный домик. Лучшие стрелки состязались в пальбе по мишеням. Аникита, подхватив длинную пику, показывал чудеса эквилибристики на коне – вот кому в цирке выступать! Лучшим стрелкам, фехтовальщикам и наездникам вручались призы. Награждая очередного стрелка, мой разлюбезный кузен Фридрих Адольф (явился – не запылится) сказал мне:

– Дорогой брат! (О как!) Между нами в последнее время частенько были недоразумения (мягко говоря), но я надеюсь, все в прошлом (я тоже). В знак нашего примирения я хотел бы преподнести вам этот скромный подарок, – и сделал знак слуге.

Тот на вытянутых руках вынес какой-то ларец, обшитый кожей и обитый серебряными гвоздиками. Раскрыл его и – мама дорогая! В ларце лежали два допельфастера, родные

близнецы моих, только изящно инкрустированные серебром и полудрагоценными камнями. Кроме того, в ларце серебряная пороховница, пулелейка, как бы не из слоновой кости, и прочие приблуды. Все по высшему разряду.

– Ваши пистолеты не слишком подходят для столь высококородной особы. Я полагаю, эти подойдут куда больше.

Я подошел к кузену и вместо церемонного поклона крепко пожал ему руку. А потом порывисто обнял. Угодил! Угодил, нечего сказать. Мне, кстати, еще при шведском дворе намекали на несовместимость скромных рейтарских допель-фастеров с мой рангом, а тут такая красота!

– Не желаете ли опробовать? (Желаю, мля, ой как желаю!) Говорят, вы большой искусник в этом, можете палить одновременно из всех стволов?

О, мой дорогой кузен желает узреть стрельбу по-македонски? Да без проблем! А это еще что? Мэнни, ты куда лезешь? Мэнни-Мэнни, похоже, парнишка все-таки положил глаз на кого-то из местных красавиц и хочет произвести впечатление.

– У его светлости на службе этой премудрости учат даже секретаря! – сказал мой рыжий адъютант.

Я в ответ засмеялся и довольно прокричал ему:

– Держи, парень, если не оплошаешь, я подарю тебе свои прежние! У тебя право первой... гхм... первого выстрела.

– Ваша светлость, если рыжая бестия оплошает, мы бы тоже хотели принять участие! – возникли рядом Лелик и Бо-

лек. Братья давно точили зубы на моих красавцев, но таких же не попадется, а другие им кажутся менее крутыми.

– Быть посему! Первым стреляет Мэнни, если промахивается – право разыграть приз перейдет к вам, – провозгласил я и обернулся к кузену. – Позвольте еще раз поблагодарить вас. Я получил новые пистолеты, вы получите мою глубочайшую признательность, а все вместе мы получим недурное развлечение!

Но что это? У шверинского герцога сначала округлились глаза, а на лбу выступил пот. Что-то не так, просто определено не так! «Мэнни, нет!»

– Мэнни, нет! – вскричал я во все горло, подскакивая.

Поздно! В наступившей тишине было слышно, как жужжат колесики, высекая искру, и оба богато украшенных допельфастера разрываются в руках улыбающегося рыжего мальчишки.

При виде этой сцены у присутствующих одновременно вырвался крик, а у меня в голове застучала мысль, что я сейчас один среди приближенных моего двоюродного брата, и если этот звук за моей спиной издает не лезвие, покидающее ножны, то я ничего не понимаю в оружии. Резким кувырком ушел в сторону и услышал, как обивку на спинке моего кресла пропарывает чей-то клинок. Но я уже на ногах и, выхватывая допельфастеры, твердя про себя торжественный обет, что даже если ко мне явится ангел господень или его рогатый антипод и предложит «кольт-патерсон», «беретту» и пи-

столет Макарова заодно, я все равно ни на что не променяю свои старые добрые рейтарские пистолеты.

Стою на одном колене и держу на вытянутых руках допельфастеры. Герцог Шверина хотел увидеть стрельбу по-македонски? Сейчас увидит.... Но что это? Фридрих Адольф повис на руке человека, воткнувшего шпагу в мое кресло, а тот бьет его в живот дагой. Ни черта не поняв, спускаю курок. Минус один, кто еще? Что, желающих нет? А вы, кузен? Мой тезка смотрел в дуло пистолета выпученными глазами, явно этот толстяк ничего не знал, но *roui*quo*i* pas²⁷, как говорят французы. Тезка, кажется, что-то понял и бочком-бочком загородил Маргариту Елизавету. Тьфу ты, пропасть! Он что, думает, я в беременную бабу стрелять буду? Но в следующую секунду все кончено, стрелы во главе с Анисимом, привычно стоявшие в охране, окружили всю честную компанию и обезоружили чужих. Желających сопротивляться не нашлось – слишком уж угрожающе выглядят бердыши в руках суровых бородатых солдат. Я наклонился над беднягой Манфредом, рядом, явно загораживая меня, стояли как статуи Кароль и Болеслав. Одного взгляда хватило, чтобы понять: для рыжего маленького померанца все конечно. Голова разбита отлетевшим замком, левый глаз выбит, правая рука разmozжена. Господи, за что? Из горла вырвался дикий даже не крик, а рык:

– Врача-а-а!

²⁷ Почему нет (фр.).

– Ваша светлость, – шепчет Мэнни.

– Что, что ты говоришь, мальчик? Молчи, тебе нельзя говорить...

– Можно, мне теперь все можно... я всегда хотел идти за вами в бой... а мне доставалась бумажная работа... я счастлив умереть за вас!

– Ты не умрешь, Мэнни, врача! Дайте же врача! Я перевешаю всех эскулапов в этом городе, но ты будешь жить.

– Нет, ваша светлость... – шепчут мертвеющие губы. – Я ухожу... простите...

Где эта сука Фридрих Адольф, я ему сейчас кишки выпущу... Поздно: застреленный мною злоумышленник уже преуспел в этом.

Некоторое время спустя

Фридрих Адольф с сереющим лицом лежит на кровати. Рядом сидит герцогиня София и держит его руку. Рядом толстяк Иоганн Альбрехт настороженно поглядывает в мою сторону. Мне сообщили, что умирающий хочет видеть меня, и я пришел. Я спокоен, как надгробие, которым накроют моего кузена. Надеюсь, он сдохнет сам, и мне не придется... Да спокоен я, спокоен!

– Кузен, вы ведь не поверите, что пистолет разорвался случайно? – слабым голосом спрашивает меня Фридрих.

– Нет, я видел ваше лицо. Вы все знали, не так ли? Кроме

того, когда покушение сорвалось, один из ваших людей схватился за шпагу. Кстати, какого черта вы стали ему мешать?

– Это не был мой человек. Он прибыл недавно с этими проклятыми допельфастерами. Не спрашивайте, как он меня заставил, да он и не заставлял. На пороге смерти я могу сказать, что ваша безвременная кончина не слишком бы меня огорчила. Но он мне ничего не объяснял, а я сделал вид, что ничего не понял. Он просто предложил подарить вам эти пистолеты и просил представить его вам как искателя службы. От него за милю пахло смертью, но я сделал вид, что поверил. Зачем я схватил его за руку? Не знаю... мне вдруг показалось отвратительным то, что он пытался сделать... а он ударил меня кинжалом, и теперь я умираю. Я знаю, что вы ничем мне не обязаны, но хочу вас попросить...

– Просите, герцог, и дано будет вам... может быть.

– Странно слышать от вас не солдатскую брань, а цитату из Писания... не убивайте моего брата! Он ничего не знал – ни прежде, ни сейчас.

– Больно надо мне его убивать! Если уж я не пристрелил его под горячую руку сразу, уж точно не стану делать этого теперь.

– Он защищал жену и еще не родившегося ребенка, – тихо проговорила герцогиня София. – Бедняжке Маргарите Елизавете дурно, и она вот-вот родит.

– Нельзя защитить то, чего не хочет защитить господь. Простите, тетя, но любой лошадаик знает, что если случать

кобылу и жеребца, когда их родители близкие родственники, могут родиться такие ублюдки... и только у европейской аристократии упорно сочетаются браком родственники. Я не желаю зла ни Иоганну, ни Маргарите, но от их союза вряд ли будет толк.

Снаружи раздался шум, и в спальню вошла моя мать герцогиня Брауншвейгская.

– Иоганн, что ваши люди себе позволяют! Я пока еще герцогиня, чтобы испрашивать разрешения у ваших бородатых варваров.

– Чего вы хотите, матушка?

– Я хочу знать, что здесь вообще происходит, и что вы хотите предпринять?

– Ну, сначала я все-таки узнаю, кто же так хочет моей крови. Итак, господа, мы выяснили, что к одному из моих кузенов явился какой-то проходимец, и тот без всяких вопросов стал ему помогать в благородном деле избавления от меня. И теперь у меня только один вопрос: какого черта?

– Это долгая история, Иоганн, – проговорила герцогиня София.

– А я никуда не тороплюсь! – ответил я и, подвинув себе кресло, уселся в него и устроился поудобнее.

– Все началось, когда ваш отец и его старший брат и мой муж герцог Иоганн Седьмой, будучи молодыми людьми, вступили в одно странное братство или организацию. Я не знаю, да и не хочу знать, какими мерзостями они там занима-

лись. Но, очевидно, ничем хорошим, раз уж за разглашение этих тайн по законам этого братства полагалась смерть. Прошло время, братья отошли от дел братства, но оно, как видно, про них не забыло и продолжало приглядывать за своими бывшими «братьями». И вот то ли ваш отец действительно разгласил какую-то тайну, то ли совершил еще какой-нибудь предосудительный проступок, но братство его приговорило. Однако он умер раньше, и братство решило, что за его грех ответите вы.

– В жизни не слышал большего вздора! Если уж им нужно было уничтожить меня, не было никакой нужды ждать, пока мне исполнится шестнадцать лет!

– Кто знает, что делается в головах этих негодяев. Может, они сомневались в вашем законном происхождении? А, что скажете, сестрица? – и герцогиня София зыркнула в сторону моей матери.

– Попросила бы вас, голубушка! – не осталась в долгу Клара Мария. – Похоже, самоубийство вашего мужа тоже не от внезапного помешательства.

– Вы можете не верить, Иоганн, – вновь подал голос Фридрих Адольф. – Но это чистая правда, во всяком случае, та часть ее, которая нам известна.

Мать моя женщина! Жидо-масонский заговор против бедного меня! Охренеть!

– Ну, хорошо, наши родители нагрешили, и нам отвечать за их грехи! Но каким образом этот негодяй проник к вам?

Не думаю, что в Шверине к вам пускают всех подряд. Хотя если вспомнить, как охранялся Гюстров, то ничего, наверное, сложного.

– Иоганн, – неожиданно подал голос молчавший до сих пор толстый кузен. – Иоганн, наш батюшка показывал нам один перстень, точнее рисунок, который должен быть на перстне. Он говорил, что если придет человек с таким перстнем, то лучше оказать ему содействие, ничего не спрашивая.

– О как! Фридрих, вам, очевидно, показали такой перстень?

– Да, – откликнулся умирающий.

Так, а где перстень? В смысле где труп этого негодяя с перстнем? Надо бежать, пока не оприходовали.

– Куда вы собрались, Иоганн? Вы так и не сказали, что собираетесь делать.

– Матушка, ну что я могу сделать в этой ситуации. Не могу же я объявить на всю империю, что мекленбургские герцоги по наущению какой-то дурацкой секты перегрызлись, как собаки за кость. Так что все просто: какие-то паписты по наущению дьявола устроили покушение на светоч протестантизма в северной Германии – семью Мекленбургов. Покушение увенчалось успехом. Звезда моего кузена закатилась, не успев подняться! Вся семья в трауре.

– Вы знаете, я ведь католик, – потерянно проронил мой тезка.

– Вы, кузен, простите, болван! Абсолютное большинство

ваших подданных лютеране, а вы корчите из себя элитария. Кончится все тем, что вы перестанете быть герцогом, и моей вины в этом не будет.

Когда мы вышли, матушка спросила меня:

– А как вы полагаете, надо разделить владения вашего несчастного кузена?

– Да он вроде еще жив. Впрочем, чего там делить, на две равные части, разумеется. Одну мне как наследнику, вторую – тоже мне, в качестве моральной компенсации. Пожалуй, так будет справедливо.

Увы, серьезные происшествия на этом не кончились. Вечером в Гюстров прибыли посланники польского короля Сигизмунда с требованием прекратить вербовку войск для шведского короля. Поначалу я, услышав это, оторопел. Заявление было, прямо скажем, наглое. Да, поляки воевали со Швецией, но империи это не касалось никоим образом. Мекленбурга, кстати, тоже, поскольку служил я шведскому королю как частное лицо. Еще большей наглостью отдавало то, что следом за послами следовала польская кавалерия. Очевидно, с целью вразумления, если кротким увещаниям слов не внемлют.

Потом поразмыслив, я решил, что таких совпадений не бывает. Если бы покушение удалось, то вербовка явно была бы сорвана. Мои кузены без вариантов распустили бы завербованных мною солдат, и у поляков было бы куда меньше проблем. Хотя зачем распускать: меня нет – и заботливо со-

бранный regiment можно перевербовать. Сигизмунд только что передумал сажать на московский престол своего сына Владислава, поскольку решил сам стать царем. Так что солдаты ему нужны, а вот некий герцог, подающий большие надежды, — нет.

Вот уж не думал, что моя скромная персона и маленькая армия вызовет столько негативных эмоций. И кому же я так не угодил-то? Причем этот кто-то настолько могущественен, что смог организовать поход двухтысячного войска через территорию бранденбургской марки и Померании. Все страньше и страньше...

Запах смерти витал над Гюстровским замком. Первым испустил дух бедолага Мэнни, потом пришел черед Фридриха Адольфа. Мой кузен до конца был в сознании и умер как настоящий христианин, всех простил и у всех попросил прощения. Увы, мне было мало дела до душевных страданий моего беспутного родственника. В другое время я, может быть, проникся бы и растрогался, но я сидел у еще не остывшего тела Манфреда. Сидел и молчал, ни одна мысль по отношению к моей родне, ни добрая, ни злая, не посетила меня в эту минуту скорби. Я вспоминал, как этого рыжего мальчика отдали мне на службу. Как неловко он фехтовал и ездил верхом. И, напротив, умело обращался с цифрами и красиво писал. Я вдруг подумал, что ничего не знаю об этом маленьком человечке, с радостью отдавшем за меня жизнь. У него

ведь была большая семья, должна была сестра выйти замуж. Вышла ли? Не знаю. Я обернулся, рядом стояли вечно его изводившие насмешками Лелик и Болек и тоже едва не плакали. Что-то надо было сказать, но никакие слова не приходили на ум.

— Ребята, вы бы женились, что ли, — наконец произнес я. — А то вот так...

Вдобавок ко всему начались преждевременные роды у Маргариты Елизаветы. И без того не слишком здоровая, она плохо перенесла потрясения последних дней. Ребенок ее родился мертвым, а сама она сгорела в огне родильной горячки. В те времена таким исходом родов нельзя было никого удивить, но все вместе эти несчастья, казалось, создали темную ауру у всего замка.

Однако времени предаваться скорби не было. В гостевых покоях замка ждали ответа заносчивые польские послы. Также, прослышав об ультиматуме короля Сигизмунда, в замок стали заявляться делегации дворян и бюргеров. Они не имели ничего против, чтобы я и завербованные мною их родственники и соседи сложили голову где-нибудь на чужбине, но войны в пределах Мекленбурга им не хотелось. Совсем.

Вечером я спустился в подземную тюрьму, где меня дожидался духовник моего тезки падре Игнасио. По национальности падре был испанцем, хотя по его внешнему виду этого и не скажешь. Ни смуглости в нем, ни фанатичного блеска в глазах. Такой живенький толстячок, любитель хорошо

покушать и, скорее всего, выпить. Когда первый раз увидел, я его немного попугал, но этим и ограничился. А вот после трагедии, разыгравшейся на смотре, решил пообщаться плотнее. Его поведение во время происшествия не то чтобы мне не понравилось, просто насторожило. Не слишком он был похож на того ленивого толстяка, каким его привыкли видеть. Поэтому по моему приказу казаки во всеобщей суматохе незаметно подхватили священника под локотки и, зажав рот, отволокли в темницу.

– Сопrotивлялся? – спросил я у охранявших камеру казaков.

– Да нет, княже, не успел, однако – поглядите... – с этими словами казак протянул мне распятие, которое падре Игнасио постоянно таскал с собой, и резким движением разъединил. Половина распятия была рукоятью, а во второй пряталось не слишком длинное, но очень острое лезвие.

– Любопытно! Хвалю, ребята, кончится заваруха – награжу, за мной дело не станет. Ну-ка развяжите руки святому отцу. У меня вопросов к нему целый воз и маленькая тележка.

Падре Игнасио потерял руки, восстанавливая кровообращение, и вопросительно взглянул на меня.

– Садитесь, падре! – радушно пригласил я его. – У нас впереди долгий разговор.

– Сын мой, если вы что-то хотели спросить, то вам не было нужды силой тащить меня сюда.

– Конечно, конечно. Падре, давно хотел спросить: каким ветром испанца занесло в наши края? У генерала не нашлось немца, или он решил вас таким образом спрятать?

– Про какого генерала вы толкуете, сын мой?

– Про генерала ордена иезуитов, падре, кстати, я не ваш духовный сын, а герцог здешних земель. Я не принадлежу к вашей церкви, и у меня скверный характер. Кроме того, меня совсем недавно пытались убить довольно замысловатым образом, и я полагаю, вы в этом замешаны.

– Именно замысловатый образ действий доказывает нашу невиновность! – перебил меня падре Игнасио. – Если бы орден поставил такую задачу, вы были бы уже мертвы и безо всяких ненадежных технических средств. Кинжал, знаете ли, надежнее.

Человек, сидящий передо мной, переменился на глазах. Исчез прежний нерешительный любитель выпить и закусить, вместо него сидел хищный зверь, прячущий до поры зубы, но готовый при необходимости немедленно пустить их в ход.

– Вы меня просто успокоили, святой отец, прямо от души отлегло! Я бы, ей-богу, прослезился, однако припоминаю, что ваша организация собиралась меня поджарить на костре.

– Ваша светлость, даже когда инквизиция действовала в Германии, в ней заправляли доминиканцы, так что и тут ваши упреки не по адресу. Вы спрашиваете, что я делаю в здешних краях? Как бы вам это объяснить, у нашего ордена

много задач. Одной из них я и занимаюсь.

– Очень интересно, какого же рода эта задача? Не делайте такое лицо, вы мне сейчас все расскажете в любом случае.

– Есть одна тайная организация, глубоко пустившая корни среди аристократии разных стран. Она провозглашает своей целью распространение знаний и справедливости, но ведь известно, куда вымощена добрыми намерениями дорога. У нас есть подозрения насчет истинных целей этих людей, и мы внимательно следим за ними. Одними из этих людей были ваш отец и дядя, после их трагической кончины меня прислали сюда.

Я бы и дальше слушал падре Игнасио, но нас прервал настойчивый стук в двери.

– То, что вы рассказали, очень интересно, но мне пора. Мы продолжим позже.

– Что приключилось? – спросил я, выйдя.

– Княже, боярин Аникита челом бьет, просит подняться. Пришли до вас.

– Тимофей, – припомнил я его имя. – Я сейчас велю Аниките сменить вас. Поедешь с герцогскими егерями навстречу полякам, посмотришь, что там за войско на нас движется. Возьми с собой людей, сколько надобно, но чтобы я все знал.

– Это можно, – осклабился казак. – Проведаю про ляхов все, как есть, княже!

На сей раз депутация была от знатнейших дворян герцогства. Увы, желания у аристократов и бюргеров совпадали.

Они не хотели войны и имели подозрение, что я могу ее развязать. Я хотел было спросить, не оскорбляет ли их поведение короля Сигизмунда, но, внимательно оглядев, не стал. Ничто их не оскорбляет. Потомки рыцарей, завоевавших когда-то эти земли, хотели только покоя и не собирались видеть дальше своего носа. Сегодня в Мекленбург заявили поляки, завтра своих людей пришлет император, и они выгонят этих сытых котов из их замков. Интересно, вспомнят ли они об этом случае?

Милостиво выслушав господ депутатов, я заверил их, что у меня нет иных желаний, кроме как решить дело миром, и отпустил. Потом мы с Аникитой, давая последние наставления, отправляли наших лазутчиков. Потом были еще какие-то дела, в общем, вернулся к падре Игнасио я только вечером. Камера была пуста. Сначала я не поверил своим глазам.

– Эй вы, лишенцы! Где поп? Где, чтобы вас поперек в господа бога душу мать, и якорь вам в задницу, этот проклятый поп!

Охрана озадаченно молчала, со страхом поглядывая на меня. Аникита нехорошо смотрел на своих подчиненных, поигрывая плеткой. И только Анисим бочком-бочком протиснулся в камеру и стал осматривать стены, заглянул под немудреные нары и озадаченно хмыкнул.

– Эх, что за темница, герцог-батюшка, где же это видано, чтобы постели татам устраивать. Роскошествовать им нечего

– раз уж попались, могли бы и на соломе перемочься.

– Чего?

– Чего-чего... Вон лаз какой под топчаном – оно, конечно, латинец телесами вельми велик, но жить захочешь – протиснешься.

Да, замок довольно древний, и тайн в нем, судя по всему, не счесть. Вот одна из них мне и попалась. Анисим, пройдя тайным ходом до рва замка, нашел лишь брошенную сутану падре Игнасио. Интересно, много ли таких ходов в Гюстрове, и самое главное – много ли людей о них знают? Ну чего бы сначала иезуита не допросить, а потом с этими напыщенными индюками беседовать? Перетоптались бы в прихожей, паразиты. Ох, лихо мне!

Похороны герцога Адольфа Фридриха и герцогини Маргариты Елизаветы были проведены со всей возможной пышностью. Мне нужно было выгадать время, а послам волей-неволей пришлось участвовать во всех этих церемониях. Когда наконец вернулись лазутчики и принесли мне необходимые сведения, я вздохнул свободнее. Ну что можно сказать, я, конечно, не ожидал, что король Сигизмунд пошлет в Мекленбург своих крылатых гусар, но все же ждал большего уважения, что ли. К нам двигалось ровно четыре хоругви польской кавалерии. В каждой из них было примерно десятка четыре великопольских шляхтичей. Правда, у каждого доблестного воина было два-три пахолика-оруже-

носса. К тому же путешествовали ясновельможные паны с комфортом, у самого бедного было минимум два воза в обозе со всяким припасом, шатрами и утварью. Если помимо воинов посчитать всех обозных и прислугу, две тысячи народу как раз и набиралось. Активных, так сказать, штыков и сабель было сотни четыре, остальные тыловики.

Выслушав рассказ Тимофея, я призадумался. У меня под ружьем почти две тысячи солдат. Конечно, большинство из них новобранцы, но два месяца муштры не прошли даром. Стрелять-маршировать умеют, когда-нибудь начинать надо, так почему не сейчас? Я ясновельможных панов в гости не звал, сами пришли. Герцогство тут мое, и я решаю, кто просто прогуливается, а кто охренел без меры. Репутация опять же дело такое, требует постоянного подтверждения. Герцог Мекленбургский Иоганн Странник чем известен? Правильно, тем, что отморожен на всю голову и никаких правил на войне не признает. Подданным надо напомнить, кто в доме хозяин, а то моду взяли указывать моей светлости, воевать или нет. Соседям тонко намекнуть, что пропускать ко мне вражеские войска не есть гут. Особенно померанским – тоже мне родня называется. Правда, нельзя исключать возможности, что поляки вломают мне. Бывали, знаете ли, прецеденты. Будь у поляков крылатые гусары – я бы поостерегся, но шило в сиятельной заднице настойчиво требовало решительных действий.

После того как прошли похороны, я решительно заявил

послам, что устал от траурных церемоний и хочу поохотиться. Предложение было встречено с восторгом, и рано утром мы отправились. Послы, и без того обычно выраженные как попугаи, разоделись в пух и прах. Моя свита, впрочем, вполне им соответствовала. Своих московитов я от греха отправил подальше. Они с поляками плохо друг на друга реагировали. Подальше – это к границам моего богом спасаемого герцогства. Едва мы скрылись в окрестных лесах, оберст-лейтенант Хайнц Гротте поднял войска и повел их вслед за русским региментом.

Похотились мы на славу, послы и виднейшие дворяне мекленбургской земли вдоволь настрелялись, напились и нажрались на природе. Повара сбились с ног, обслуживая свору высокопоставленных бездельников. Винные погреба Гюстрова и Шверина серьезно подсократили свое содержимое и ассортимент, но дело того стоило. На третий день прордавшие глаза высокопоставленные гости обнаружили, что находятся довольно далеко от Гюстрова. Вокруг воинский лагерь, а мы стоим на дороге, и впереди граница с Померанией.

Место выбрали по моему настоянию. С одной стороны болото, с другой довольно густой лес. И прямо перед нами польский отряд. Еще во время охоты я послал начальствующему над ним пану Одзиевскому послание, в котором предельно вежливо интересовался – какого лешего подданные короля Сигизмунда забыли в моих землях? Дескать, я им-

перский князь, в своей вотчине полноправный хозяин, и не хотят ли ясновельможные паны в связи с вышеизложенным обратиться подобру-поздорову.

Если бы я заявился в польский лагерь и щелкнул каждого шляхтича по носу, это не стало бы большим вызовом в данной ситуации. Я грешным делом думал, что ясновельможные тут же попрыгают на коней и поскачут в атаку, но не тут-то было. Пан Одзиевский, как видно, свое дело и знал и, первым делом отгородившись возами, устроил лагерь. Потом уже из укрепленного лагеря к нам выехала делегация поинтересоваться у вельможного пана герцога, не слишком ли он охренел с такими наездами на правильных польских пацанов. Кроме того, выказывалась обеспокоенность здоровьем послов и выражалась надежда, что завербованные мной солдаты уже распущены. А то польские кони застоялись, руки чешутся, и вообще, пся крев, всех убьем, одни останемся, если вы наших требований не выполните.

На что я ответил в том духе, что послы живы и здоровы, вон они с похмелья маются, болезные. Солдат я нанимаю для шведского короля, имею право. А через мои земли всякая гонористая сволочь шляться не будет, ибо здесь не какая-то долбаная Пруссия или Клевское герцогство. Так что вот вам, шановные паны, бог, а вот вам порог. И вообще я тут завтракаю пока, вот доем – тогда и подберете.

Делегация, скрипнув зубами, откланялась, но испытания на этом для них не кончились. По моему приказу среди

людей Аникиты были выделены самые языкатые во главе с Анисимом, и пока паны-делегаты садились в седла, высказали по поводу внешнего вида поляков много интересного.

Вытерпеть подобного обращения ясновельможное панство не смогло, и некоторое время спустя польские хоругви стали выезжать из лагеря и строиться для атаки. Довольно стройно, кстати, выезжать. Ну что же, и нам пора. Зарокотали барабаны, и моя пехота перегородила дорогу на Мекленбург.

Польский командир, посмотрев на тонкую линию моих солдат, очевидно, решил, что мекленбуржцы спятили, и немедленно отдал приказ к атаке. Две польские хоругви двинулись сначала шагом, потом все время убыстряя аллюр, и наконец, пустив коней в галоп, неудержимой лавиной покатились на моих солдат. Увы, время кавалерии уходило, хотя мало еще кто знал об этом. Вот оберст-лейтенант Гротте поднял руку в перчатке и резким взмахом скомандовал залп. Шеренга мушкетеров дала залп, развернулась и уступала место следующей, и так раз за разом. Получив несколько залпов, ясновельможные паны развернули коней и пустились в беспорядочное бегство. Чтоб меня! Военная машина еще не стала идеальной, но уже работает! Эх, сейчас бы атаковать их тяжелой кавалерией! Хотя черта с два, гульден против медного гроша, что отступление ложное. Изучив доступные мне описания польско-шведских сражений, я понял, что они мастера на такие кунштюки. Так что стоим твердо и невозму-

тимо, как стойкие и оловянные во всю голову солдатики. И точно, только что отступавшие в полном беспорядке польские кавалеристы уже развернулись и готовы в полном порядке атаковать зарвавшихся преследователей. А преследователей-то и нет! Поляки возвратились и атаковали с прежней силой, хотя я точно видел немалое количество павших на поле боя, а также скачущих без всадников лошадей. Ничего, атакуйте, атакуйте, свинца и пороха у нас довольно. Атака была отбита точно так же, и точно так же мои кавалеристы не тронулись с места. Кажется, Одзиевский начал понимать, что так он только сточит своих воинов о мекленбургский наждак, и, подкрепив поредевшие хоругви оставшимися у него войсками, вновь атаковал, но уже всеми силами. Мушкетеры вели методичный огонь, но кавалеристы, казалось, на этот раз на их стрельбу не обращали никакого внимания. Я стал понимать, в чем секрет польских побед. Экие смельчаки, сам черт им не брат! Останови таких попробуй. Наконец всадники прорвались к строю пехоты сквозь свинцовую метель. Еще секунда – и их сабли начнут кровавую жатву, но что это? Между ними и мушкетерами откуда-то возникли «испанские козлы», а строй расступился и на прямую наводку выкачены пушки. Залп картечью в упор смешивает атакующих с землей, и немногие оставшиеся в живых поляки разворачивают коней. Первая атака отбита, но это еще не конец. Оружие заряжено, и линия мушкетеров начинает движение. Гренадеры подхватывают «козлов» за нарочно при-

деланные лямки и несут, готовые при необходимости вновь огородиться ими. Пикинеры, блестя доспехом, идут следом, подняв пики. Пушкари, впрягшись в построики, тянут свои пушки. Да какие это пушки? Так, пушечки! В любом другом деле, скажем, в осаде вражеской крепости или в стрельбе по кораблям, от них было бы совсем мало толку. Но при стрельбе картечью в упор они производят страшные опустошения в рядах противника.

Тем временем Одзиевский привел в порядок свои хоругви и вновь попытался атаковать. Да что же это такое, они что, стальные? Поляки перли вперед так, что хотелось подумать, будто не было страшных потерь от ружейного и артиллерийского огня. Вот грянули мушкетные залпы, вот опять брошены «козлы» под ноги дорогих скакунов, какими славится польская кавалерия. Вот пушки прорубили картечью длинные просеки в польских хоругвях. Но ничто не может остановить этих отчаянных смельчаков, и вот-вот скрестятся польские сабли и мекленбургские пики. И тут в дело идет последний козырь моей пехоты. Гренадеры уже запалили фитили своих гранад, и «чертовы яблоки» (как их называют мои солдаты) летят в немногих прорвавшихся шляхтичей. Прекрасно выезженные кони выдержали мушкетную стрельбу и пушечные залпы. Они донесли своих всадников до врага сквозь все препятствия, но рвущиеся рядом гранады – уже чересчур даже для этих благородных животных. Они шарахаются в сторону, взвиваются на дыбы и сбрасывают своих се-

доков. Это все, вражеская атака отбита, и на отхлынувшую польскую кавалерию устремляются мои кирасиры, драбанты и рейтары. Они настигают деморализованных противников и рубят их саблями, выбивают из седел выстрелами из пистолетов. Одна хоругвь все же сохраняет строй, и ее командиры пытаются развернуть ее для контратаки. Увы, сегодня не их день. В зарослях леса уже заняли позицию мои русские стрельцы во главе с Анисимом. Дружный залп в самую гущу уже колеблющегося врага – и его воля к сопротивлению сломлена. Немногие сохранившие хладнокровие пытаются взять стрельцов в сабли, но они, в отличие от разрядивших оружие мушкетеров, не беззащитны. Подхватив бердыши, Анисим и его люди смыкают ряды и ловко отбиваются. Это уже агония, и вскоре мы объединенными усилиями загоняем последних оказывающих сопротивление поляков в их укрепленный лагерь.

Это был первый бой, когда я не лез очертя голову впереди своих людей, а руководил им со стороны. Все получилось как нельзя лучше, но хорошо начатое дело необходимо так же хорошо закончить. Поляков еще много, оружия у них тоже в достатке, и если я пошлю своих людей на штурм, то потерь будет предостаточно. Ну нет, мы пойдем другим путем, и вновь на прямую наводку выкатились пушки, на этот раз заряженные ядрами. Парламентер поинтересовался у осажденных – не желают ли благородные господа сдаться? Господа не желают, и пушки вновь сказали свое веское слово. От во-

зов во все стороны полетели обломки, калеча обороняющихся, но команды на штурм, как и прежде, не было. Передвинули орудия и продолжили методично разносить польский лагерь. После шестого залпа осажденные выбросили белый флаг. Давно бы так. Выходить по одному, оружие и амуницию складывать аккуратно! Они нам еще пригодятся, так что попросил бы.

Помню, в детстве читал книжку о великом полководце древности Ганнибале, со временем детали из памяти стерлись, и вряд ли я сейчас припомню подробности, но одно помню точно. Он всегда побеждал, но никогда не мог воспользоваться плодами победы. Тогда я еще удивился: как это не смог воспользоваться, чего тут мочь-то? Теперь понимаю. Я разгромил польский отряд наголову. Мои мушкетеры и пушкарки не дали им даже приблизиться. Потери были столь ничтожны, что нечего о них и упоминать. То, что солдат у меня было несколько больше, чем у поляков, особой роли не играло, поскольку шведы раз за разом терпели поражения при подобном соотношении сил. И при всем при этом моя победа никого в родном герцогстве не обрадовала. Ни дворян, ни бюргеров, ни крестьян. Впрочем, последним было просто пофиг. Победил герцог, проиграл – разница небольшая, работы от этого в деревне меньше не станет. А вот остальные, похоже, просто испугались. Всего испугались – моей неумолимой энергии, возможной мести короля Сигизмунда, просто какого-то движения в тихом и родном боло-

те. Короче, подданные ненавязчиво дали понять моей светлости, что очень гордятся мной. Но если бы я совершал свои подвиги где-нибудь в другом месте, их обожание было бы просто безграничным. Нечто подобное я наблюдал в Швеции. Когда я отбил атаку датских рейтар, на меня смотрели одобрително – дескать, молодец парень, такой же дубовый, как мы! А после Кальмарской резни одобрения поубавилось, хотя, казалось бы... После налета на Кристианополь от взглядов шведских офицеров стало просто скисать молоко. Как будто я каждому из них любимую мозоль оттоптал. Нет, я понимаю, выскочек нигде не любят, но я же, *deine mutter*²⁸, ваш герцог!

И вот я со своими войсками грузюсь в Росток на корабли. Мои солдаты бодры и веселы. Они только что победили и получили щедрую награду. Я тоже не в убытке – мне достался польский обоз и куча других трофеев. Львиная их доля осела в Шверине в моей новой резиденции. Да-да, теперь я герцог Мекленбург-Шверинский. Кузен и его матушка герцогиня София скушали, не поморщившись. Иоганн Альбрехт, во-первых, потому, что номинально он остался старшим. А во-вторых, другого выхода у него все равно не было. С разлюбезной тетушкой было сложнее, но договорились. Пока я отсутствую, она управляет моими амтами и выступает от моего имени в совете трех. Совет трех – это новый орган управ-

²⁸ Вашу мать (нем.). Дословно: твою мать.

ления герцогством. Трое – это кузен, тетушка и я, сирый и убогий. Совсем, совсем младший. Так что тетка, пока меня нет, рулит всем. С одной стороны, это хорошо – женщина она бережливая и богобоязненная, лишнего не возьмет. С сыночком она в ссоре и, похоже, мириться не собирается. С другой – кто его знает, как оно повернется за время моего отсутствия. Родная кровь, как-никак! Но будем решать проблемы по мере их поступления. Одним из главных условий, поставленных мной, было то, что герцог Иоганн Альбрехт II Мекленбург-Гюстровский, сиречь мой дражайший кузен, не женится до моего возвращения. Чует мое сердце, что он совсем не женится и следующие поколения герцогов Мекленбурга будут моими потомками.

Отдельной проблемой стали пленные. Большинство знатных и богатых панов, за которых можно было получить выкуп, были в рядах атакующих хоругвей, почти помноженных на ноль артиллерийским и мушкетным огнем. Оставшиеся в живых были так или иначе зависимыми от них людьми, то есть, с моей точки зрения, крепостными. Правда, почти все они мне заявили, что являются шляхтичами и требуют к себе соответствующего отношения! Ага, сейчас! Если к каждому, кто правил конями в панском обозе, разводил огонь на стоянках и кашеварил, относиться как к шляхтичу, то меня в Европе засмеют (и жаба задушит). Так что моя светлость предельно вежливо поинтересовалась – кто из таких достойных панов может заплатить за себя выкуп в сколь-

ко-нибудь приемлемые сроки? Эффект был как на вопрос, кто хочет поработать на ликероводочном заводе, заданный незабвенным Басовым в «Приключениях Шурика». Шагнули все, причем так дружно, как будто тренировались. После чего я уже совершенно медовым голосом пообещал, что если через месяц каждый из них не заплатит за себя пять сотен полновесных талеров, то я лично найду каждому место в каменоломне и хорошее кайло. Ну, или, как вариант, галеру и весло. А что, Аникита вон соврать не даст, там люди постоянно нужны!

Два десятка случайно выживших панов (реальных панов, а не всякой шелупони) во главе с тяжелораненым, но пока еще дышащим паном Одзиевским были размещены по одному у кузена, тетушки и других дворян в Мекленбурге. При чем я им со всей ответственностью заявил, что если кто сбежит, то я найду с кого получить выкуп. Если же несчастный, оставленный на попечение, не дай бог умрет, это, возможно, будет признано страховым случаем, а возможно, и нет. Посему – лечите лучше, дорогие мои! Самый бедный (и самый здоровый) из более-менее высокопоставленных пленных мог заплатить за себя восемьсот талеров. Пан Одзиевский, если выживет (дай ему бог здоровья!), обогатит меня на десять тысяч. Короче, в зависимости от усилий местных эскулапов мой доход может составить тысяч пятьдесят-восемьдесят.

Трофейное оружие и доспехи побогаче, не считая розданных сразу в награду, тоже кое-чего стоят. Посуды из драг-

металлов два больших мешка заперты в кладовых Шверина. Вот вернусь – разберусь предметно, что и как. Отдельная статья прибыли – кони. Конечно, самые лучшие были под седлом и разделили участь своих всадников, но некоторым все же удалось выжить. Плюс у многих были заводные лошади в обозе. Из тех, что получше, часть, в основном мерины, пожалованы тут же за верную службу, остальные – в герцогские конюшни. Те, что похуже, – на стройки народного хозяйства. В смысле крестьянам. Своим за деньги, чужим – пусть хозяева платят. И не дай бог шталмейстер что-то напортачит, я его самого на колбасу пушу! Вот вернусь и озабочусь созданием своего конезавода. Опять «вот вернусь»! Эх, когда я вернусь-то!

Наконец войска погружены, и мы идем по Балтийскому морю. Впереди «Агнесса» и «Марта», они теперь только для моей светлости и приближенных. Курс на Щецин: мне нужно задать разлюбезному моему дяде Филиппу Набожному один интересный вопрос: по какому такому случаю через территорию дружественной нам Померании (ведь дружественной, или как?!) продефилировали какие-то непонятные поляки? Это удачно получилось, что я дома и с войсками, а если бы наоборот? Нехорошо! Вот совсем-совсем nicht gut²⁹!

Вид у моего дяди при виде меня был слегка пришибленным. Похоже, он не ожидал, что я так сильно обижусь. Нет,

²⁹ Нехорошо (нем.).

я не предъявлял ему претензий, ни делал тонких намеков на разные толстые обстоятельства. Просто стоящая на рейде эскадра активизировала мозговую деятельность померанского герцога, и он сам вспомнил все свои косяки.

– Дорогой племянник, – заговорил он сам за ужином. – Ты, верно, сердишься на своего старого дядюшку за пропущенную мной кавалерию Сигизмунда?

– Ну что вы, дядя. Сигизмунд – тот вообще, как оказалось, ни при чем.

– Да что ты говоришь?

– Именно так, mein lieber, король Сигизмунд только отправил послов выразить обеспокоенность. О посылке войск речь не шла. Да он и не может этого сделать без посполитого рушения. Эти войска нанял сам Одзиевский, не знаю, правда, на какие деньги. Впрочем, догадываюсь: познанский епископ так страстно благословлял на поход против еретика, что явно поучаствовал в финансировании. Но все закончилось благополучно, я проверил своих солдат в деле и слегка поправил свои финансы за счет трофеев. Правда, мне не хотелось бы, чтобы такие походы вошли у наших соседей в привычку. Вы понимаете мою обеспокоенность, дядюшка?

– Да-да, милый Иоганн, разумеется.

Мы довольно плодотворно пообщались, и я отправился ночевать к себе на корабль. Что-то мне не хотелось останавливаться в Щецинском замке. Я довольно быстро шагал к пристани, когда нам наперерез бросилась фигура в длинном

плаще. Мои альгвазилы среагировали моментально, но когда они схватили неизвестного, оказалось, что это женщина, которая громко звала на помощь.

– Ваша светлость! Помогите, ваша светлость! Ради всего святого помогите!

Когда я присмотрелся к женщине, у меня помимо воли вырвалось:

– Фройляйн Катарина фон Нойбек? Вы здесь, а что случилось? И почему вы в таком виде?

Действительно, приближенная княгини Дарловской выглядела совершенно неприглядным образом. Платье разорвано и испачкано, прическа растрепана, лицо изнуренное.

– Ах, мой принц, простите, герцог, не надо тратить время на разговоры обо мне. Помогите Агнессе, она в опасности!

– Агнесса, что вы говорите, где она?

И фройляйн Катарина рассказала мне душераздирающую историю.

Неизвестно почему, но мой добрейший дядюшка герцог Филипп Набожный что-то заподозрил о происхождении беременности у Агнессы Магдалены. Будучи в Дарлове, он между делом поинтересовался, каким видит свое будущее молодая вдова. Вместо того чтобы заявить деверю о том, что у нее нет иных мыслей, кроме как о будущем ребенке, Агнесса поведала о том, что еще молода и надеется найти свое счастье. Филипп перевел разговор на другую тему, но, как видно, не забыл. В другой раз разговор зашел о войне шведов

с датчанами, торговля, дескать, захирела и прочее. Потом разговор перескочил на вашего покорного слугу. Уж больно много ходило слухов о моих подвигах под Кальмаром и в его окрестностях. Услышав мое имя, княгиня оживилась и с нескрываемым удовольствием обсудила мою персону с герцогом. Сложить два и два было нетрудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.